

ГРУППА ВСЕМИРНОГО БАНКА

Конкуренция и восстановление предприятий после пандемии COVID-19

Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии

Управление главного экономиста

Осень 2021

Конкуренция и восстановление предприятий после пандемии COVID-19

Управление главного экономиста

© 2021 год. Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк,
20433 округ Колумбия, Вашингтон, улица NW, 1818 Н
Телефон: 202-473-1000; Веб-сайт: www.worldbank.org

Некоторые права защищены.

1 2 3 4 24 23 22 21

Настоящий доклад является результатом работы сотрудников Всемирного банка и привлеченных внешних экспертов. Выводы, интерпретации и заключения, представленные в настоящем докладе, не обязательно отражают мнение Всемирного банка, его Совета исполнительных директоров или правительств, которые они представляют. Всемирный банк не гарантирует точность данных, использованных в настоящем докладе. Границы, цвета, обозначения и другая информация, представленная на какой-либо карте в настоящем докладе, не подразумевают никаких суждений со стороны Всемирного банка относительно правового статуса какой-либо территории, одобрения или принятия таких границ.

Ничто в настоящем докладе не должно составлять или считаться ограничением или отказом от привилегий и льгот Всемирного банка, каждая из которых за ним сохраняется.

Права и разрешения

Настоящий доклад предоставляется на условиях лицензии Creative Commons «С указанием авторства» 3.0 IGO (CC BY 3.0 IGO) <http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/igo>. В соответствии с лицензией Creative Commons «С указанием авторства» вы можете копировать, рассылать, передавать и адаптировать настоящий доклад, в том числе в коммерческих целях, на условиях, изложенных ниже:

Ссылка на источник — Просим давать следующую ссылку на источник: Всемирный банк, 2021 год. «Конкуренция и восстановление предприятий после пандемии COVID-19». Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии, осень 2021 года. Всемирный банк, Вашингтон, округ Колумбия.

Doi: 10.1596/978-1-4648-1802-8. Лицензия: Creative Commons «С указанием авторства» 3.0 IGO.

Перевод — При переводе настоящего доклада на другие языки просим наряду со ссылкой на источник включать следующую защитительную оговорку: «*Настоящий перевод не осуществляется сотрудниками Всемирного банка, и его нельзя считать официальным переводом Всемирного банка. Всемирный банк не будет нести ответственность за содержание или ошибки, допущенные в настоящем переводе.*».

Адаптация — Если вы адаптируете этот доклад, пожалуйста, включите следующую правовую оговорку наряду со ссылкой на источник: «*Настоящий документ является адаптацией оригинального доклада Всемирного банка. Взгляды и мнения, выраженные в адаптации, являются исключительной ответственностью автора или авторов адаптации и не одобрены Всемирным банком.*»

Сторонние материалы — Всемирному банку не обязательно принадлежит каждый компонент содержания, включенный в данный доклад. Поэтому Всемирный банк не гарантирует, что использование любых отдельных сторонних компонентов или частей, содержащихся в докладе, не приведет к нарушению прав третьих сторон. В случае возникновения претензий вследствие таких нарушений ответственность возлагается исключительно на вас. Если вы пожелаете использовать какой-либо компонент данной работы, то вашей обязанностью будет определение необходимости в получении разрешения на использование и получение разрешения у владельца авторских прав. Примеры таких компонентов могут включать, но не ограничиваться, таблицы, графики или изображения.

Все запросы в отношении авторских прав и лицензий следует направлять в Информационно-издательский отдел Всемирного банка по адресу: США, 20433, федеральный округ Колумбия, Вашингтон, улица NW, 1818 Н,
электронная почта: pubrights@worldbank.org.

ISBN (electronic): 978-1-4648-1802-8

DOI: 10.1596/978-1-4648-1802-8

Макет обложки: Лорен Кейли Джонсон

Русский макет: alexpublishers.ru

Содержание

Выражение благодарности	iv
Список сокращений	vi
Коды стран.....	viii
Региональная классификация, используемая в настоящем докладе.....	ix
Резюме.....	x
1. COVID-19: это надолго?	1
Глобальный контекст	1
Европа и Центральная Азия: последние тенденции и прогноз экономического развития	11
Долгосрочные вызовы и экономическая политика	31
Приложение 1.1 Источники данных и традиционный процесс подготовки прогнозов	39
Список использованной литературы	40
2. Конкуренция и восстановление предприятий после пандемии COVID-19	47
Ландшафт частного сектора до пандемии COVID-19	52
Как предприятия справлялись с кризисом, вызванным пандемией COVID-19?	61
Перераспределение экономической активности от менее производи- тельных к более производительным предприятиям	72
Меры государственной поддержки	82
Выводы для государственной политики.....	89
Заключение.....	92
Приложение 2.1. Данные и методология	94
Список использованной литературы	97

Выражение благодарности

Настоящий Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии (ЕЦА) – результат совместного труда Управления главного экономиста по региону ЕЦА, возглавляемого Аслы Демиргюч-Кунт, Департамента глобальной практики по вопросам макроэкономической, торговой и инвестиционной политики и Департамента глобальной практики по вопросам сокращения бедности и неравенства.

Глава I первой части доклада подготовлена совместно с Группой по перспективам развития аппарата вице-президента Всемирного банка по вопросам справедливого роста, финансов и институтов. В состав авторского коллектива, которым руководила Коллетт Мари Уилер при содействии Джулии Рене Роузман Норфлит, вошли Карлос Артета, Дрив Девеш Ганди, Михаил Локшин, Мария Хейзел Макаданганг, Роуз Мунгаи, Франц Ульрих Рух и Хаю Ву. Ценные комментарии и предложения предоставили Жасмин Чакери, Ивайло В. Изворски, Сандип Махаджан, Себастьян-А Молинеус, Евгений Найдов, Ильяс Сарсенов, Эшли Тейлор, Салман Заиди и Бахром Зияев. Материалы главы I были тщательно согласованы с материалами, предоставленными авторами второй части доклада. Глава II подготовлена специалистами из Управления главного экономиста по региону ЕЦА совместно с Научно-исследовательской группой аппарата вице-президента Всемирного банка по вопросам экономики развития при взаимодействии и с участием сотрудников Департамента глобальной практики по вопросам финансов, конкурентоспособности и инноваций (FCI), Департамента глобальной практики по вопросам макроэкономической, торговой и инвестиционной политики (МТИ), Сектора анализа предприятий аппарата вице-президента Всемирного банка по вопросам экономики развития и Международной финансовой корпорации (МФК). В состав авторского коллектива, которым руководили Дороти Сингер и Мириам Брун при содействии Пола Николаса Виллафлора Пачеко, вошли Дэвид С. Фрэнсис, Леонардо Иаковоне, Франклин Окечукву Мадуко, Джесика Торрес Коронадо и Транг Ту Тран. В процессе подготовки доклада ценные рекомендации и предложения предоставили Мегана Айягари, Филип Джолевски, Марта Личетти, Воислав Максимович, Денис Медведев, Сильвия Музи, Георгиана Поп, Илиас Скамнелос, Стефка Славова, Кохеи Уеда и Доменико Виганола. Комментарии предоставили Али Х. Абукумаил, Эрдем Атас, Рина Бадияни-Магнуссон, Ана Паула Кусолито, Томас Фароле, Аугусто Тано Куаме, Наташа Капил, Майкл Локшин, Мариана Иутти Де Пайва Диас, Кристофер Дэвид Миллер, Себастьян-А Молинеус, Людмила Познанская, Стивен Н. Шонбергер, Рено Селигманн и Иван Торре. Авторы выражают благодарность Анне Бьерде, Сяоцин Ю и руководителям подразделений, осуществляющих деятельность в регионе ЕЦА, за рекомендации и предложения, предоставленные в ходе подготовки доклада.

Вторая часть доклада подготовлена сотрудниками Департамента глобальной практики по вопросам макроэкономической, торговой и инвестиционной политики (под руководством Эндрю Бернса, Лалиты М. Мурти, Сандипа Махаджана и Жасмин Чакери) и Департамента глобальной практики по вопросам сокращения бедности и неравенства (под руководством Салмана Заиди). В состав этого авторского коллектива вошли Азамат Агайдаров, Рина Бадиани-Магнуссон, Хавьер Эдуардо Баес Рамирес, Ханс Ананд Бек, Олена Богдан, Том Бундервоет, Мари-Анн Шамбонье, Марсель Чиструга, Франсис Денниг, Мариам Долидзе, Андрей Сильвиу Доспинеску, Бакыт Дубашов, Ольга Емельянова, Самуэль Фрейхе-Родригес, Алан Фукс, Йосип Фонда, Анастасия Головач, Гоар Гулумян, Александр Хайдер, Кирил Гайдук, Сандра Хливняк, Саида Исмайлахунова, Ивайло В. Изворски, Шарль Юст, Джонатан Джордж Карвер, Темина Шаукат Хан, Дэвид Стивен Найт, Милан Лакичевич, Чан Ки Ли, Леонардо Рамиро Лучетти, Санья Мадзаревич-Суйстер, Армине Манукян Салмаси, Моника Анна Матьжа, Кристина Катрин Меркадо, Роуз Мунгаи, Бесарт Мидерризи, Винаякрадж Нагарадж, Евгений Найдов, Арвинд Наир, Метин Небилер, Транг Ван Нгуен, Нга Ти Вьет Нгуен, Десислава Еникова Николова, Ана Мария Овиедо, Каталин Пауна, Алишер Раджабов, Сьямсу Рахардья, Надир Рамазанов, Ричард Джеймс Лоуден Рекорд, Наташа Рово, Ильяс Сарсенов, Кристина Савеску, Марк Тобиас Шиффбауэр, Уильям Хатчинс Сейц, Аслы Сенкал, Лазар Сестовиц, Дираджд Шарма, Хильда Шияку, Марына Сидаренка, Дэвид Эндрю Стифан, Тихомир Стучка, Ти Тан Тан Буи, Эскендер Трушин, Кристоф Унгерер, Бенджамин Вуйлеминрой, Пинар Ясар и Бахром Зияев.

Доклад подготовлен под редакцией Сандры Гейн и Барбары Карни. Верстку выполнил Майкл Алван. Коммуникационную и информационную поддержку обеспечили Индира Чанд, Пол Энтони Клер, Карл Патрик Хэнлон, Артем Колесников, Сона В. Панаджян, Эрин Скронс и Эми Стилвелл. Екатерина Ушакова координировала оформление и публикацию доклада.

Список сокращений

BPS	Исследование «Пuls бизнеса»
BTI	Индекс трансформации Бертельсманна
COVAX	Глобальный механизм по обеспечению доступности вакцин против COVID-19
EMDE	Страны с формирующимся рынком и развивающиеся экономики
EPLex	Индекс оценки законодательства о защите занятости Международной организации труда
FCS	Нестабильные и затронутые конфликтами ситуации
IFC	Международная финансовая корпорация
GCI	Индекс глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума
PMI	Индекс деловой активности
PMR	Показатели регулирования товарных рынков
WDI	Показатели мирового развития
WGI	Показатели качества государственного управления
БиГ	Босния и Герцеговина
ВВП	Валовой внутренний продукт
ВАТР	Восточная Азия и Тихоокеанский регион
ВЕ	Восточная Европа
ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения
ВПИИ	Вертикальные прямые иностранные инвестиции
ВЭФ	Всемирный экономический форум
G20	«Группа двадцати»
ГП	Государственное предприятие
ЕБРР	Европейский банк реконструкции и развития
ЕЦА	Европа и Центральная Азия
ЕЦБ	Европейский центральный банк
ЕС	Европейский союз
ЗБ	Западные Балканы
ЛАК	Латинская Америка и Карибский бассейн
ЛПР	Личные потребительские расходы
МВФ	Международный валютный фонд
МОТ	Международная организация труда
МСП	Малые и средние предприятия
НПО	Неправительственная организация
ОП	Обследование предприятий

ООН	Организация Объединенных Наций
ОПЕК	Организация стран-экспортеров нефти
ОПЕК+	Организация стран-экспортеров нефти и их партнеры
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
п.п.	Процентные пункты
ПИИ	Прямые иностранные инвестиции
ПП	Промышленное производство
ППС	Паритет покупательной способности
РЭ	Развитые экономики
СФП	Совокупная факторная производительность
ЦА	Центральная Азия
ЦЕ	Центральная Европа
ЮК	Южный Кавказ
ЮНКТАД	Конференция ООН по торговле и развитию

Коды стран

Албания	ALB	Литва	LTU
Армения	ARM	Люксембург	LUX
Австрия	AUT	Республика Северная	
Азербайджан	AZE	Македония	MKD
Беларусь	BLR	Мальта	MLT
Бельгия	BEL	Молдова	MDA
Босния и Герцеговина	BIH	Черногория	MNE
Болгария	BRG	Нидерланды	NLD
Хорватия	HRV	Норвегия	NOR
Чехия	CZE	Польша	POL
Кипр	CYP	Португалия	PRT
Дания	DNK	Румыния	ROM
Эстония	EST	Российская Федерация	RUS
Финляндия	FIN	Сербия	SRB
Франция	FRA	Словацкая Республика	SVK
Грузия	GEO	Словения	SVN
Германия	DEU	Испания	ESP
Греция	GRC	Швеция	SWE
Венгрия	HUN	Швейцария	CHE
Ирландия	IRL	Таджикистан	TJK
Исландия	ISL	Турция	TUR
Италия	ITA	Туркменистан	TKM
Казахстан	KAZ	Украина	UKR
Косово	XKX	Великобритания	GBR
Кыргызская Республика	KGZ	Узбекистан	UZB
Латвия	LVA		

Региональная классификация, используемая в настоящем докладе

Настоящий доклад охватывает 50 стран Европы и Центральной Азии (ЕЦА). Эти страны разделены на 10 групп: Восточная Европа, Западная Европа, Южная Европа, Центральная Европа и страны Балтии, Северная Европа, Западные Балканы, Южный Кавказ, Центральная Азия, Российская Федерация и Турция.

ТАБЛИЦА Е.1 Региональная классификация, используемая в настоящем докладе

Центральная Азия	Центральная Европа и страны Балтии	Восточная Европа	Северная Европа
Казахстан Кыргызская Республика Таджикистан Туркменистан Узбекистан	Болгария Венгрия Латвия Литва Польша Румыния Словацкая Республика Словения Хорватия Чехия Эстония	Беларусь Молдова Украина	Дания Исландия Норвегия Финляндия Швеция
Южный Кавказ	Южная Европа	Западные Балканы	Западная Европа
Азербайджан Армения Грузия	Греция Испания Италия Кипр Мальта Португалия	Албания Босния и Герцеговина Косово Республика Северная Македония Сербия Черногория	Австрия Бельгия Великобритания Германия Ирландия Люксембург Нидерланды Франция
	Российская Федерация	Турция	

Резюме

Спустя почти два года после того, как коронавирусная инфекция COVID-19 впервые захватила мир, пандемия продолжает формировать траекторию развития мировой экономики. Ожидается, что в 2021 году уровень экономической активности в странах с формирующимся рынком и развивающихся экономиках региона ЕЦА повысится на 5,5%; это выше первоначального прогноза вследствие более активного, чем ожидалось, восстановления внешнего спроса, отмечавшегося в первой половине года, а также укрепления внутреннего спроса благодаря вакцинации населения и мерам поддержки экономики. Однако полученный экспортом импульс уже ослабевает, поскольку в мире и регионе распространяются более агрессивные штаммы COVID-19, что также затормозило восстановление внутреннего спроса. В настоящем докладе дается краткий обзор последних событий и представлен прогноз дальнейшего развития региона с учетом ситуации в мире. Кроме того, центральной темой доклада является конкуренция, одно из главных условий уверенного восстановления экономики после пандемии и устойчивого долгосрочного экономического роста.

Согласно прогнозам, в 2022 году темпы восстановления составят 3,4% на фоне дальнейшей стабилизации внешнего спроса и цен на сырье, выхода на плато темпов роста мировой экономики и отмены мер поддержки макроэкономики. Ввиду продолжения пандемии, отсутствия равного доступа к вакцинам и нежелания населения вакцинироваться прогноз остается крайне неопределенным. Восстановление экономики региона сопровождалось стремительным ускорением инфляции и остается уязвимым для финансовых потрясений, которые могут быть спровоцированы неожиданным ужесточением условий кредитования на внешних рынках или резким повышением неопределенности экономического курса и усилением геополитической напряженности.

Несмотря на продолжающееся восстановление мировой экономики и рост объема производства в регионе ЕЦА, который ожидается в 2021 году, сдерживание пандемии COVID-19 остается одной из задач региона. В начале пандемии стремительное распространение заболевания, а также ограничения на передвижение и режимы самоизоляции, введенные для того, чтобы остановить вирус, вызвали внезапные шоки предложения и спроса, проявившиеся в сокращении объема производства и снижении производительности.

В настоящем докладе об экономике региона ЕЦА дается оценка воздействия пандемии COVID-19 на предприятия региона; при этом особое внимание уделяется роли конкуренции в период кризиса и последующего восстановления. Конкуренция является центральной темой, поскольку она ассоциируется с динамичным развитием, дает предприятиям стимулы к внедрению инноваций, мотивирует более эффективные предприятия к тому, чтобы выходить на рынок и расти, и при этом способствует уходу с рынка тех, кто менее эффективен. Когда экономики начнут восстанавливаться после кризиса, вызванного COVID-19, нужно будет обеспечить формирование конкурентной деловой среды, способствующей перераспределению ресурсов в пользу более производительных предприятий за счет менее производительных, т.е. запустить процесс «созидательного разрушения».

Пандемия COVID-19 усилила обеспокоенность по поводу ограниченного уровня конкуренции и его возможных последствий для экономического роста. Возможно, мелким предприятиям труднее внедрять новые технологии или бизнес-модели, у них меньше шансов на получение государственной поддержки, и, следовательно, вероятность их ухода с рынка

выше. В таком случае концентрация и доминирование крупных предприятий могут увеличиться, что может еще сильнее ограничить конкуренцию именно в тот момент, когда она больше всего нужна для ускорения восстановления экономики. И субъективные индикаторы, основанные на восприятии, и регуляторные индикаторы говорят о том, что большинство стран региона ЕЦА, особенно государства Центральной Азии и Южного Кавказа, могут усовершенствовать свои институциональные основы и систему правоприменения в целях формирования высококачественной конкурентной среды.

Как показывает анализ результатов опроса предприятий, проведенного в странах с формирующимся рынком и развивающихся экономиках региона ЕЦА, пандемия оказала сильное и дифференцированное воздействие на предприятия. В первом раунде опроса, который состоялся в период с мая по ноябрь 2020 года, предприятия региона сообщили о том, что по сравнению с предыдущим годом они потеряли, в среднем, 24% ежемесячного объема продаж и 10% работников, занятых полный рабочий день. Во втором раунде, проведенном в период с ноября 2020 года по май 2021 года, каждое четвертое предприятие сообщило, что в ближайшие 6 месяцев ожидает возникновения просроченной задолженности по существующим финансовым обязательствам. Более мелкие и более молодые компании сильнее пострадали от кризиса. К началу второго раунда опроса более мелкие и более молодые предприятия, а также компании, где собственниками являются женщины, не смогли восстановить объем продаж после первоначального обвала.

Кризисы могут разорвать многие предприятия, но они нередко оказывают положительное воздействие, выполняя функцию очищения. Это подтверждается фактами, изложенными в настоящем докладе, которые свидетельствуют о том, что во время кризиса, вызванного COVID-19, в регионе ЕЦА произошло перераспределение экономической активности в пользу более производительных предприятий, особенно в странах с более конкурентными рынками. На предприятиях, где до кризиса был высокий уровень производительности труда, падение объема продаж и сокращение численности работников оказались намного меньше, чем на предприятиях, где до кризиса была низкая производительность труда. Кроме того, у более производительных предприятий была выше вероятность адаптации к кризису за счет расширения деятельности на базе сети Интернет и перевода сотрудников на удаленную работу. Насколько устойчивым окажется перераспределение экономической активности в пользу более производительных предприятий, будет зависеть от того, смогут ли расти более производительные предприятия и уйдут ли, в конечном итоге, менее производительные.

Что характерно, в странах с более конкурентными рынками и более продуманной экономической политикой, обеспечивающей защиту конкуренции, такое перераспределение ресурсов в пользу более производительных предприятий было еще заметнее. Аналогично, в странах с более высокой долей занятости в государственном секторе и более значительной долей государственной собственности в банковской системе перераспределение активности в пользу более производительных предприятий за счет менее производительных было менее выраженным, что соответствовало более низкому уровню конкуренции и меньшей динамичности, которые связаны с более заметной ролью государства.

И последнее. Правительства многих стран региона ЕЦА реализовали пакеты мер общей поддержки экономики, которые могли оперативно урегулировать первоначальные экономические последствия кризиса, вызванного COVID-19, и предоставить предприятиям и работникам неотложную помощь, чтобы защитить их от самых сильных воздействий. Страны существенно отличаются друг от друга по охвату мер государственной поддержки, но,

в среднем, половина опрошенных предприятий сообщили о том, что получили от государства ту или иную поддержку в качестве мер реагирования на экономические последствия пандемии. В целом, государства с большей долей вероятности предоставляли поддержку менее производительным предприятиям, у крупных компаний было больше шансов на получение поддержки в виде отсрочки платежей и льгот по уплате налогов, чем у мелких, а меры поддержки предоставлялись предприятиям без учета уровня их инновационности до начала кризиса.

Поскольку общие меры поддержки, реализованные в начале кризиса, судя по всему, принимались в пользу менее перспективных предприятий независимо от уровня их инновационности до начала кризиса, они могут иметь долгосрочные негативные последствия для конкуренции и роста. По мере вступления государств в стадию восстановления экономики правительствам всех стран нужно будет, как можно скорее, приступить к постепенной отмене общих мер поддержки экономики и сосредоточиться на создании условий для формирования конкурентной деловой среды. Такая среда является залогом активного восстановления экономики, устойчивости к будущим кризисам и устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе.

COVID-19: это надолго?

Глобальный контекст

Спустя почти два года после того, как коронавирусная инфекция COVID-19 впервые захватила мир, пандемия продолжает формировать траекторию развития мировой экономики. При том, что во многих странах уже начался процесс циклического восстановления после первоначального обвала экономики во втором квартале 2020 года, предполагаемые темпы восстановления недостаточны для того, чтобы объем мирового производства вернулся на уровень 2022 года, который прогнозировался до начала пандемии. К тому же, процесс восстановления по-прежнему протекает по-разному. Если в крупных экономиках значительный объем мер бюджетной поддержки и широкомасштабная вакцинация населения способствовали ускоренному восстановлению внутреннего спроса, то во многих странах с формирующимся рынком и развивающихся экономиках (EMDE) распространение более агрессивных штаммов коронавируса привело к повторному введению ограничений на передвижение в условиях неравномерного доступа к вакцинам и прогресса в развертывании вакцинации. Трудности, связанные с пандемией, наряду с постепенной отменой мер поддержки макроэкономики ослабляют для стран EMDE некоторые положительные эффекты, обусловленные оживлением внешнего спроса и повышением цен на сырье. В прогнозе развития мировой экономики по-прежнему преобладают понижательные риски, что является отражением затянувшейся пандемии. Кроме того, поскольку в крупных экономиках уровень инфляции превышает целевой ориентир, существует угроза резкого ужесточения условий кредитования на мировом рынке. Решающее значение для выхода на траекторию экологически чистого, устойчивого и инклюзивного восстановления имеют экономические реформы, направленные на ускорение роста.

Пандемия COVID-19 и общие тенденции

После спада 2020 года, вызванного пандемией COVID-19 и составившего, согласно оценкам, 3,4%, рост мировой экономической активности возобновился, однако она по-прежнему намного ниже уровня, который прогнозировался до начала пандемии. Согласно базовому прогнозу, опубликованному в июньском (2021 г.) выпуске доклада «Перспективы

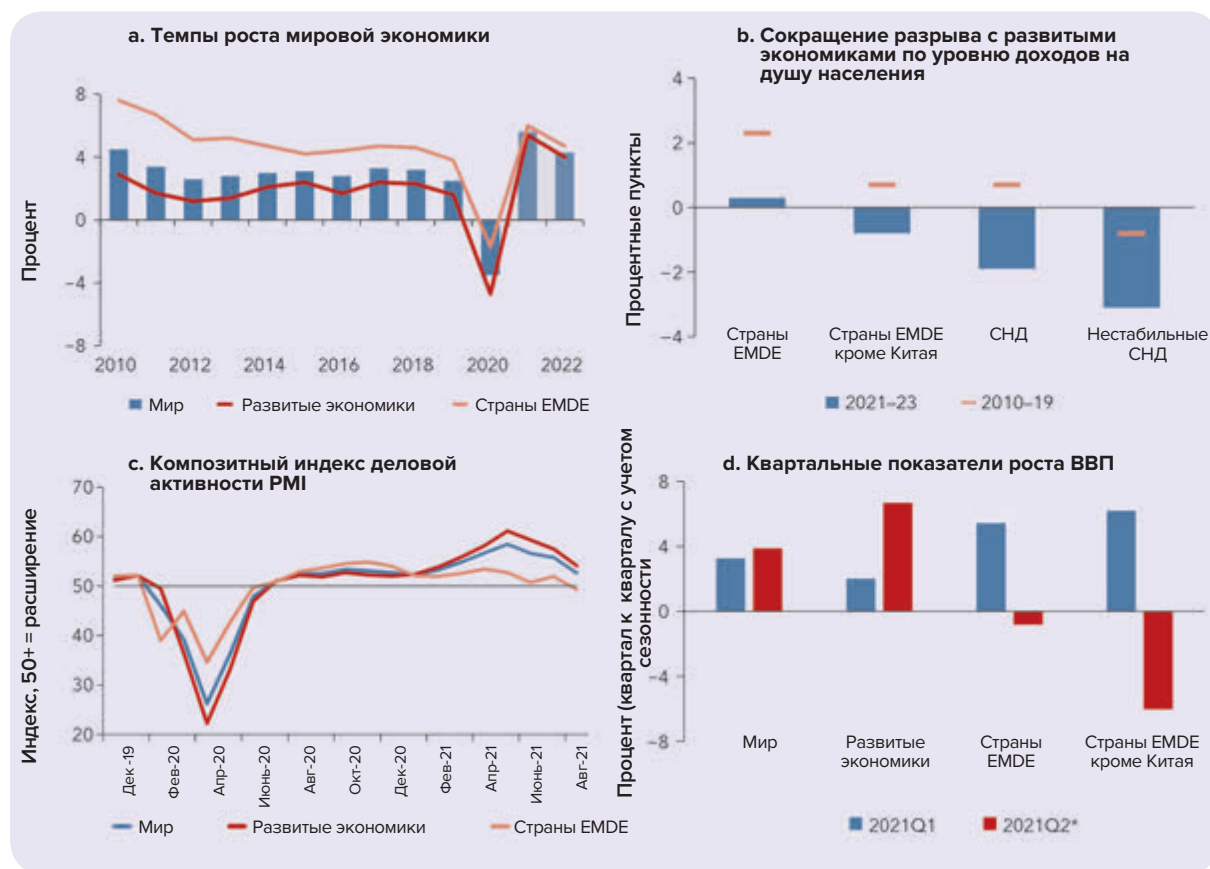
развития мировой экономики», в 2021 году рост мировой экономики составит 5,6% (рисунок 1.1, часть а) (World Bank 2021a). Однако этот прогноз темпов восстановления экономики в значительной степени отражал уверенное возобновление роста в ряде крупных экономик, что было отчасти связано с крупными пакетами мер бюджетной поддержки. Ожидалось, что несмотря на оживление внешнего спроса и повышение цен на сырье, рост экономики многих стран EMDE будут сдерживать сильные вспышки COVID-19, отмечавшиеся на фоне ограниченного доступа к вакцинам и частичной отмены мер поддержки макроэкономики. Согласно прогнозу, процесс восстановления мировой экономики продолжится в 2022 году, но темпы глобального экономического роста снизятся до 4,3%, что недостаточно для достижения уровней объема производства, которые прогнозировались до начала пандемии.

Последствия губительного воздействия пандемии на показатели прироста доходов на душу населения, бедности и неравенства будут сказываться в течение длительного периода времени. Снижение уровня доходов на душу населения, которое произошло в 2020 году, еще не будет полностью компенсировано к началу 2022 года в большинстве стран EMDE, включая ряд государств Европы и Центральной Азии (ЕЦА). Кроме того, замедлилось сокращение разрыва с развитыми экономиками по уровню доходов на душу населения, а некоторых случаях этот разрыв даже увеличился (рисунок 1.1, часть б). Согласно прогнозам, к концу 2021 года около 100 млн человек снова окажутся в состоянии крайней бедности. При этом пандемия привела к обострению проблемы неравенства, поскольку она нанесла непропорционально сильный удар по социально уязвимым категориям населения, включая женщин, детей школьного возраста, а также работников неформального сектора и неквалифицированных работников.

Несмотря на уверенное восстановление мировой экономики, в первом полугодии 2021 года ее рост, скорее всего, вышел на плато, а поступающие экономические данные свидетельствуют о потере динамики на фоне продолжающегося распространения штамма «дельта». Последующий рост числа новых случаев COVID-19, отмечавшийся во всем мире, сопровождался резким падением уровня доверия инвесторов: в третьем квартале 2021 года глобальный индекс Sentix, достигший трехлетнего максимума, снизился почти в два раза. После стремительного расширения, отмечавшегося в первой половине 2021 года, Глобальный композитный индекс деловой активности (PMI) немного снизился в третьем квартале вследствие того, что возобновившийся рост числа новых случаев COVID-19 привел к падению активности в сфере услуг, особенно в странах EMDE (рисунок 1.1, часть с). Аналогично, сократилось расширение индекса PMI в обрабатывающих отраслях, поскольку глобальные перебои в поставках и возобновление застоя в ряде крупных стран EMDE вследствие потрясений, вызванных пандемией, затрудняли размещение новых экспортных заказов.

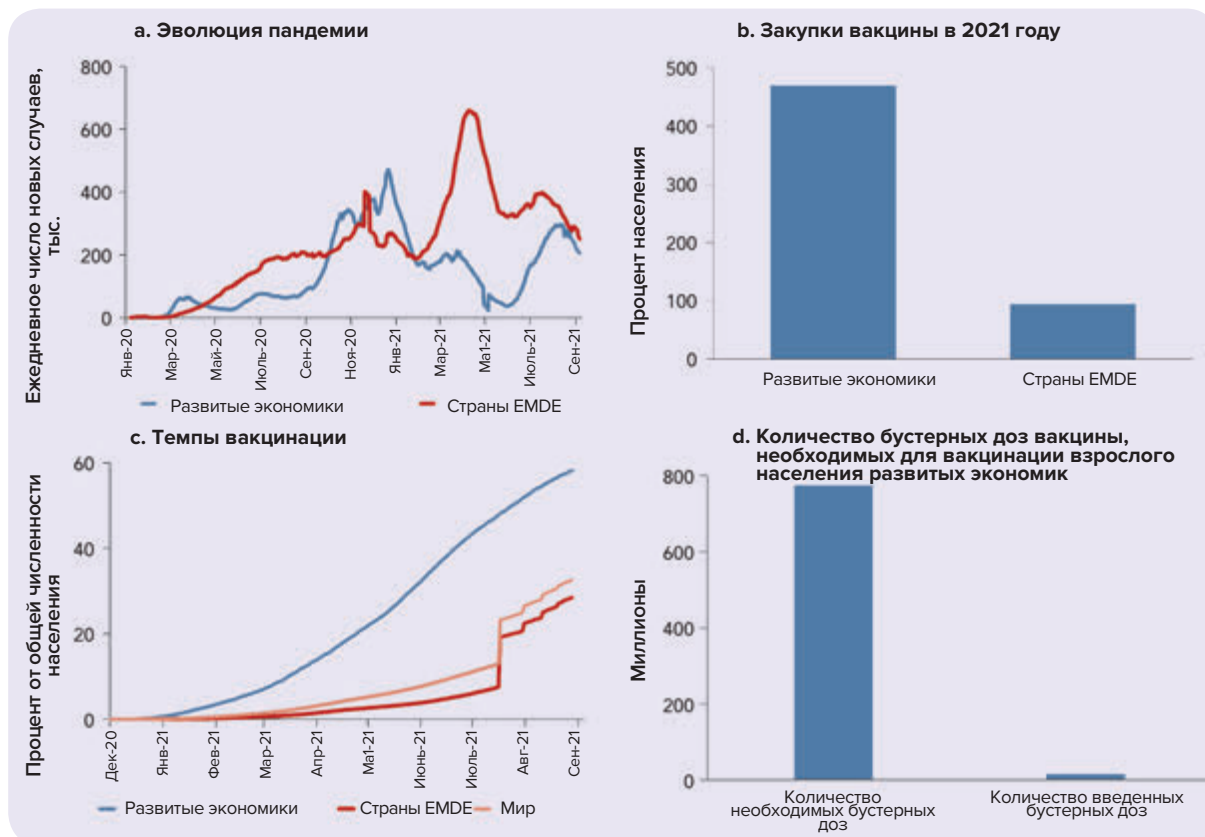
В результате нового всплеска заболеваемости COVID-19 во многих странах процесс восстановления экономики прекратился (рисунок 1.1, часть d). Снижение активности особенно заметно в странах, где отмечаются сильные вспышки коронавируса. В странах EMDE этот процесс осложняют низкие темпы вак-

Рисунок 1.1. Мировая экономическая активность

Источники: Duke Global Health Innovation Center 2021; Haver Analytics; Our World in Data (база данных); ООН; Всемирный банк.
 Примечание. Страны EMDE = страны с формирующимся рынком и развивающиеся экономики; ВВП = валовой внутренний продукт; СНД = страны с низким уровнем доходов; PMI = Индекс деловой активности; к/к = квартал к кварталу; у/с = ежегодные темпы роста с учетом сезонности.
 а. Затененная область обозначает прогнозы. Данные за 2020 год являются оценочными. Совокупные темпы роста рассчитаны с помощью весовых коэффициентов показателей ВВП в ценах 2010 года по рыночным валютным курсам.
 б. Относительный прирост доходов на душу населения рассчитывается как разница в темпах роста ВВП на душу населения между соответствующими группами стран EMDE и развитыми экономиками.
 в. Значения индекса PMI выше (ниже) 50 указывают на рост (сокращение) экономики. Последнее наблюдение – август 2021 года.
 д. Данные за второй квартал 2021 года являются предварительными и относятся к ограниченной выборке стран, в состав которой с учетом наличия данных входят 33 страны EMDE и 35 развитых экономик.

цинации населения, что отчасти связано с крайне неравномерным доступом к вакцинам (рисунок 1.2, части А и В). Если в мировом масштабе, как минимум, одну дозу вакцины получили около 45% населения, то в странах с низкими доходами уровень вакцинации составляет всего лишь около 2%, что является отражением серьезных проблем с закупками и логистикой (рисунок 1.2, часть с). Эта тенденция, скорее всего, сохранится, поскольку краткосрочный прогноз поставок вакцин в рамках Глобального механизма по обеспечению доступности вакцин против COVID-19 (COVAX) недавно был понижен примерно на 30% (Gavi 2021). И это происходит тогда, когда многие развитые экономики рассматривают вопрос о бустерной вакцинации своего населения (рисунок 1.2, часть д).

Рисунок 1.2. Тенденции, связанные с COVID-19

Источники: Duke Global Health Innovation Center 2021; Fitch; Haver Analytics; Our World in Data (база данных); ООН; Всемирный банк.

Примечание. Страны EMDE = страны с формирующимся рынком и развивающиеся экономики.

а. На рисунке показана семидневная скользящая средняя ежедневного числа новых случаев заболевания COVID-19. Последнее наблюдение – 16 сентября 2021 года. В состав выборки входят 36 развитых экономик и 149 стран EMDE.

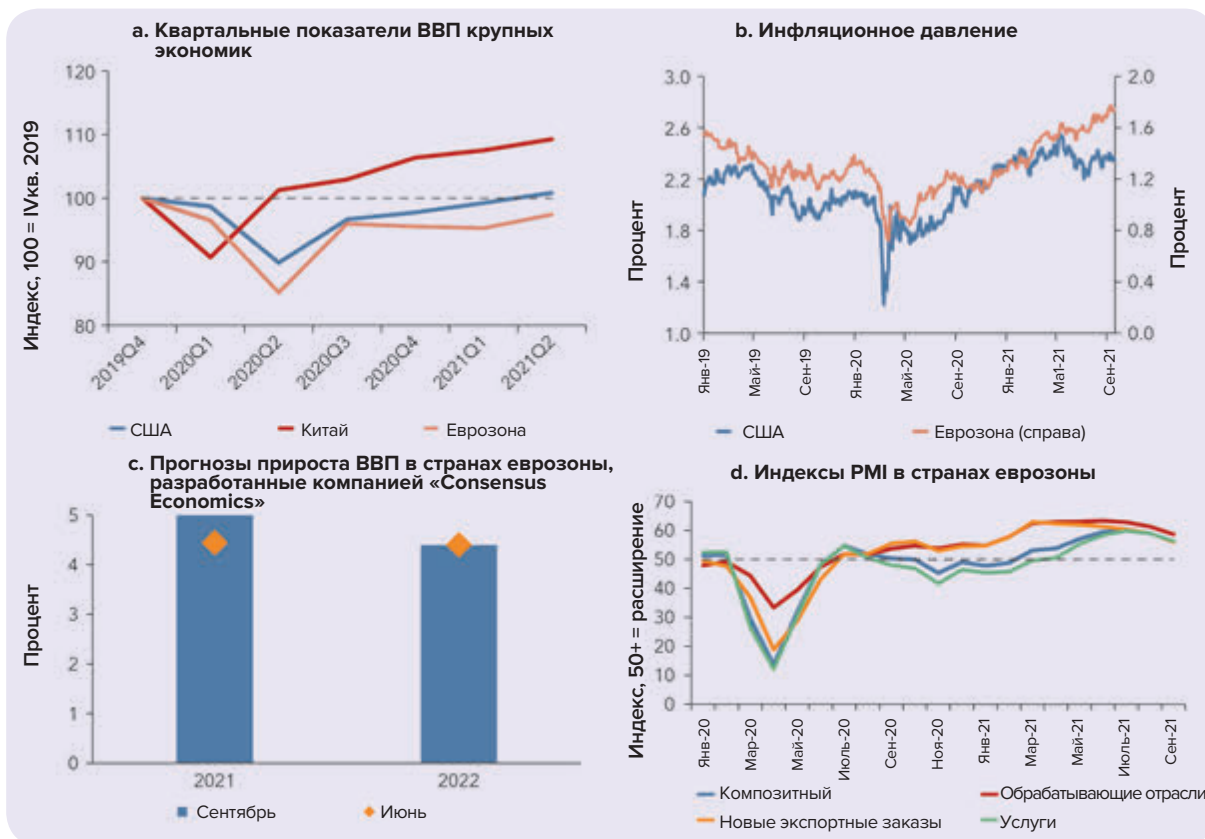
б. На рисунке показано подтвержденное количество закупленных доз вакцин в процентах от общей численности населения. В состав выборки входят 16 развитых экономик и 67 стран EMDE. Данные по состоянию на 17 сентября 2021 года.

в. Человек считается полностью вакцинированным, если он получил дозу однокомпонентной вакцины или обе дозы двухкомпонентной вакцины. Последнее наблюдение – 23 сентября 2021 года.

д. Последнее наблюдение – 2 сентября 2021 года.

После того, как в 2020 году экономика США сократилась на 3,4%, был принят крупный пакет мер бюджетной поддержки, а также мер, направленных на перезапуск экономики, которые способствовали ее уверенному восстановлению. И хотя во втором квартале 2021 года отмечался небольшой прирост валового внутреннего продукта (ВВП) по сравнению с первым кварталом 2021 года – 6,6% против 6,3% (квартал к кварталу с учетом сезонности) – он не оправдал ожиданий рынка (8,5%). Тем не менее, благодаря общей динамике процесса восстановления экономики к началу второго квартала 2021 года объем выпуска товаров и услуг превысил допандемический уровень (рисунок 1.3, часть а). Однако новая волна заболеваемости COVID-19 омрачила перспективы развития экономики во втором полугодии 2021 года. Инфляционное давление увеличилось, а общая инфляция и базовый индекс цен на личные потребительские расходы (ЛПР) значительно превысили целевой ориентир ФРС в размере 2 процентов. Однако, по мнению многих руководящих сотрудников ФРС, рост

Рисунок 1.3. Крупные экономики

Источники: Bloomberg; Consensus Economics; Всемирный банк.
 Примечание. ВВП = валовой внутренний продукт; PMI = Индекс деловой активности.
 а. Последнее наблюдение – второй квартал 2021 года.
 б. Последнее наблюдение – 21 сентября 2021 года.
 в. На рисунке отображен усредненный прогноз для периода, указанного компанией «Consensus Economics».
 д. Последнее наблюдение – сентябрь 2021 года.

инфляционного давления, отмечавшийся в течение последнего времени – явление временное (рисунок 1.3, часть б). Согласно текущим прогнозам руководителей ФРС, до конца 2023 года базовая процентная ставка будет повышаться три раза (в июне прогнозировалось два повышения), а к концу 2021 года начнется постепенное сворачивание программы выкупа активов.

В еврозоне объем выпуска товаров и услуг сократился в 2020 году примерно на 6,5% и к началу второго квартала 2021 года оставался приблизительно на 2,5% ниже уровня четвертого квартала 2019 года. После сокращения экономики, отмечавшегося в течение двух кварталов подряд, во втором квартале 2021 года в еврозоне возобновился экономический рост, составивший 9,2% (квартал к кварталу с учетом сезонности), что позволило улучшить прогнозы роста для частного сектора на 2021 год (рисунок 1.3, часть в). Оживлению экономики способствовало повышение активности в секторе услуг в результате ослабления ограничений на передвижение и ускоренного развертывания вакцинации населения. Хотя поступающие данные о композитном индексе PMI свидетель-

ствуют о том, что в третьем квартале уровень экономической активности в еврозоне оставался высоким, нарастающие трудности с поставками и отправкой грузов оказали негативное влияние на обрабатывающие производства (рисунок 1.3, часть d). Этот рекордный объем невыполненных заказов также способствовал росту цен, и в августе инфляция достигла своего десятилетнего максимума в размере 3%¹.

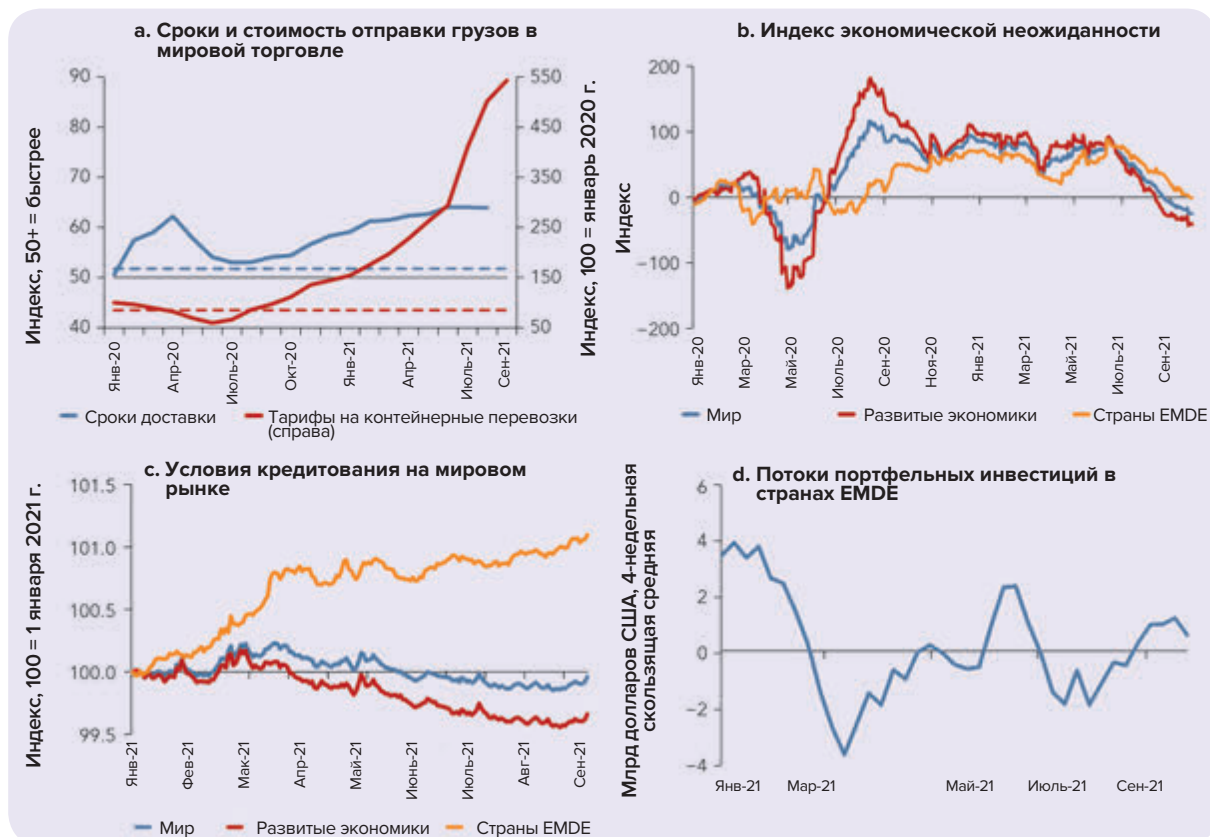
Поступающие данные указывают на то, что экономика Китая продолжает восстанавливаться, хотя и более умеренными темпами, что связано со вспышками COVID-19 и дальнейшим ужесточением нормативного регулирования. Во втором квартале 2021 года рост ВВП замедлился в годовом исчислении до 7,9%, что по-прежнему является весьма неплохим показателем. Высокочастотные индикаторы свидетельствуют о дальнейшем снижении уровня активности в третьем квартале 2021 года в связи с новой волной COVID-19: расширение официальных индексов PMI в обрабатывающих и необрабатывающих отраслях сокращалось, а рост объема розничной торговли не оправдал ожиданий рынка и резко замедлился. К концу сентября около 75% населения Китая получили, как минимум, одну дозу вакцины. Однако ввиду возросшего числа локальных вспышек COVID-19 остаются в силе общие ограничения, введенные в связи с пандемией

В мировой торговле, объем которой сократился в 2020 году на 8,3%, вскоре после прохождения минимума, достигнутого во втором квартале 2020 года, возобновился рост, а к ноябрю объем торговли товарами уже превысил допандемический уровень. К началу второго квартала 2021 года рост мировой торговли товарами резко замедлился, а темпы роста составили около трети показателя предыдущего квартала и продолжали терять динамику в июле. Как показывают данные обследований, снижение темпов роста продолжалось и в последующие месяцы, и в третьем квартале 2021 года на фоне серьезных проблем с поставками и нарушений глобальных цепочек создания добавленной стоимости отмечалось снижение субиндекса новых экспортных заказов индекса PMI в обрабатывающих отраслях. Постоянные задержки с отправкой грузов и дефицит сырья привели к накоплению рекордного объема невыполненных заказов (рисунок 1.4, часть a). При этом торговлю услугами продолжает тормозить длительный застой в сфере туризма, который, как ожидается, останется на низком уровне в течение определенного периода времени вследствие сохраняющихся ограничений на передвижение и нежелания людей путешествовать, пока вирус не будет полностью взят под контроль (UNWTO 2021).

Хотя условия кредитования на мировом рынке, в целом, остаются благоприятными, между развитыми экономиками и странами EMDE появились различия, а Индекс экономической неожиданности оказался хуже прогнозов (рисунок 1.4, часть b). В развитых экономиках, в целом, сохраняются стимулирующие условия кредитования. Однако в связи с опасениями по поводу степени восстановления мировой экономики и темпов замедления процесса восстановления

¹ В июле Европейский центральный банк (ЕЦБ) изменил свою денежно-кредитную политику, повысив целевой ориентир по инфляции до 2% и заявив о том, что в течение короткого периода времени для него будут приемлемы более высокие темпы инфляции. Тем не менее, недавно ЕЦБ объявил о том, что планирует начать сокращение объема экстренной программы выкупа облигаций, запущенной в связи с пандемией.

Рисунок 1.4. Мировая торговля и финансовые показатели

Источники: Bloomberg; harperpetersen.com; Haver Analytics; Институт международных финансов; Всемирный банк.
 Примечание. Страны EMDE = страны с формирующимся рынком и развивающиеся экономики; ВВП = валовой внутренний продукт; PMI = Индекс деловой активности.
 а. На рисунке показаны субиндекс сроков доставки промышленных товаров Глобального индекса PMI и Индекс тарифов доставки контейнеров морским транспортом, разработанный компанией «HARPER PETERSEN» (Индекс HARPEX). Данные PMI инвертируются путем вычитания из 100; следовательно, увеличение (уменьшение) данных PMI означает сокращение (увеличение) сроков доставки. Тарифы на контейнерные перевозки представляют собой среднемесячные значения ежедневных данных и отражают колебания цен на рынке морских контейнерных перевозок. Пунктирные линии означают долгосрочные средние значения в период с января 1998 года по декабрь 2019 года для сроков доставки и с февраля 2018 года по декабрь 2019 года для тарифов на морские контейнерные перевозки. Последнее наблюдение – август 2021 года для сроков доставки и 24 сентября 2021 года для тарифов на морские контейнерные перевозки.
 б. На рисунке отображен Индекс экономической неожиданности, разработанный компанией «Stigtop Inc.». Индекс показывает, в какой степени экономические данные соответствуют или не соответствуют ожиданиям. Последнее наблюдение – 28 сентября 2021 года.
 в. Составлено на основе страновых индексов условий кредитования, разработанных компанией «Goldman Sachs», которые отслеживают стоимость заимствований, обменные курсы и котировки акций. Совокупные показатели, взвешенные по ВВП, рассчитываются на основе показателей ВВП за 2021 год, измеренных с использованием средних цен и рыночных обменных курсов за период с 2010 по 2019 годы. В состав выборки входят 10 развитых экономик, страны еврозоны и 14 стран EMDE (без учета Китая). Показание выше 100 означает ужесточение условий кредитования. Последнее наблюдение – 17 сентября 2021 года.
 д. На рисунке показана четырехнедельная скользящая средняя ежедневных потоков портфельных инвестиций. Последнее наблюдение – 24 сентября 2021 года.

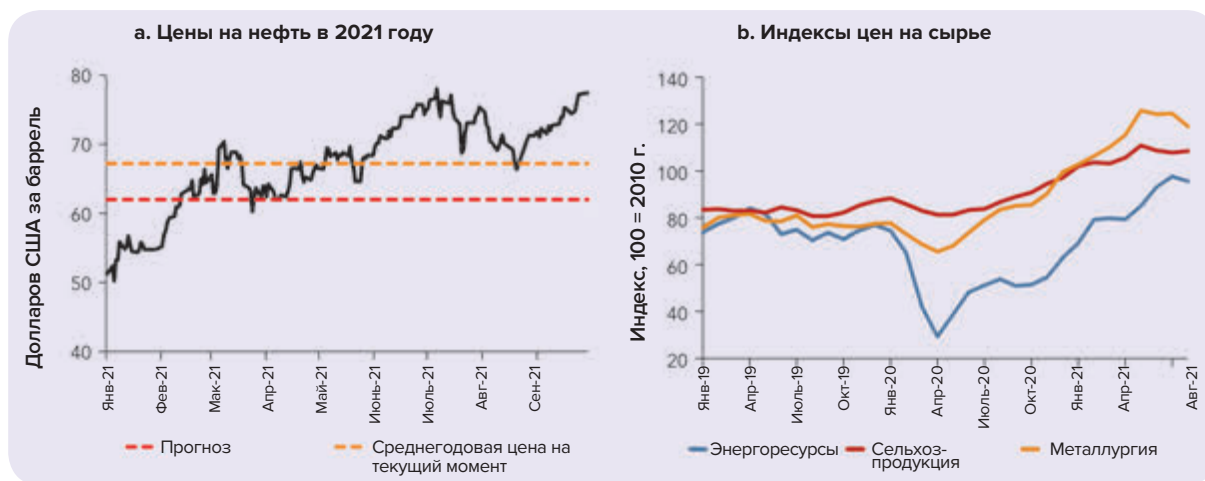
в развитых экономиках на рынке периодически стали появляться очаги краткосрочной волатильности. Котировки акций в развитых экономиках остаются на рекордно высоких уровнях, несмотря на некоторое расширение спредов по корпоративным облигациям. Между тем, в июле доходность 10-летних государственных облигаций США впервые с февраля упала до уровня менее 1,3% и колебалась вокруг этой отметки в течение большей части третьего квартала 2021 года на фоне признаков снижения активности и беспокойства по поводу продолжающегося распространения штамма «дельта». В конце сентября доходность американских государственных облигаций снова повысилась после того, как ФРС объявила о постепенном сворачивании программы выкупа акти-

вов, к которому она планирует приступить в конце текущего года, и перспективах дополнительного повышения базовой процентной ставки, в результате чего до конца 2023 года ставка будет повышаться, в общей сложности, три раза.

С июня в странах EMDE отмечается ужесточение условий кредитования (рисунок 1.4, часть с). Несмотря на снижение процентных ставок в США и активную эмиссию облигаций в странах EMDE, в июле кредитные спреды по облигациям стран EMDE расширились и остаются повышенными, что отражает повышение ключевых ставок в ряде стран EMDE. Кроме того, дальнейшему повышению стоимости заимствований и ослаблению национальных валют некоторых стран способствовали вызванный пандемией экономический спад и страновые риски. После небольшого увеличения притока портфельных инвестиций в страны EMDE, отмечавшегося в конце второго квартала 2021 года, в июле и августе возобновился отток портфельных инвестиций, что было обусловлено ожиданиями более быстрой, чем предполагалось, нормализации экономической политики в США. И хотя в сентябре в странах EMDE снова отмечался приток портфельных инвестиций, их объем оставался чувствительным к общему снижению аппетита к риску (рисунок 1.4, часть d). Базовая уязвимость возрастает, включая повышение уровней задолженности и ухудшение банковских балансов, особенно в связи с окончанием срока действия послаблений, введенных в связи с пандемией COVID-19.

В первом полугодии 2021 года произошел резкий рост цен на сырье; многие из них сейчас уже стабилизируются на отметках, значительно превышающих допандемические уровни. Цены на нефть заметно выросли в 2021 году, а средняя цена составляет на данный момент 67 долларов США за баррель, что намного выше ожидавшейся ранее средней цены за весь 2021 год (рисунок 1.5, часть a) (World Bank 2021a). В последнее время отмечается некоторая

Рисунок 1.5. Сырьевые рынки

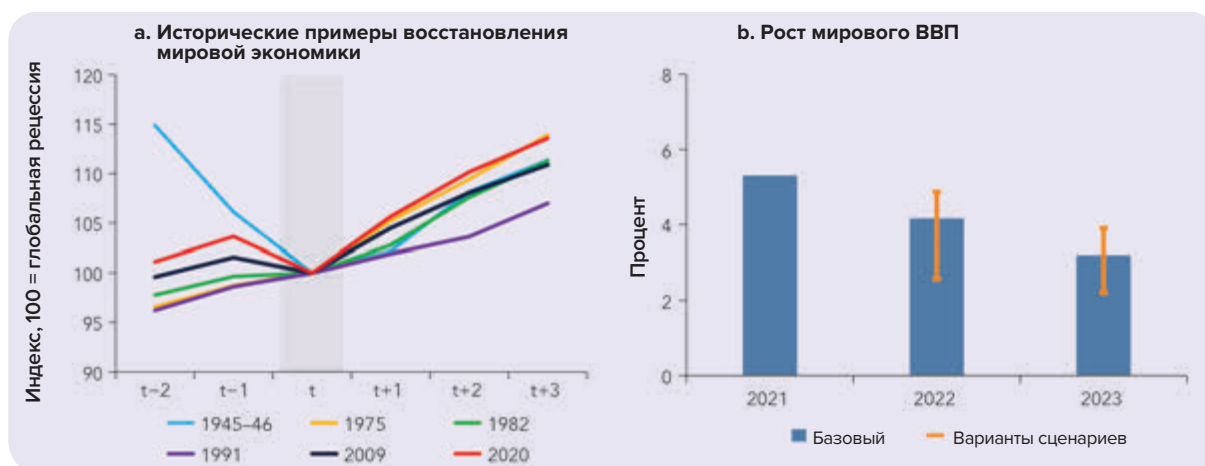
Источники: Bloomberg; harperpetersen.com; Haver Analytics; Всемирный банк; Всемирная торговая организация.
 а. На рисунке показаны цены нефти марки Brent. Пунктирная красная линия обозначает прогноз цены одного барреля на 2021 год (62 доллара США), а пунктирная оранжевая линия — среднегодовую цену на текущий момент (67 долларов США). Последнее наблюдение — 29 сентября 2021 года.
 б. Последнее наблюдение — август 2021 года.

волатильность цен на нефть: в конце сентября цена нефти марки Brent ненадолго подскочила до отметки выше 80 долларов США за баррель. Это случилось после периода снижения цен на фоне распространения штамма «дельта», которое вызвало беспокойство по поводу снижения спроса, особенно в Китае. Как и предполагалось в июне, цены на нефть, скорее всего, останутся повышенными, а затем стабилизируются по мере восстановления мировой экономики в 2022 году. Наряду с этим, согласно июньским прогнозам, благодаря оживлению экономики в 2021 году цены на металлы, в среднем, должны быть на 36% выше прошлогодних цен, а затем снизиться в 2022 году вследствие смягчения некоторых факторов, ограничивающих поставки. Цены на сельскохозяйственные товары, особенно на продовольствие, тоже значительно выросли. Согласно предшествующим прогнозам, в 2021 году цены вырастут на 16%, а затем стабилизируются в 2022 году (рисунок 1.5, часть б).

Глобальные риски

Согласно июньскому прогнозу роста мировой экономики, темпы восстановления экономики в 2021 году составят 5,6% – это самый высокий показатель пострецессионного роста за последние 80 лет – а затем снизятся до 4,3% в 2022 году (рисунок 1.6, часть а)². Несмотря на такой довольно оптимистичный базовый сценарий, для прогноза по-прежнему характерны серьезные понижающие риски, особенно в условиях пандемии. Согласно пессимистическому сценарию, предполагающему продолжительную пандемию, темпы роста ми-

Рисунок 1.6. Глобальные риски

Источники: Bolt et al. 2018; Guénette and Yamazaki 2021; Kose, Sugawara, and Terrones 2020; Oxford Economics; Всемирный банк.

а. Данные за 2021–23 годы, используемые в «случае 2020-го года» – это прогноз. Линии обозначают случаи глобальной рецессии. Если глобальная рецессия продолжалась более года, оценки охватывают несколько лет.

б. Синие столбцы обозначают базовые оценки роста валового внутреннего продукта (ВВП), взятые из базы данных июньского (2021 г.) выпуска доклада «Перспективы мировой экономики». Оранжевые «усы» обозначают диапазоны сценариев, рассчитанных с помощью оксфордской глобальной экономической модели, по сравнению с базовым сценарием, описанным в работе Guénette and Yamazaki (2021).

² В основе июньского базового сценария лежало допущение о том, что к концу 2021 года развитым экономикам удастся обеспечить эффективное сдерживание пандемии благодаря широкомасштабной вакцинации населения; наряду с этим предполагалось, что к тому моменту многие крупные страны EMDE смогут значительно снизить локальную скорость передачи инфекции.

ровой экономики в течение двух ближайших лет снизятся до уровня, аналогичного вялому восстановлению экономики, которое отмечалось после глобального финансового кризиса (рисунок 1.6, часть b). Затянувшаяся пандемия может привести к дальнейшему увеличению неравномерности процесса восстановления, поскольку ограниченный доступ к вакцинам будет по-прежнему тормозить развертывание широкомасштабной вакцинации в бедных странах.

Продолжающаяся вспышка COVID-19 может сильно омрачить перспективы активного восстановления мировой экономики, особенно ввиду появления новых, более опасных штаммов, отличающихся большей устойчивостью к вакцинам. В частности, глобальные темпы роста могут снизиться, если штамм «дельта» будет и в дальнейшем нарушать функционирование экономики. Последние события в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона (ВАТР) подчеркивают значение этого риска. Низкие темпы вакцинации на территории ВАТР в сочетании с более агрессивным штаммом «дельта» привели к интенсивным вспышкам COVID-19 и снижению уровня экономической активности. В результате данные исследований, проведенных компанией «Consensus Economics», свидетельствуют об ухудшении прогнозов развития экономики региона на ближайшую перспективу. Дальнейшее снижение показателей экономического роста в странах ВАТР может ухудшить перспективы развития внешних рынков для других стран EMDE, включая страны региона ЕЦА, которые зависят от экспорта сырья или имеют прочные торговые связи со странами ВАТР. Кроме того, потрясения, вызванные пандемией, еще больше обострили существующие проблемы с поставками, и, если эти проблемы сохранятся, они могут затормозить процесс восстановления мировой торговли и вызвать дальнейшее повышение цен (врезка 1.1).

Кроме того, существует серьезный риск повышения напряженности на финансовом рынке, особенно с учетом стремительного роста государственного и корпоративного долга в прошлом году, которое произошло вслед за десятилетием стремительного накопления долга после мирового финансового кризиса (Kose et al. 2020). В условиях повышенного уровня долга финансовый стресс может быть спровоцирован рядом потрясений, внезапно увеличивающих стоимость заимствований (Rogoff 2021a). Причинами резкого повышения процентных ставок могут быть увеличение неприятия риска, инфляция или ожидания более стремительного ужесточения денежно-кредитной политики. В некоторых странах существует опасность того, что недавнее ускорение инфляции, обусловленное ростом цен на сырье и обесценением валют, «снимет с якоря» инфляционные ожидания. Для стран EMDE, которые осуществляли крупные заимствования в иностранной валюте, которым предстоит погашение больших сумм, требующих пролонгации кредитов, или для стран с ограниченным объемом валютных резервов продолжительный период повышенной инфляции может спровоцировать дальнейшее обесценение национальной валюты, что еще больше увеличит валютный дисбаланс. Это может привести к значительному оттоку волатильных портфельных инвестиций, которые нередко используются для финансирования дефицита счета текущих операций (Ha et al. forthcoming). Эти трудности может усугубить нормализация денежно-кредитной политики в ряде крупных развитых экономик, в результате чего условия кредитования на мировом рынке могут резко ужесточиться (Arteta et al. 2015; Kose et al. 2017).

Европа и Центральная Азия: последние тенденции и прогноз экономического развития

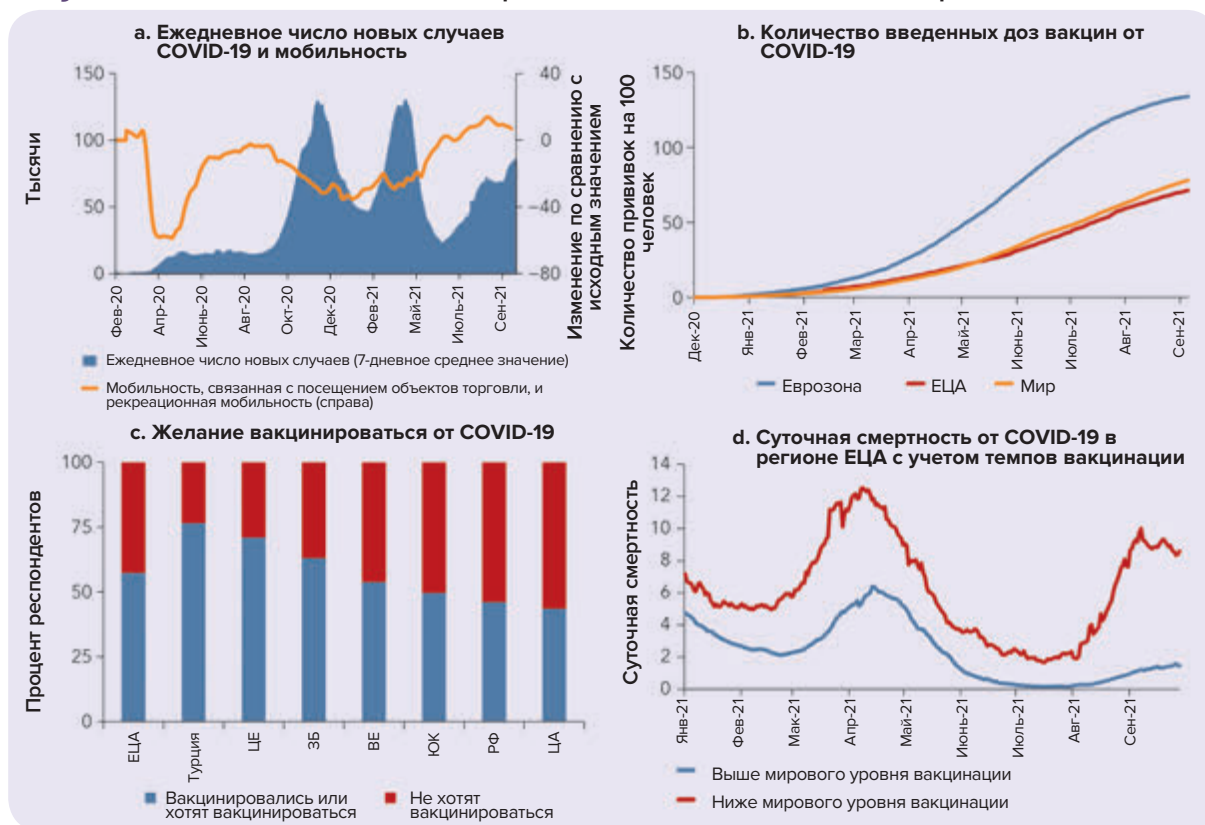
Ожидается, что в 2021 году уровень экономической активности в странах EMDE региона ЕЦА повысится на 5,5%. Это намного выше первоначального прогноза благодаря более активному, чем ожидалось, восстановлению внутреннего спроса, прежде всего, в крупнейших экономиках региона. Эта корректировка прогноза также отражает высокий внешний спрос, способствовавший росту экспорта из региона и повышению цен на сырье. Однако полученный импульс уже ослабевает ввиду того, что в мире и регионе распространяются более агрессивные штаммы COVID-19. Согласно прогнозам, темпы циклического восстановления в регионе ЕЦА снизятся в 2022 году до 3,4% по мере стабилизации внутреннего спроса, выхода на плато темпов роста мировой экономики и снижения цен на сырье. Прогноз на 2022 год хуже, чем предполагалось ранее, поскольку меры поддержки макроэкономики сворачиваются быстрее, чем ожидалось. Ввиду продолжения пандемии прогноз остается крайне неопределенным, особенно с учетом низких темпов вакцинации. Восстановление экономики региона остается уязвимым для финансовых потрясений, которые могут быть спровоцированы неожиданным ужесточением условий кредитования на внешних рынках или резким повышением неопределенности экономического курса и усилением геополитической напряженности.

Последние тенденции экономического развития

Сегодня, спустя более полутора лет после того, как в регионе ЕЦА был зарегистрирован первый случай заболевания COVID-19, пандемия продолжает определять перспективы экономического развития стран EMDE, расположенных в этом регионе³. С тех пор количество инфицированных в регионе ЕЦА превысило 28 млн человек, что ставит этот регион на второе место в мире по количеству зараженных на душу населения. В текущем году в регионе было несколько подъемов и спадов заболевания, и с начала июня наблюдается очередное увеличение ежедневного числа новых случаев заболевания и суточной смертности от COVID-19 (рисунок 1.7, часть а). Пять стран региона ЕЦА – Босния и Герцеговина, Болгария, Венгрия, Черногория и Республика Северная Македония – относятся к числу 10 государств EMDE с самым высоким показателем смертности от COVID-19 на душу населения. Количество введенных доз вакцин в регионе составляет около 70 доз на 100 человек, и это ниже среднемирового показателя, составляющего 80 доз на 100 человек (правда, между странами региона существуют огромные различия) (рисунок 1.7, часть б).

К концу сентября в пяти странах ЕЦА (Азербайджан, Хорватия, Венгрия, Польша и Турция) доля полностью вакцинированных превысила среднемировой показатель, но все остальные отставали от среднемирового уровня. И хотя в последнее время темпы вакцинации повысились, в одной трети стран региона количество введенных доз вакцин составляло около или меньше половины мирового показателя, что отчасти объясняется высокой долей тех, кто не же-

³ В настоящем разделе термин «ЕЦА» означает 23 страны EMDE, расположенных в регионе ЕЦА, для которых Всемирный банк составляет прогнозы роста ВВП.

Рисунок 1.7. Последние тенденции развития пандемии COVID-19 в регионе ЕЦА

Источники: Fan et al. 2021; Университет Джона Хопкинса; Our World in Data; Всемирный банк.

Примечание. ЦА = Центральная Азия; ЦЕ = Центральная Европа; ЕЦА = Европа и Центральная Азия; ВЕ = Восточная Европа; ЮК = Южный Кавказ; ЗБ = Западные Балканы; РФ = Российская Федерация.

а-б. На рисунках показаны семидневные скользящие средние значения.

а. Последнее наблюдение – 28 сентября 2021 года для ежедневного числа новых случаев и 21 сентября 2021 года для показателя мобильности.

б. Последнее наблюдение – 24 сентября 2021 года.

а. Данные о розничной торговле и мобильности относятся к показателям и тенденциям изменения мобильности, связанной с посещением таких объектов, как рестораны, кафе, торговые центры, тематические парки, музеи, библиотеки и кинотеатры. Базовым уровнем мобильности является медианное значение соответствующего дня недели в период с 3 января по 6 февраля 2020 года. Оранжевая линия обозначает базовый уровень мобильности, связанной с посещением объектов розничной торговли. Совокупные показатели рассчитываются как сумма для ежедневного числа случаев и как среднее значение для мобильности. В состав выборки входят 19 стран ЕЦА для мобильности и 23 страны ЕЦА для числа новых случаев COVID-19.

с. Результаты получены по итогам 236 тысяч интервью, проведенных в 18 странах в период с 1 по 30 апреля 2021 года. Столбцы отражают долю населения, получившего, как минимум, одну дозу вакцины, и ответы на вопрос о согласии вакцинироваться. Ответы на вопрос о согласии вакцинироваться взвешены с учетом доли еще не вакцинированного населения. Участникам опроса задавали следующий вопрос: «Стали бы Вы вакцинироваться, если бы Вам сегодня предложили вакцину от COVID-19?» При расчете совокупных показателей в качестве весов используется численность населения.

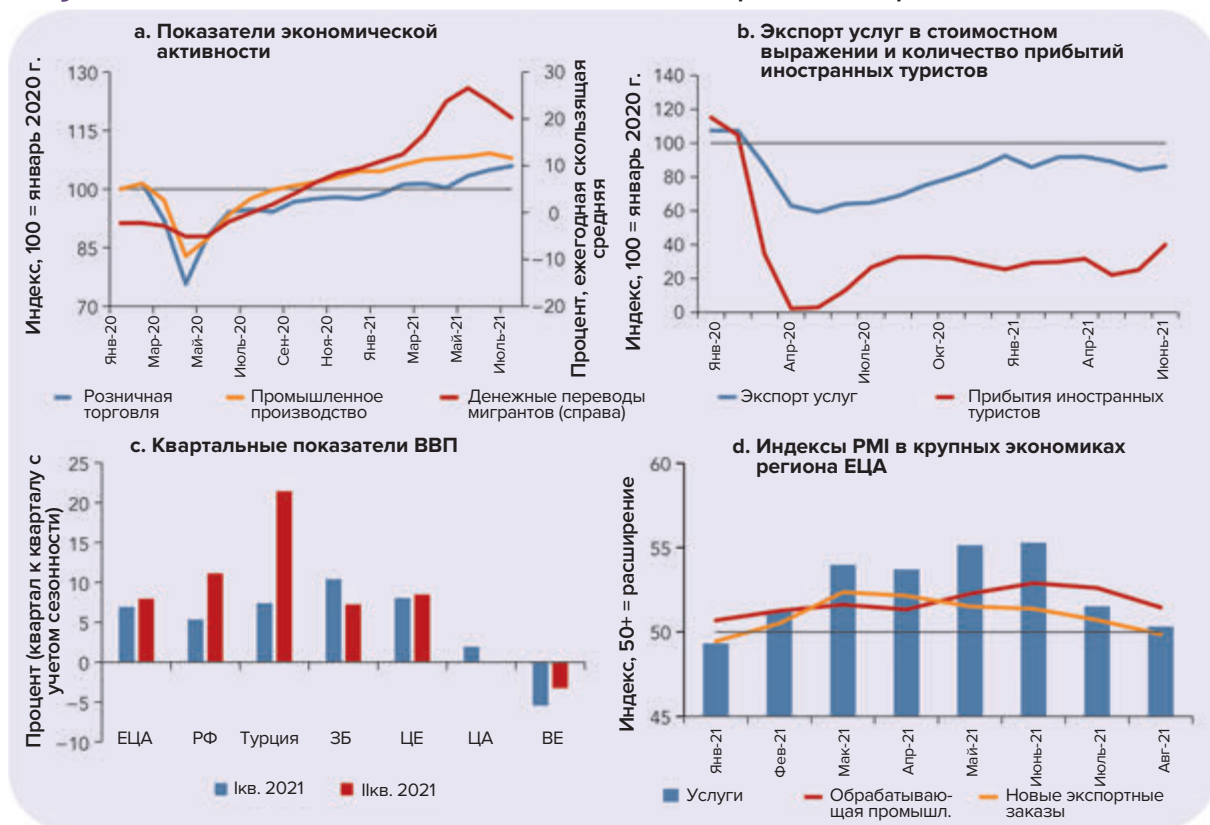
д. На рисунке показана семидневная скользящая средняя суточной смертности от COVID-19 для стран региона ЕЦА с уровнями вакцинации выше и ниже мирового показателя, составляющего около 75 прививок на 100 человек. В состав выборки входят 23 страны региона ЕЦА. Последнее наблюдение – 28 сентября 2021 года.

дает вакцинироваться (рисунок 1.7, часть с). Во многих странах ЕЦА с низким уровнем вакцинации в третьем квартале наблюдался особенно заметный рост числа смертей от COVID-19 (рисунок 1.7, часть д).

После незначительного сокращения объема выпуска товаров и услуг на 2,1%, которое отмечалось в регионе ЕЦА в 2020 году, в начале 2021 года процесс восстановления региональной экономики стал набирать обороты благодаря благоприятным внешним условиям. Более уверенное, чем ожидалось, оживление экономики в еврозоне и Российской Федерации, наблюдавшееся в первой половине 2021 года, поддержало экономическую активность в регионе ЕЦА, увеличив объем экспорта товаров стран ЕЦА и приток денежных переводов трудовых мигрантов в этот регион (рисунок 1.8, часть а) (World Bank 2021a). Темпы восстановления экспорта услуг в странах ЕЦА по-прежнему уступали

темпам роста экспорта промышленных товаров, что отражало вялость международного туризма (рисунок 1.8, часть b). При этом уровень промышленной активности во многих странах региона, экспортирующих нефть и металлы (государства Центральной Азии и Южного Кавказа, Россия), повысился благодаря росту цен на сырье, что было связано с начавшимся ранее восстановлением экономики Китая и повышением спроса в остальных регионах мира.

Рисунок 1.8. Последние тенденции экономического развития в регионе ЕЦА

Источники: Haver Analytics; Всемирный банк; Всемирная торговая организация.
 Примечание. ЕЦА = Европа и Центральная Азия; ВВП = валовой внутренний продукт; PMI = Индекс деловой активности.
 а. Объем розничной торговли скорректирован с учетом сезонности. Последнее наблюдение – июль 2021 года. Выборка, использованная для анализа розничной торговли, включает девять стран региона ЕЦА. Выборка, использованная для анализа денежных переводов трудовых мигрантов, включает шесть стран региона ЕЦА.
 б. Данные на рисунке проиндексированы таким образом, чтобы получить 100 за тот же месяц 2019 года. В состав выборки входят 11 стран региона ЕЦА для экспорта услуг и 12 стран региона ЕЦА для прибытий туристов. Последнее наблюдение – июнь 2021 года.
 в. ЦА = Центральная Азия; ЦЕ = Центральная Европа; ЕЦА = Европа и Центральная Азия; ВЕ = Восточная Европа; РФ = Российская Федерация; ЮК = Южный Кавказ; ЗБ = Западные Балканы. Данные представлены как сезонно сглаженные ежеквартальные изменения в годовом исчислении, за исключением данных для Турции, которые в силу волатильности данных отражают ежегодные изменения.
 д. Значения индекса PMI выше (ниже) 50 указывают на рост (сокращение) экономики. Последнее наблюдение – август 2021 года.

В первом полугодии 2021 года в регионе ЕЦА отмечалось постепенное укрепление совокупного внутреннего спроса, обусловленное принятыми ранее мерами по перезапуску экономики, которые привели к некоторому оживлению сектора услуг и розничной торговли. Тем не менее, восстановление национальной экономики отчасти продолжал тормозить затянувшийся период вялой инвестиционной активности, причиной которой были повышенный уровень неопределенности экономического курса и рост геополитической напряжен-

ности, оказавшие негативное влияние на настроения инвесторов во многих странах региона (государства Центральной Азии, Восточной Европы и Южного Кавказа, Россия). К тому же, в первом полугодии 2021 года процесс восстановления был крайне неравномерным, и эта тенденция может сохраниться с учетом различий в темпах вакцинации населения (рисунок 1.8, часть с).

Похоже, что во втором полугодии 2021 года темпы восстановления снижаются, поскольку многим странам ЕЦА приходится бороться с последствиями продолжающегося распространения штамма «дельта». После того, как тенденции развития пандемии ухудшились в середине 2021 года, в ряде крупных экономик региона произошло снижение индексов PMI в секторе услуг и обрабатывающих отраслях (рисунок 1.8, часть d). Количество новых экспортных заказов снова сократилось на фоне сохранения проблем с поставками и снижения внешнего спроса. Уровень потребительской уверенности также снизился в третьем квартале, поскольку распространение штамма «дельта» в сочетании с ускорением инфляции негативно отразилось на настроениях домохозяйств.

В 2021 году условия кредитования на внешних рынках ужесточились для региона ЕЦА немного быстрее, чем для стран EMDE в целом. Во втором квартале 2021 года на фоне ухудшения настроений инвесторов регион столкнулся со значительным оттоком портфельных инвестиций, однако в третьем квартале их приток постепенно возобновился, хотя по сравнению с началом 2021 года он существенно утратил динамику (рисунок 1.9, часть a). Во многих экономиках ЕЦА – особенно в странах с повышенным уровнем внутренней политической и геополитической напряженности и неопределенности экономического курса или странах с особо трудными условиями кредитования на внешних рынках – спреды по облигациям, входящим в Индекс облигаций развивающихся стран (EMBI), еще больше расширились, способствуя дальнейшему обесценению национальных валют (Беларусь, Турция, Украина) (рисунок 1.9, часть b). После

Рисунок 1.9. Потоки портфельных и прямых инвестиций в регионе ЕЦА

Источники: Институт международных финансов; J.P. Morgan; Всемирный банк.

Примечание. ЕЦА = Европа и Центральная Азия; Страны EMDE = страны с формирующимся рынком и развивающиеся экономики; ПИИ = прямые иностранные инвестиции.

а. На рисунке показаны еженедельные данные. Последнее наблюдение – 24 сентября 2021 года.

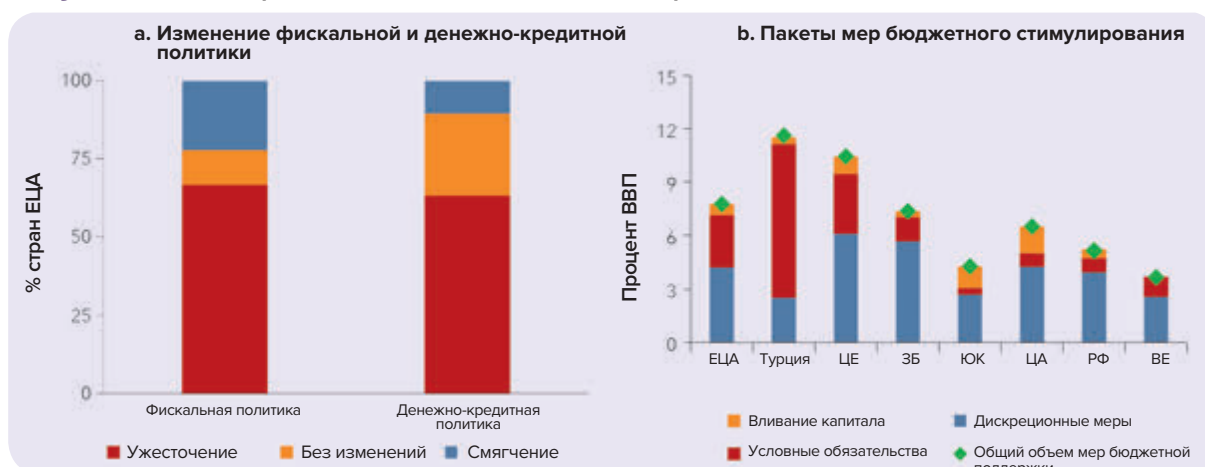
б. На рисунке показаны спреды по облигациям, представленным в Индексе облигаций развивающихся стран компании J.P. Morgan. Совокупные показатели рассчитываются как простые средние значения. В состав выборки входят 11 стран EMDE из региона ЕЦА. Последнее наблюдение – 28 сентября 2021 года.

резкого падения объема прямых иностранных инвестиций, с которым регион столкнулся в прошлом году, приток ПИИ в некоторые страны остается незначительным; это особенно касается крупных экспортеров нефти, где сохраняется низкий уровень инвестиций в добывающие отрасли (UNCTAD 2021).

Предшествующее обесценение валют в сочетании с ограничениями со стороны предложения вызвало дальнейший рост цен и привело в 2021 году к повышению ключевых ставок более, чем в половине стран региона (врезка 1.1 и рисунок 1.10, часть а). И хотя банковский сектор многих стран ЕЦА имеет достаточную ликвидность и буферные запасы капитала, ожидается рост неработающих и проблемных кредитов, поскольку страны продолжают постепенно отменять регуляторные послабления и моратории на удовлетворение требований кредиторов.

Как ожидается, в текущем году будут частично отменены введенные в 2020 году крупные пакеты мер бюджетной поддержки, средний объем которых был эквивалентен 7,5% ВВП (рисунок 1.10, часть б). Однако несколько стран региона (Казахстан, Республика Северная Македония и Россия) объявили о реализации в 2021 году дополнительных мер бюджетной поддержки в целях нейтрализации сохраняющихся негативных последствий пандемии. В целом, согласно ожиданиям, к концу 2022 года меры фискальной политики, принятые в ответ на пандемию, и прошлогоднее сокращение объема выпуска товаров и услуг приведут к тому, что медианный уровень государственного долга составит 54% ВВП, т.е. почти на 15 процентных пунктов больше, чем в 2019 году.

Рисунок 1.10. Макроэкономическая политика в регионе ЕЦА

Источники: Международный валютный фонд; Всемирный банк.

Примечание. ЦА = Центральная Азия; ЦЕ = Центральная Европа; ЕЦА = Европа и Центральная Азия; ВЕ = Восточная Европа; ВВП = валовой внутренний продукт; ЮК = Южный Кавказ; ЗБ = Западные Балканы; РФ = Российская Федерация.

а. На рисунке показаны доля стран, где в 2021 году величина фискального импульса является положительной (стимулирующая фискальная политика), отрицательной (сдерживающая фискальная политика) и не меняется (при этом используется пороговое значение в размере +/- 0,5 процентного пункта ВВП), а также доля стран, где ключевая ставка повышалась (сдерживающая денежно-кредитная политика) и снижалась (стимулирующая денежно-кредитная политика). Фискальный импульс определяется как негативное изменение циклически скорректированного первичного сальдо бюджета по сравнению с предыдущим годом. Характер денежно-кредитной политики говорит о том, было в странах в текущем году чистое повышение (снижение) ключевой ставки. В состав выборки входят 10 стран региона ЕЦА для сальдо бюджета и 19 стран региона ЕЦА для ключевой ставки. Данные о ключевой ставке приведены за период до конца сентября 2021 года.

б. Данные приведены за период до конца июня 2021 года.

Региональный прогноз

Согласно прогнозам, в 2021 году экономический рост в регионе ЕЦА составит 5,5%, и это недостаточно для того, чтобы объем выпуска товаров и услуг вернулся к значениям, которые прогнозировались до начала пандемии (рисунок 1.11, часть а; таблица 1.1). Тем не менее, прогноз на 2021 год значительно лучше того, что предполагалось ранее, вследствие реализации накопившегося отложенного спроса в крупнейших экономиках региона (рисунок 1.11, часть б). Такое улучшение прогноза носит широкомасштабный характер: в 2021 году корректировка прогнозируемого экономического роста в сторону повышения затронула около 90% всех стран региона ЕЦА благодаря оживлению внутреннего спроса. Восстановлению экономики в регионе ЕЦА (особенно экспорта) способствовали также положительные эффекты распространения влияния, связанные с повышением уровня активности в еврозоне и ростом цен на сырье в первой половине текущего года.

Таблица 1.1. Сводное изложение прогнозируемых темпов экономического роста в регионе Европы и Центральной Азии

(прирост реального ВВП (%) в рыночных ценах, если не указано иное)

	2019	2020	2021 ^f	2022 ^f	2023 ^f	Изменение в процентных пунктах по сравнению с прогнозом за июнь 2021 г.		
						2021 ^f	2022 ^f	2023 ^f
Страны EMDE ЕЦА, ВВП ^а	2.7	-2.1	5.5	3.4	3.1	1.6	-0.5	-0.4
Страны EMDE ЕЦА, ВВП, искл. Турцию	3.1	-3.1	4.7	3.6	2.9	1.0	-0.1	-0.3
Страны-экспортеры сырья ^б	2.5	-2.9	4.3	3.1	2.4	1.0	-0.3	-0.4
Страны-импортеры сырья ^с	2.8	-1.3	6.8	3.8	3.8	2.2	-0.6	-0.4
Центральная Европа ^д	4.4	-3.6	5.6	4.8	3.7	1.1	0.3	-0.2
Западные Балканы ^е	3.7	-3.2	5.9	4.1	3.8	1.5	0.4	0.0
Восточная Европа ^ф	2.7	-3.2	3.1	1.6	3.3	1.2	-1.2	0.7
Южный Кавказ ^г	3.8	-5.2	5.8	3.9	3.6	2.2	-0.3	-0.4
Центральная Азия ^h	4.9	-1.4	4.3	4.3	5.1	0.6	0.0	0.0
Российская Федерация	2.0	-3.0	4.3	2.8	1.8	1.1	-0.4	-0.5
Турция	0.9	1.8	8.5	3.0	4.0	3.5	-1.5	-0.5
Польша	4.7	-2.7	4.5	4.7	3.4	0.7	0.2	-0.5

Источник: Всемирный банк.

Примечания: Предположения Всемирного банка часто обновляются на основе новой информации и с учетом меняющихся обстоятельств (в мире). Следовательно, рабочие допущения, представленные в таблице, могут отличаться от тех, что содержатся в других документах Всемирного банка, даже если базовые оценки перспектив стран не отличаются в тот или иной конкретный момент времени. Из-за отсутствия достоверных данных надлежащего качества Всемирный банк в настоящее время не публикует данные об объеме выпуска в экономике, доходах и экономическом росте в Туркменистане, и Туркменистан исключен из межстрановых макроэкономических агрегированных показателей. е = оценка; ЕЦА = Европа и Центральная Азия; EMDE = страны с формирующимся рынком и развивающиеся экономики; f = прогноз; ВВП = валовой внутренний продукт.

а. ВВП и компоненты расходов измеряются в ценах 2010-19 года по рыночному валютным курсам.

б. Албания, Армения, Азербайджан, Казахстан, Кыргызская Республика, Косово, Российская Федерация, Таджикистан, Украина и Узбекистан.

с. Беларусь, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Грузия, Венгрия, Молдова, Черногория, Северная Македония, Польша, Румыния, Сербия и Турция.

д. Болгария, Хорватия, Венгрия, Польша и Румыния.

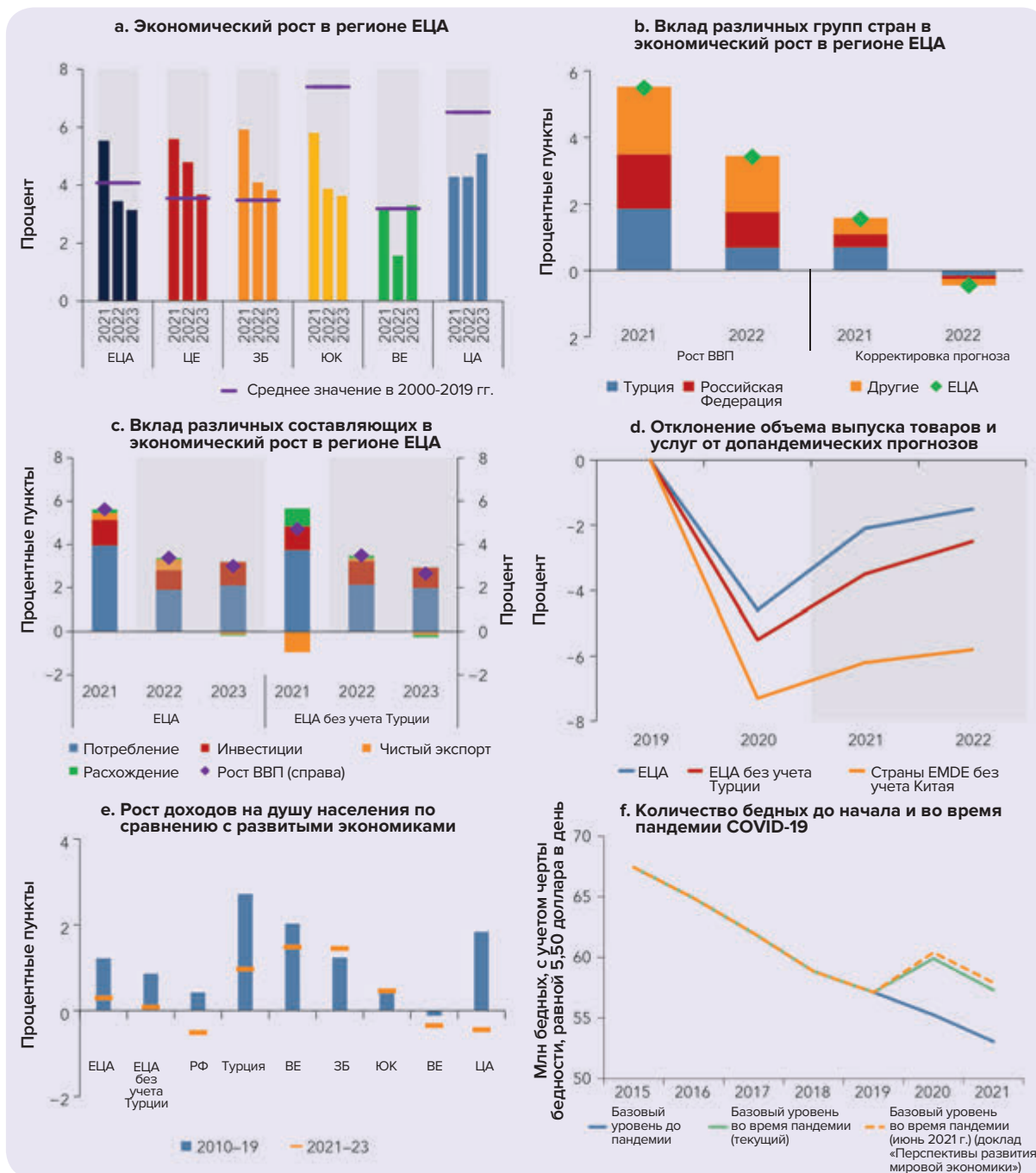
е. Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Черногория, Северная Македония и Сербия.

ф. Беларусь, Молдова и Украина.

г. Армения, Азербайджан и Грузия.

h. Казахстан, Кыргызская Республика, Таджикистан и Узбекистан.

Рисунок 1.11. Прогноз для региона ЕЦА

Source: Всемирный банк.

Примечание. Совокупные показатели, взвешенные по реальному ВВП, рассчитываются с использованием средних цен и рыночных обменных курсов за период с 2010 по 2019 годы. ЦА = Центральная Азия; ЦЕ = Центральная Европа; ЕЦА = Европа и Центральная Азия; ВЕ = Восточная Европа; ВВП = валовой внутренний продукт; GEP = доклад «Перспективы развития мировой экономики»; РФ=Российская Федерация; ЮК = Южный Кавказ; ЗБ = Западные Балканы.

a.-c. Значения являются прогнозными.

a.-c.d. Затененные области обозначают прогнозы.

d. На рисунке показано процентное отклонение текущих прогнозов от базового прогноза Всемирного банка, опубликованного в январе 2020 года.

e. Относительный рост доходов на душу населения рассчитывается как разница между показателями роста ВВП на душу населения соответствующих групп и развитых экономик.

В 2022 году ввиду стабилизации внутреннего спроса в странах ЕЦА ожидается снижение темпов циклического восстановления экономики до 3,4%. Полученный ранее дополнительный импульс со стороны внешнего спроса также будет ослабевать по мере замедления роста мировой экономики и снижения цен на сырье. Краткосрочный прогноз ухудшился, что частично отражает более быстрое сворачивание мер поддержки макроэкономики, чем предполагалось ранее, особенно в ряде крупных стран ЕЦА. Тем не менее, продолжающееся ослабление ограничений на добычу нефти в рамках соглашения ОПЕК+ должно способствовать поддержанию активности в странах региона, являющихся экспортерами нефти. Кроме того, в основе регионального прогноза лежит предположение о постепенном восстановлении инвестиционной активности, особенно в тех странах, которые оказались в выигрыше благодаря значительным эффектам распространения влияния и получению финансирования от ЕС (Центральная Европа и Западные Балканы) (рисунок 1.11, часть с).

Интенсивность процесса восстановления экономики в предшествующий период помогла ограничить тяжесть воздействия пандемии на страны региона ЕЦА по сравнению с другими странами EMDE (рисунок 1.11, часть d). Тем не менее, согласно прогнозу, ВВП на душу населения останется примерно на 1,5% уровня, ожидавшегося в 2022 году до начала пандемии. В результате в течение трех ближайших лет сокращение отставания стран ЕЦА от развитых экономик по росту доходов на душу населения замедлится, однако степень замедления на территории региона будет неравномерной (рисунок 1.11, часть e). Как ожидается, слабые перспективы роста на фоне сохранения структурных проблем и повышенной геополитической напряженности приведут к увеличению отставания по уровню доходов на душу населения в Восточной Европе и Центральной Азии, где находятся одни из самых бедных стран региона ЕЦА, еще больше отдалив достижение целей развития. В отличие от этого, в Западных Балканах прогнозируется повышение темпов сокращения отрыва под влиянием значительного объема инвестиций. И это единственный субрегион ЕЦА с таким прогнозом.

Согласно оценкам, несмотря на динамичное циклическое восстановление, пандемия свела на нет предшествующие достижения в области сокращения бедности. Как ожидается, к концу текущего года в результате пандемии COVID-19 в регионе ЕЦА еще 4,3 млн человек могут оказаться за чертой бедности, составляющей 5,50 доллара в день (рисунок 1.11, часть f)⁴. И хотя эта цифра примерно на треть меньше того, что прогнозировалось ранее, она говорит о том, что процесс восстановления не завершен или не является инклюзивным, а доходы населения остаются на низком уровне вследствие потери рабочих мест и сокращения часов работы, отмены мер поддержки экономики и стремительного роста цен, особенно на продукты питания (врезка 1.1) (ILO 2021).

⁴ Для стран с доходами выше среднего уровня чаще всего используется черта бедности, равная 5,50 доллара в день.

ВРЕЗКА 1.1 Инфляционное давление в регионе ЕЦА – явление временное или постоянное?

До начала пандемии в большинстве экономик Европы и Центральной Азии (ЕЦА) инфляция оставалась в пределах или ниже целевых диапазонов центральных банков, а инфляционные ожидания были прочно закреплены. Накануне пандемии в регионе ЕЦА отмечались низкий совокупный уровень инфляции наряду с замедлением экономического роста и снижением цен на энергоресурсы. Однако в отдельных частях региона (Центральная Европа и Турция) в той или иной степени нарастало подспудное инфляционное давление. В ряде случаев это было отражением растущей нехватки мощностей, которая становилась ограничением в условиях положительного разрыва выпуска в сочетании со стимулирующей фискальной политикой. В других странах ЕЦА подрыв доверия спровоцировал турбулентность на финансовом рынке и обесценивание валют, которые способствовали ускорению инфляции.

После наступления пандемии инфляция в регионе ЕЦА сначала оставалась достаточно стабильной, отражая разнонаправленные национальные тенденции – прежде всего, всплеск инфляции в Турции и ее замедление в Российской Федерации. Однако с начала 2021 года центральные банки многих стран с формирующимся рынком и развивающихся экономик (ЕМДЕ), включая страны региона ЕЦА, в ответ на рост инфляционного давления подняли ключевые ставки, несмотря на сохраняющийся отрицательный разрыв выпуска. Кроме того, ценовое давление нарастало вместе с восстановлением объема производства, причем повышению уровня инфляции способствовали растущая нехватка мощностей и мировые цены на сырье.

На этом фоне в настоящей врезке анализируются региональные тенденции в области инфляции и ответные меры денежно-кредитной политики. С этой целью при проведении анализа ставятся следующие вопросы:

- В чем заключаются последние тенденции и главные факторы региональной инфляции?
- Как может развиваться региональная инфляция в краткосрочной перспективе?
- Каковы последствия ускорения инфляции для политики региональных органов денежно-кредитного регулирования?

Последние тенденции и главные факторы инфляции в регионе ЕЦА. Обвал мирового спроса и последующее падение цен на нефть в результате пандемии привели к тому, что в течение большей части 2020 года инфляция оставалась пониженной (World Bank 2021a; Ha et al. 2021). Уровень инфляции в регионе ЕЦА тоже снизился в 2020 году, поскольку сильный отрицательный шок спроса, вызванный коронавирусной инфек-

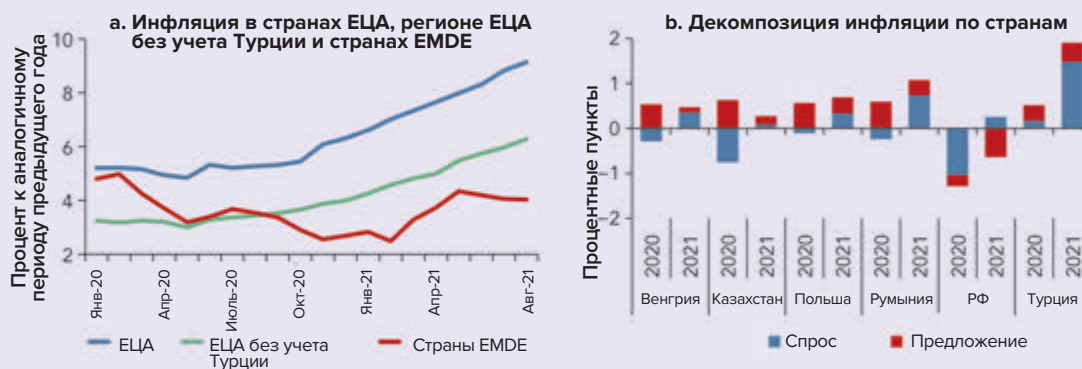
цией COVID-19, с лихвой компенсировал связанный с пандемией шок предложения, вызвавший ускорение инфляции, включая введение мер самоизоляции и ограничений на передвижение^а. Однако эти тенденции и факторы были крайне неоднородными на территории региона в 2020 году. В Турции инфляция ускорилась под влиянием положительных шоков спроса и предложения и стремительного роста спроса на покупки в кредит. При этом в некоторых странах-экспортерах нефти и центральноевропейских экономиках инфляционное давление увеличилось вследствие ограничения предложения, которое было лишь частично компенсировано вялым спросом. В отличие от этого, уровень инфляции в России резко снизился вместе со спросом в унисон с мировыми тенденциями. В целом, вызванная пандемией рецессия заставила центральные банки многих стран региона ЕЦА снизить ключевые ставки, а в ряде случаев (например, в России) ставки опустились до рекордно низкого уровня.

Ценовое давление стало нарастать в начале 2021 года, когда набрал обороты процесс восстановления региональной экономики и началось активное оживление спроса^б. Кроме того, ускорению потребительской и базовой инфляции способствовали сохраняющиеся ограничения со стороны предложения. В итоге, в августе 2021 года темпы инфляции в регионе ЕЦА достигли максимального уровня за последние двенадцать с половиной лет и составили 9,5%, превысив темпы инфляции в странах ЕМДЕ на 5,7 процентных пункта (рисунок В.1.1.1, часть а). Эти тенденции нашли широкое распространение на всей территории региона: из 17 центральных банков стран ЕЦА, применяющих режим таргетирования инфляции, более половины сообщили о том, что в 2021 году потребительская инфляция превысила верхнюю границу целевого диапазона.

Ускорение потребительской инфляции было частично обусловлено эффектами влияния глобальной ситуации с учетом прочных связей с мировыми финансовыми и товарными рынками. Примерно в четверти стран региона ЕЦА всплеск инфляции напрямую отражал развитие событий в еврозоне ввиду принятого ими режима валютного курса по отношению к евро^с. Многие страны региона столкнулись с резким ростом цен на продукты питания, что было связано с рядом специфических факторов, включая засуху, неурожай, а в некоторых случаях запрет на экспорт. Для стран-импортеров нефти региона ЕЦА мировой рост цен на нефть также привел к временному ускорению

ВРЕЗКА 1.1 Продолжение

Рисунок В1.1.1. Тенденции и декомпозиция инфляции в регионе ЕЦА

Источники: Haver Analytics; Всемирный банк.

Примечание. ЕЦА = Европа и Центральная Азия; ВВП = валовый внутренний продукт; РФ=Российская Федерация.

а. Совокупные показатели потребительской и базовой инфляции рассчитываются с использованием в качестве весов реального ВВП и с учетом средних цен и рыночных обменных курсов за период с 2010 по 2019 годы. Совокупная ключевая ставка рассчитывается как медиана. В состав выборки входят 19 стран ЕЦА для потребительской инфляции, 8 стран ЕЦА для базовой инфляции и 16 стран ЕЦА, применяющих режим таргетирования инфляции, для ключевой ставки. Последнее наблюдение – июль 2021 года для потребительской и базовой инфляции и август 2021 года для ключевой ставки.

б. На основе байесовских VAR-моделей со знаковыми ограничениями для Венгрии, Казахстана, Польши, Румынии, России и Турции. Более подробная информация приведена в приложениях. Данные о шоках предложения и спроса представлены как четырехквартальные скользящие средние шоков в квартальном исчислении, взятые из моделей. На показатели инфляции влияют и другие шоки, которые не показаны на этих рисунках. Шоки представлены как отклонение от постоянной величины, определенной по итогам моделирования. Результаты за 2021 год опираются на прогноз, составленный в третьем квартале 2021 года.

потребительской инфляции. Сказалось на инфляции и произошедшее ранее обесценение валют, а устойчивый отток портфельных инвестиций еще больше обострил ситуацию.

В ответ на повышение инфляционного давления в 2021 году центральные банки стран ЕЦА стали отказываться от стимулирующей денежно-кредитной политики быстрее, чем остальные страны EMDE. С начала 2021 года ключевые ставки повысили более половины экономик ЕЦА, что почти в два раза выше, чем в целом по странам EMDE^d. Примерно четверть стран региона не может проводить активную денежно-кредитную политику в силу таких причин, как евроизация (Косово, Черногория), режим валютного управления (Болгария, Босния и Герцеговина) или режим валютного регулирования (Хорватия, Республика Северная Македония).

Прогноз инфляции в регионе ЕЦА на ближайшую перспективу. При том, что сначала ценовое давление считалось временным явлением, в ряде крупнейших экономик региона его падение ожидается не раньше конца 2022 года (CBR 2021; World Bank 2021a). В ближайшее время повышению уровня инфляции будут способствовать ослабление эффектов предшествующего отрицательного шока, эффекты высокой базы нефтяных цен, а также стремительное ускорение роста цен на продовольствие. Последний из перечисленных факторов «лишил якоря» потребительскую инфляцию

в ряде стран ЕЦА (рисунок В.1.1.1, часть б). В отличие от этого, продолжающееся распространение дельта-штамма коронавируса может ослабить мировой спрос и тем самым смягчить ограничения со стороны предложения. Тем не менее, прогнозы инфляции – практически, как и прогнозы роста валового внутреннего продукта (ВВП) – остаются крайне неопределенными из-за затяжного характера пандемии и специфических факторов, включая продолжающиеся глобальные перебои в поставках и разрывы сельскохозяйственных производственно-сбытовых цепочек.

Несмотря на ослабление динамики экономического роста, в регионе ЕЦА отмечается дальнейшее ускорение базовой инфляции на фоне нехватки мощностей, которая совпала с повышательным давлением на заработную плату. Растущая нехватка мощностей частично отражает текущие длительные перебои с поставками на мировом рынке, от которых особенно страдает регион ЕЦА в силу глубокой интеграции в глобальные и европейские цепочки создания добавленной стоимости. Массовые вспышки COVID-19 на крупных заводах и в портах отгрузки, особенно в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона, где из-за сокращения производства возникли скопления судов, которые могли по несколько недель стоять в очереди на оформление грузов, оказали негативное

(см. продолжение)

ВРЕЗКА 1.1 Продолжение

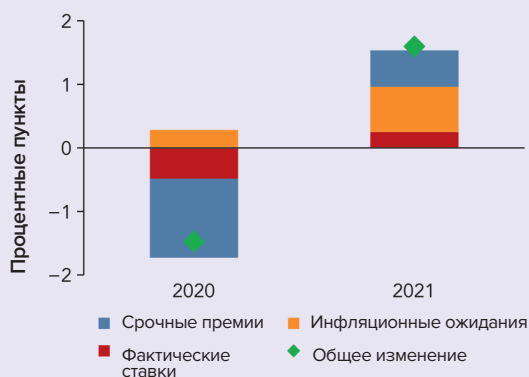
влияние на глобальные цепочки создания добавленной стоимости и доступность промежуточных товаров. Предприятия столкнулись с резким ростом тарифов на грузоперевозки и локальной нехваткой грузовых контейнеров, причем цены на контейнеры подскочили до рекордно высоких отметок во всем мире.

Эти проблемы с поставками осложняются неполной межотраслевой ротацией между производством промышленных товаров и внутренним сектором услуг, который отличается низким уровнем интенсивности торговли, поскольку продолжающееся распространение штамма «дельта» снижает уровень активности в сфере услуг и продолжает оказывать давление на и без того перегретую обрабатывающую промышленность. И хотя предприятия стали шире использовать цифровые технологии и диверсифицировали своих поставщиков и производственные площадки в целях повышения устойчивости к потрясениям и преодоления логистических проблем, этого оказалось недостаточно для смягчения сдерживающих ограничений (Saurav et al. 2020). В результате в текущем году субиндексы закупочных и отпускных цен композитного индекса PMI повысились в странах EMDE, включая экономики региона ЕЦА, однако этот рост уже ослабевает параллельно замедлению роста глобального ВВП и мировой торговли.

Последствия высокой инфляции для макроэкономической политики в регионе ЕЦА. Несмотря на то, что центральные банки государств региона ЕЦА одними из первых среди стран EMDE отреагировали на ускорение инфляции путем повышения ключевых ставок в первом полугодии 2021 года, инфляция обогнала рост ключевых ставок. К тому же, передача воздействия от такого повышения ключевых ставок, как правило, оказывалась слабее, поскольку инфляционное давление было отчасти обусловлено внешними факторами (например, ускорением роста цен на продовольственные товары)^а.

Во второй половине 2021 года ключевые ставки еще больше повысились, несмотря на сохранение отрицательного разрыва выпуска, поскольку в регионе по-прежнему отмечалась обеспокоенность по поводу «открепления» инфляционных ожиданий. В результате, в настоящее время некоторые экономики региона переходят к более ограничительной денежно-кредитной политике, что в дальнейшем будет тормозить экономический рост. Рост инфляционного давления в сочетании с нормализацией срочных премий и расширением спредов по суверенным облигациям, входящим в Индекс облигаций развивающихся стран, начинает оказывать повышательное давление на стоимость государственного финансирования, что может привести к увеличению рисков пролонгации кредитов в странах с высоким уровнем краткосрочного внешнего долга (рисунок В1.1.2).

Рисунок В1.1.2. Декомпозиция изменения доходности государственных облигаций стран региона ЕЦА

Источники: Andrie et al. 2015; Botha et al. 2017; Ruch 2021; Всемирный банк. Примечание. ЕЦА = Европа и Центральная Азия. На основе оценок, выполненных с помощью многовариантной фильтрационной модели из работы Ruch (2021), расширенной с использованием гипотезы ожиданий аналогично работам Andrie et al. (2015) и Botha et al. (2017). Фактические данные приведены за период до третьего квартала 2021 года, а все последующие данные – это прогноз.

а. Отрицательный шок предложения замедляет рост объема выпуска товаров и услуг, но ускоряет инфляцию, а отрицательный шок спроса замедляет и рост объема выпуска товаров и услуг, и инфляцию. Отрицательный шок предложения возникает тогда, когда нарушается процесс производства товара (или услуги). Это может быть вызвано засухой, забастовками работников или нехваткой рабочей силы, а также – в контексте COVID-19 – введением ограничений на передвижение и режима самоизоляции. Отрицательный шок спроса возникает в результате потери доходов и – в контексте COVID-19 – усиления мер предосторожности, что ведет к сокращению потребления товаров и услуг.

б. Ускорение инфляции был заметным даже в тех субрегионах ЕЦА, где процесс восстановления экономики еще только зарождался (Восточная Европа).

с. После того, как инфляция пробила верхнюю границу целевого диапазона, Европейский центральный банк объявил о том, что он будет постепенно сворачивать программу покупки облигаций, введенной в связи с пандемией.

д. Армения, Беларусь, Грузия, Венгрия, Казахстан, Кыргызская Республика, Молдова, Российская Федерация, Таджикистан, Турция и Украина.

Тенденции в регионе Европы и Центральной Азии: основные экономики и субрегионы

Российская Федерация

Ежедневное число новых случаев заболевания COVID-19, которое резко подскочило в середине 2021 года в результате распространения штамма «дельта», немного стабилизировалось в третьем квартале 2021 года, хотя и на высоком уровне. Наряду с этим, суточная смертность от коронавируса остается на почти рекордных уровнях, а показатель избыточной смертности резко увеличился по сравнению с допандемическим базовым уровнем. При том, что Россия была одной из первых стран мира, где началась иммунизация населения (благодаря оперативной разработке отечественных вакцин, включая «Спутник V»), она отстает по темпам вакцинации и от других стран ЕЦА, и от остального мира: полностью вакцинирована примерно треть населения. Препятствием для иммунизации по-прежнему является неуклонно высокая доля россиян, не желающих вакцинироваться: более половины опрошенных респондентов ответили, что не готовы вакцинироваться от COVID-19 (Levada-Center 2021).

Согласно оценкам, после ослабления различных ограничений, введенных в связи с COVID-19, к середине 2021 года экономическая активность вернулась к уровню 2019 года, причем во втором квартале 2021 года отмечались самые высокие темпы роста ВВП за весь период с 2000 года. Однако с тех пор темпы выхода из рецессии замедлились, а различные индексы PMI вновь стали снижаться на фоне ослабления внешнего спроса и потрясений, вызванных пандемией. Кроме того, в 2021 году началось сворачивание мер поддержки макроэкономики. Ключевая ставка, которая снизилась в 2020 году до рекордно низкого уровня, равного 4,25%, в 2021 году повышалась Банком России уже пять раз (до 6,75%) в целях контроля инфляции, превышающей целевой ориентир. По информации Банка России, он продолжит ужесточение денежно-кредитной политики, поскольку опросы потребителей свидетельствуют о том, что длительный период обесценения рубля и резкий скачок цен на продовольствие «сорвали с якоря» инфляционные ожидания россиян.

Согласно прогнозам, объем выпуска товаров и услуг в России вырастет в 2021 году на 4,3%, поскольку предшествующее оживление внутреннего спроса и повышение цен на энергоресурсы оказывают поддержку российской экономике. Прогноз на 2021 год был существенно скорректирован в сторону повышения, что отчасти отражает более значительный, чем ожидалось, рост внутреннего и внешнего спроса в первом полугодии 2021 года (таблица 1.2). Кроме того, улучшение перспектив является отражением дополнительной, хотя и скромной, бюджетной поддержки. Ожидается, что в 2022 году темпы восстановления экономики снизятся до 2,8% (все еще неплохой показатель) по мере стабилизации спроса и снижения цен на промышленное сырье. Этот прогноз также опирается на предположение о постепенной отмене ограничений на добычу нефти, введенных в рамках соглашения ОПЕК+, и последующем возврате к бюджетному правилу. Негативно влияние на перспективы экономического роста в России оказывают эскалация геополитической напряженности, включая дополнительные санкции, введенные США в 2021 году, низкий уровень вакцинации населения и повышение ключевой ставки с ее исторического минимума.

Таблица 1.2. Прогнозные оценки темпов экономического роста в странах региона Европы и Центральной Азии

(прирост реального ВВП (%) в рыночных ценах, если не указано иное)

	2019	2020	2021 ^f	2022 ^f	2023 ^f	Изменение в процентных пунктах по сравнению с прогнозом за июнь 2021 г.		
						2021 ^e	2022 ^f	2023 ^f
Албания	2.1	-4.0	7.2	3.8	3.7	2.8	0.1	0.0
Армения	7.6	-7.4	6.1	4.8	5.4	2.7	0.5	0.1
Азербайджан	2.5	-4.3	5.0	3.1	2.7	2.2	-0.8	-0.7
Беларусь	1.4	-0.9	1.2	-2.8	2.3	3.4	-4.7	1.1
Босния и Герцеговина ^a	3.3	-3.2	4.0	3.0	3.2	1.2	-0.5	-0.5
Болгария	3.7	-4.2	3.7	3.8	3.6	1.1	0.5	0.2
Хорватия	2.9	-8.0	7.6	6.0	4.2	2.1	-0.2	-1.5
Грузия	5.0	-6.2	8.0	5.5	5.0	2.0	0.5	0.0
Венгрия	4.6	-5.0	7.3	5.0	4.3	1.3	0.3	0.0
Казахстан	4.5	-2.5	3.5	3.7	4.8	0.3	0.0	0.0
Косово	4.8	-5.3	7.1	4.1	4.4	3.1	-0.4	0.3
Кыргызская Республика	4.6	-8.6	2.3	4.7	4.3	-1.5	0.4	-0.2
Молдова	3.7	-7.0	6.8	3.9	4.4	3.0	0.2	0.6
Черногория	4.1	-15.3	10.8	5.6	4.8	3.7	1.1	1.3
Северная Македония	3.2	-4.5	4.6	3.7	3.4	1.0	0.2	0.0
Польша	4.7	-2.7	4.5	4.7	3.4	0.7	0.2	-0.5
Румыния	4.1	-3.9	7.3	4.8	3.9	1.3	0.3	0.0
Российская Федерация	2.0	-3.0	4.3	2.8	1.8	1.1	-0.4	-0.5
Сербия	4.2	-1.0	6.0	4.5	4.0	1.0	0.8	0.1
Таджикистан	7.4	4.5	6.0	5.0	5.0	0.7	-0.6	-1.0
Турция	0.9	1.8	8.5	3.0	4.0	3.5	-1.5	-0.5
Украина	3.2	-4.0	3.8	3.5	3.7	0.0	0.4	0.6
Узбекистан	5.7	1.7	6.2	5.6	5.8	1.4	0.1	0.0

Источник: Всемирный банк.

Примечание: Прогнозы Всемирного банка часто обновляются на основе новой информации и с учетом меняющихся обстоятельств (в мире). Следовательно, оценки, представленные в таблице, могут отличаться от тех, что содержатся в других документах Всемирного банка, даже если базовые оценки перспектив стран не отличаются в тот или иной конкретный момент времени. Из-за отсутствия достоверных данных надлежащего качества Всемирный банк в настоящее время не публикует данные об объеме выпуска в экономике, доходах и экономическом росте по Туркменистану, и Туркменистан исключен из межстановых макроэкономических агрегированных показателей.

e = оценка; f = прогноз.

a. Данные основаны на ВВП, измеренном в средних ценах 2010-19 годов и рыночных обменных курсах, если не указано иное.

Турция

Вскоре после окончания очередной мощной волны COVID-19, достигшей пика в апреле 2021 года, в июле в Турции началась новая волна коронавирусной инфекции, вызванная распространением штамма «дельта». В сентябре рост ежедневного числа новых случаев COVID-19 снова ускорился, а смертность остается на повышенном уровне. В июле темпы вакцинации увеличились после многих месяцев медленного развертывания иммунизационной кампании. По состоя-

нию на конец сентября примерно две трети населения получили, как минимум, одну дозу вакцины от COVID-19, и это один из самых высоких показателей в регионе.

Турецкой экономике одной из немногих удалось избежать спада в прошлом году, что отчасти связано с существенным ростом кредитования. В первой половине 2021 года темпы роста еще больше ускорились, поскольку расширение масштабов вакцинации позволило ослабить ограничения, введенные в связи с COVID-19, что способствовало уверенному росту активности в секторе услуг и оборота розничной торговли. Кроме того, одним из факторов роста активности было стремительное восстановление промышленного производства и экспорта товаров в страны еврозоны в связи с оживлением внешнего спроса. При этом в третьем квартале сохранялась уверенная динамика показателя новых экспортных заказов. Количество прибытий туристов немного увеличилось, хотя в сфере международного туризма по-прежнему наблюдается застой по сравнению допандемическим уровнем. К тому же, включение Турции в «красные списки» из-за большого числа случаев коронавируса, вероятно, окажет отрицательное воздействие на количество прибытий международных туристов во второй половине года. Этим летом страна также пострадала от наводнений и лесных пожаров, которые повлекли большие человеческие жертвы и негативно повлияли на многие популярные курорты на побережье.

Согласно прогнозам, в 2021 году темпы роста ускорятся, достигнув восьмилетнего максимума в размере 8,5%, причем экспорт будет стремительно расти одновременно с повышением внешнего спроса, особенно в еврозоне. В 2022 году ожидается замедление роста до 3% (ниже предыдущих прогнозов) вследствие того, что торможение роста внутреннего спроса в результате ужесточения условий кредитования перевесит устойчивый импульс со стороны чистого экспорта. В дальнейшем предполагается снижение активности, и по мере сокращения вклада чистого экспорта поддержку экономическому росту будет оказывать внутренний спрос.

На фоне уверенного циклического восстановления занятость вернулась на докризисный уровень, хотя молодежь и работников неформального сектора это коснулось в меньшей степени. В то же время, слабость лиры в сочетании с ростом мировых цен на сырье привели к ускорению потребительской инфляции почти до 20%, а для производителей рост цен был примерно в два раза больше. В краткосрочной перспективе возможно дальнейшее нарастание инфляционного давления вслед за снижением ключевой ставки в сентябре 2021 года, которое оказалось довольно неожиданным для рынка и спровоцировало резкое падение курса лиры к доллару США до нового исторического минимума. Экономика по-прежнему чувствительна к резким изменениям настроений инвесторов, которые могут создать давление на финансовый рынок и неожиданно прервать приток капитала, особенно с учетом текущих проблем, обусловленных высокой инфляцией и неопределенностью экономического курса.

Центральная Европа

Во втором квартале 2021 года число новых случаев COVID-19 в Центральной Европе резко упало после прохождения апрельского пика, когда оно достигло 24 тысяч случаев в сутки. При этом, широкомасштабное распространение вакцин в ряде стран, по-видимому, способствовало сокращению числа госпитализаций инфицированных пациентов. С тех пор в Центральной Европе наблюдаются разнонаправленные тенденции развития пандемии: в странах с высоким уровнем вакцинации населения (Венгрия и Польша) число новых случаев COVID-19 и количество госпитализаций остаются незначительными и стабильными, а в Болгарии и Румынии – двух странах ЕС с самым низким процентом вакцинированного населения, отражающим высокий уровень нежелания людей вакцинироваться – сейчас наступила четвертая волна коронавируса.

Объем выпуска товаров и услуг в Центральной Европе восстановился в первом полугодии 2021 года, и к началу второго квартала во всех странах, за исключением Болгарии, уровень активности превысил допандемические показатели. Этот рост был отчасти обусловлен восстановлением внутреннего спроса, поскольку ослабление ограничений, введенных в связи с пандемией, высвободило накопившийся отложенный спрос (особенно на услуги) и способствовало оживлению частного потребления. Несмотря на проблемы с поставками, в первом полугодии 2021 года число новых экспортных заказов увеличилось, а темпы роста промышленного производства взлетели до рекордных значений благодаря высокому спросу в еврозоне. С тех пор уровень активности в промышленности стабилизировался вместе с замедлением роста мировой торговли товарами. Ввиду того, что инфляция превысила целевые ориентиры, центральные банки ряда стран стали сворачивать стимулирующую политику, причем Венгрия повысила ключевую ставку в 2021 году с 0,6 до 1,65%.

Согласно прогнозам, в 2021 году темпы экономического роста в Центральной Европе достигнут 5,6%, чему будет способствовать предшествующее восстановление торговли, обусловленное оживлением активности в еврозоне. Несмотря на увеличение числа случаев COVID-19 в связи с распространением штамма «дельта» в отдельных частях этого субрегиона, его потенциальное негативное воздействие на экономический рост, вероятно, будет более ограниченным, чем во время предыдущих волн коронавируса, поскольку правительства предпочитают вводить не полный локдаун, а более адресные ограничения. В 2022 году в Центральной Европе ожидается снижение темпов роста до 4,8%; при этом уровень активности будет поддерживать растущий внутренний спрос, а процесс восстановления экономики в еврозоне стабилизируется. Крупные пакеты финансовой помощи на общую сумму 1,21 трлн евро, предназначенные для членов ЕС, включая все центральноевропейские экономики, должны стимулировать инвестиционную активность. Однако ее рост может быть ограничен вследствие низкого уровня освоения средств, который обусловлен проблемами, связанными с административным потенциалом и государственным управлением.

Западные Балканы

Экономики Западных Балкан были в числе тех, кто больше всего пострадал от распространения штамма «дельта» в третьем квартале 2021 года, когда число новых случаев COVID-19 приблизилось к пиковым значениям предыдущих волн или превысило их, а смертность продолжала расти. Албания, Босния и Герцеговина и Косово отстают от среднемировых показателей по уровню вакцинации, поскольку общее нежелание людей вакцинироваться тормозит процесс иммунизации. Ввиду обострения ситуации с пандемией на территории Западных Балкан были выпущены предупреждения о нежелательности или запрете поездок, а в ряде случаев были вновь введены ограничения и объявлена обязательная вакцинация.

После ослабления ограничений, введенных в связи с COVID-19, в первой половине 2021 года в западнобалканских странах сохранялся уверенный экономический рост, и к началу второго квартала объем выпуска товаров и услуг достиг уровня четвертого квартала 2019 года. Процесс восстановления экономики стимулировали быстрый рост экспорта, обусловленный повышением внешнего спроса, особенно в еврозоне, и постепенное увеличение числа туристских прибытий. Повышение внутреннего спроса после отмены ограничительных мер также оказало поддержку активности, особенно в Сербии. Наряду с этим, выросли объем розничной торговли и показатели мобильности, что указывало на оживление активности в секторе услуг. Действующие меры стимулирующей политики, включая денежные выплаты (Республика Северная Македония и Сербия), продолжали поддерживать активное потребление домохозяйств. Однако первые признаки уже указывают на ослабление динамики во второй половине 2021 года по мере того, как снижается внешний спрос, а новые штаммы коронавируса приводят к росту заболеваемости и смертности, особенно в странах с низкими уровнями вакцинации населения.

Согласно прогнозам, в 2021 году темпы экономического роста на Западных Балканах ускорятся до 5,9% на фоне благоприятной динамики экспорта, и это самый высокий показатель среди субрегионов ЕЦА. Как ожидается, в 2022 году темпы восстановления экономики замедлятся до 4,1% по мере ослабления полученного ранее внешнего импульса и стабилизации роста. Прогноз также опирается на предположение о том, что потребительская и предпринимательская уверенность постепенно восстановятся, а политическая нестабильность уменьшится. В среднесрочной перспективе росту в Албании и Республике Северная Македония должно способствовать ускорение реализации структурных реформ, осуществляемых в рамках подготовки к вступлению ЕС, при условии, что переговоры о процессе присоединения к ЕС не будут вновь отложены (Rovo 2020). Кроме того, ожидается, что субрегион выиграет от недавно принятого Евросоюзом Плана по поддержке экономики и инвестиций, который предусматривает мобилизацию финансирования в целях повышения конкурентоспособности, обеспечения инклюзивного роста, перехода к зеленой экономике и развития цифровизации.

Южный Кавказ

В третьем квартале 2021 года в странах Южного Кавказа увеличился суточный прирост заболевших коронавирусом, причем в Азербайджане и Грузии число новых случаев значительно превысило предыдущие пиковые значения. И хотя ближе к началу четвертого квартала 2021 года количество новых случаев COVID-19 на территории Южного Кавказа стало сокращаться или стабилизироваться, уровень смертности остается повышенным. Стремясь остановить прирост заболеваемости, Азербайджан и Грузия вновь ввели отдельные ограничения; при этом в Азербайджане было установлено требование предъявления ковид-паспортов при посещении общественных мест и на работе. Ожидается, что Армения введет требование предъявления сертификатов вакцинации и тестирования, начиная с четвертого квартала текущего года.

В текущем году во всех трех экономиках вплоть до конца июля наблюдалось уверенное повышение уровня активности, особенно в секторе услуг. Восстановлению экономики Армении способствовали быстрый рост внутреннего спроса и благоприятная динамика экспорта на фоне повышения внешнего спроса на нефть и металлы. Несмотря на то, что количество прибытий международных туристов в страны Южного Кавказа немного увеличилось после обвала 2020 года, в Грузии и Армении оно по-прежнему ниже допандемических уровней примерно на 75% и 60%, соответственно. В течение оставшейся части года восстановление частного потребления могут тормозить инфляционное давление, отчасти обусловленное ускорением продовольственной инфляции, и повышенный уровень неопределенности.

В прошлом году Южный Кавказ испытал самый сильный спад экономики среди субрегионов ЕЦА: сокращение составило более 5%, поскольку вооруженный конфликт между Арменией и Азербайджаном усилил последствия пандемии COVID-19. Согласно прогнозам, в 2021 году объем выпуска товаров и услуг резко увеличится – на 5,8% – а рост активности будут поддерживать восстановление потребления и уверенное расширение экспорта. Ожидается, что в Азербайджане рост также будет опираться на добычу энергоресурсов, наращиванию которой будет способствовать увеличение квот на добычу нефти в рамках соглашения ОПЕК+.

В 2022 году ожидается снижение темпов роста до 3,9% на фоне дальнейшего сворачивания мер поддержки макроэкономики. В основе текущего прогноза лежат следующие предположения: сохранение политической стабильности и снижение геополитической напряженности; отсутствие дальнейших серьезных ограничений, введенных в связи с пандемией, и прогресс в вакцинации населения от COVID-19; восстановление туризма наряду с укреплением потребительской и предпринимательской уверенности. Тем не менее, процесс восстановления экономик Южного Кавказа по-прежнему затрудняют повышенный уровень внутренней политической напряженности и рисков дестабилизации ситуации, а также ужесточение денежно-кредитной политики.

Восточная Европа

Для Восточной Европы характерен один из самых низких уровней вакцинации среди субрегионов ЕЦА, а одной из причин низкого уровня использования имеющихся запасов вакцин стало общее нежелание людей вакцинироваться. Однако в третьем квартале 2021 года темпы вакцинации повысились, особенно в Украине. К началу четвертого квартала во всех трех восточноевропейских странах отмечался дальнейший рост заболеваемости COVID-19 на фоне распространения штамма «дельта» в Европе. В качестве ответной меры Украина продлила действие режима чрезвычайной ситуации до 1 октября, чтобы у органов местного самоуправления была возможность дальнейшего применения ограничений, связанных с COVID-19, и ввела обязательное ПЦР-тестирование на границе.

Как и в других субрегионах ЕЦА, оживлению экономической активности в Восточной Европе в начале 2021 года способствовало повышение внешнего спроса, который стал основой динамичного роста промышленного производства и частично компенсировал негативное воздействие ужесточения макроэкономической политики. В Украине, крупнейшей экономике субрегиона, временное ослабление ограничений, введенных в связи с COVID-19, оказало положительное воздействие на активность в секторе услуг. Повышение заработной платы поддержало доходы домохозяйств в Украине и Молдове, что способствовало росту частного потребления. Выход инфляции за пределы целевого диапазона и ее ускорение, особенно в Украине, спровоцировали повышение ключевых ставок в 2021 году во всех трех экономиках.

В краткосрочной перспективе в Восточной Европе ожидаются самые низкие темпы роста среди субрегионов ЕЦА: в 2021 году они повысятся всего лишь до 3,1%, а затем в 2022 году сократятся почти вдвое до 1,6%. Согласно прогнозам, в краткосрочной перспективе повышение активности будут сдерживать замедление роста экспорта и частного потребления в ряде стран, однако постепенное оживление внутреннего спроса должно способствовать ускорению роста к 2023 году. Тем не менее, прогноз для Восточной Европы (особенно в отношении частных инвестиций) по-прежнему омрачает сохранение геополитической и внутренней политической напряженности в Украине и Беларуси, причем последняя столкнулась с введением новых секторальных экономических санкций. В более отдаленной перспективе возможности роста тоже ограничены ввиду сохраняющихся проблем, связанных с медленной реализацией реформ, что препятствует развитию конкуренции и частного сектора.

Центральная Азия

В 2021 году заболеваемость и смертность от COVID-19 достигли исторического максимума, поскольку из-за низких темпов вакцинации значительная часть населения осталась незащищенной от крайне агрессивного штамма «дельта». Требования обязательной вакцинации и новые ограничения, которые были введены в начале третьего квартала 2021 года, привели к ограничению часов

работы и возможностей в ряде стран. С тех пор некоторые ограничения на передвижение были сняты, поскольку расширение доступа к вакцинам способствовало ускорению иммунизации населения.

По мере постепенного выхода из ограничительного режима, оказавшего поддержку росту розничной торговли, началось оживление внутреннего спроса, который способствовал подъему уровня активности в Центральной Азии. В Казахстане, крупнейшей экономике субрегиона, рост частного потребления обеспечили также дополнительные меры бюджетной поддержки. Кроме того, укрепление внешнего спроса стимулировало расширение экспорта многих товаров. Тем не менее, процесс восстановления не завершен: объем экспорта нефти все еще не достиг допандемического уровня, а приток прямых иностранных инвестиций остается незначительным на фоне вялой инвестиционной активности в добывающих отраслях. В Кыргызской Республике негативное влияние на восстановление экономики оказал более низкий, чем ожидалось, объем добычи золота.

Согласно прогнозам, в 2021 и 2022 годах темпы роста в Центральной Азии восстановятся до 4,3%, что намного ниже средних исторических значений вследствие сохранения трудностей, вызванных пандемией. Тем не менее, в течение прогнозного периода поддержку экономике должен оказать рост инвестиций. В Узбекистане экономический рост будет по-прежнему опираться на реализацию масштабной программы реформ, которая продолжалась в течение всего периода пандемии, несмотря на огромные препятствия. Ускорение инфляции стало причиной повышения ключевых ставок в Казахстане, Кыргызской Республике и Таджикистане.

Среднесрочные и долгосрочные перспективы экономик Центральной Азии могут ухудшить опасения по поводу стабильности ситуации в соседних странах, включая Афганистан, с учетом того, что это создает повышенную угрозу для национальной безопасности и неопределенность в отношении притока беженцев. Кроме того, перспективы омрачаются в результате роста неопределенности экономического курса, особенно в Кыргызской Республике после периода политической напряженности и массовых беспорядков. Усилению политической напряженности в Центральной Азии способствовал также пограничный конфликт между Кыргызской Республикой и Таджикистаном.

Риски, сопутствующие региональному прогнозу

Риски для регионального прогноза по-прежнему смещены в сторону ухудшения, что является отражением продолжающегося воздействия затянувшейся пандемии. Несмотря на продолжение пандемии, ее влияние на экономику во время последних всплесков заболеваемости оказалось слабее, чем в первую волну. Тем не менее, вспышки COVID-19, скорее всего, будут и в дальнейшем тормозить процесс восстановления на фоне низких темпов вакцинации. В отсутствие четкой и последовательной коммуникации, направленной на укрепление доверия населения, нежелание людей вакцинироваться будет препятствовать иммунизации в ряде стран ЕЦА. Продолжающееся распространение

вируса в этих странах означает, что они рискуют оказаться в замкнутом круге: за прогрессом в сокращении количества заболевших коронавирусом и ослаблением ограничений последует очередная вспышка вируса, которая приведет к введению новых ограничительных мер и еще одному экономическому спаду.

Кроме того, в рамках регионального прогноза сохраняется риск финансового стресса. Финансовый стресс может быть спровоцирован рядом отрицательных шоков, включая резкое усиление неприятия риска или ожиданий более быстрого сворачивания и отмены стимулирующей денежно-кредитной политики в крупных экономиках. И в США, и в еврозоне инфляция превышает целевые ориентиры, что может стать причиной неожиданного повышения ключевых ставок и, в свою очередь, вызвать неконтролируемое ужесточение условий кредитования на мировом рынке. В результате странам ЕЦА будет труднее обслуживать свой долг, особенно с учетом резкого увеличения объема долга в прошлом году в связи с необходимостью борьбы с пандемией. Стремительное ухудшение условий кредитования на мировом рынке может нарушить процесс восстановления мировой и региональной экономики в течение прогнозного периода (СВР 2021). С учетом тесных финансовых связей с остальным миром и истощения буферных запасов капитала из-за пандемии, экономика ЕЦА остается незащищенной перед лицом потрясений, особенно тех, которые могут исходить из еврозоны. Недавнее заявление Европейского центрального банка о том, что он будет сокращать объем экстренной программы покупки активов, вызвало некоторую волатильность на рынках ЕЦА, особенно в странах Центральной Европы и Западных Балкан, однако с тех пор курсы акций отыграли эти потери.

Но даже в отсутствие финансового стресса на мировых рынках ухудшение ситуации с пандемией наряду с повышенной неопределенностью экономического курса могут привести к дальнейшему сокращению притока портфельных инвестиций и дать новый толчок обесценению валют и уменьшению объема резервов в регионе ЕЦА. В результате внешнее финансовое давление может увеличиться, особенно в странах с большой долей долга, номинированного в иностранной валюте. Восстановление экономической активности в регионе сопровождалось стремительным ускорением инфляции. Нарастание ценового давления еще больше ограничило возможности ряда центральных банков по созданию резервов для смягчения будущих негативных внешних шоков, и в 2021 году более половины стран региона были вынуждены повысить ключевые ставки. При этом глобальные перебои в поставках и проблемы с отправкой грузов также оказали повышательное давление на цены в регионе ЕЦА. В условиях, когда темпы инфляции превышают целевой диапазон в течение продолжительного периода времени, внезапное ухудшение настроений инвесторов может вызвать резкое ужесточение условий кредитования и привести к каскаду дефолтов и росту проблемных кредитов. По мере того, как органы регулирования сворачивают поддержку ликвидности и отменяют регуляторные послабления, увеличивая нагрузку на банковский сектор, давление на корпоративные балансы продолжает усиливаться.

Более медленное, чем ожидалось, восстановление экономики в еврозоне, крупнейшем торговом партнере стран ЕЦА, может вызвать отрицательные эффекты распространения влияния в экономиках, имеющих тесные торговые и финансовые связи со странами еврозоны (Elekdag, Muir, and Wu 2015; World Bank 2016). Последствия замедления роста в Китае могут распространиться на Центральную Азию через такие каналы, как торговля и цены на сырье, а также затронуть экспортеров металлов в регионе ЕЦА, которые все больше зависят от Китая как страны назначения экспорта. Страны ЕЦА, являющиеся экспортерами энергоресурсов – Азербайджан, Казахстан и Россия – по-прежнему чувствительны к резким колебаниям мировых цен на сырье, особенно, если они сопровождаются повышенной волатильностью (van Eyden et al. 2019).

Возможный рост геополитической напряженности также представляет собой понижающий риск в регионе ЕЦА и может сопровождаться введением новых санкций и усилением давления на финансовый рынок. Дестабилизировать ситуацию в регионе могут эскалация конфликта в Украине или между Кыргызской Республикой и Таджикистаном, усиление угроз стабильности после вооруженного конфликта между Арменией и Азербайджаном, а также вызовы безопасности в соседнем Афганистане, причем в последнем случае в страны ЕЦА может хлынуть неконтролируемый поток беженцев. Последствия секторальных экономических санкций против Беларуси или усиление политического давления в Кыргызской Республике могут ухудшить прогноз для Восточной Европы и Центральной Азии. Разногласия между Европейским союзом и другими крупными экономиками также могут привести к дополнительным санкциям, способных вызвать эффекты распространения влияния в некоторых странах ЕЦА. Дальнейшее повышение неопределенности экономического курса, особенно в ряде крупных экономик региона, тоже может подорвать процесс восстановления, если спровоцирует финансовый стресс.

Долгосрочные вызовы и экономическая политика

По всей вероятности, длительные и устойчивые последствия пандемии будут ухудшать долгосрочные перспективы для стран ЕМДЕ региона ЕЦА. Потеря динамики роста производительности прогнозировалась еще до начала кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией, а разрушительное воздействие пандемии, вероятно, еще больше усилит эту тенденцию. Для уверенного перехода на траекторию «зеленого», устойчивого и инклюзивного развития потребуются принятие мер, которые обеспечат возобновление роста производительности наряду с преодолением тяжелых последствий пандемии и решением задач, связанных с изменением климата. Комплексный подход, который придаст новый импульс росту производительности, включает меры экономической политики, способствующие внедрению технологий и инноваций на предприятиях, развитию конкуренции в благоприятной для роста макроэкономической и институциональной среде, и привлечению инвестиций в физический и человеческий капитал, и при этом обеспечивающие защиту социально уязвимых категорий населения. Кроме того, инвестиции в «зеленую» инфраструктуру могут облегчить достижение целей развития и повысить устойчивость к изменению климата.

Придание нового импульса росту производительности предприятий

Как ожидается, пандемия еще больше усилит спад производительности, который и раньше прогнозировался на ближайшие десять лет (Dieppe 2020; World Bank 2021a). Даже до начала пандемии страны EMDE региона ЕЦА были в числе тех, кто столкнулся с самым резким снижением темпов роста производительности, причем этот спад был в значительной степени обусловлен замедлением роста совокупной факторной производительности (СФП) (World Bank 2021b). В странах EMDE региона ЕЦА производительность предприятий была ниже, чем в развитых экономиках, и, вероятно, пострадала от COVID-19 в результате снижения организационной эффективности, роста транзакционных издержек и потери динамики, даже несмотря на то, что некоторые предприятия воспользовались моментом, чтобы расширить внедрение современных технологий (di Mauro and Syverson 2020; Aredo-Amah et al. 2020). В отсутствие реформ, способных компенсировать разрушительное воздействие COVID-19, пандемия, по-видимому, еще больше сузила перспективы сокращения отставания в течение ближайшего десятилетия. Для согласования стимулов частного сектора с общими экономическими реформами, включая реформы, способствующие внедрению технологий и инноваций, развитию конкуренции и укреплению институтов, можно принять меры, направленные на решение давних проблем и укрепление основ устойчивого роста.

Содействие внедрению технологий и инноваций. Ускорение цифровой трансформации может способствовать росту производительности и увеличению объема производства в странах EMDE региона ЕЦА наряду с повышением устойчивости экономики в периоды кризиса (Hallward-Driemeir et al. 2020; ITU 2020). После начала пандемии более 50% малых и средних предприятий (МСП), участвовавших в опросе, проведенном Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), стали более активно использовать цифровые инструменты, чтобы обеспечить непрерывность работы в условиях ограничений на передвижение (OECD 2021a). Предварительные данные также свидетельствуют о том, что внедрение инноваций и цифровизация, вероятно, помогли предприятиям выжить во время пандемии (Muzi et al. 2021).

При том, что по сравнению с другими регионами EMDE регион ЕЦА демонстрирует неплохие результаты в части обеспечения доступа к цифровой связи, низкий уровень инвестиций стал причиной крупных инфраструктурных разрывов в телекоммуникационном пространстве региона, что ограничивает возможность дальнейшей региональной интеграции (IMF 2014). Помимо этого, применение устаревших технологий, медленное внедрение инноваций, нерациональное использование рабочей силы в неэффективных секторах и недостаточная гибкость рынка труда тормозят рост производительности и способствуют увеличению разброса показателей СФП между странами и предприятиями (Araujo, Vostroknutova, and Wacker 2017; Bahar 2018; Syverson 2011; Hallward-Driemeir et al. 2020). Если Центральная Европа не уступает остальным членам Европейского союза по числу индивидуальных пользователей интернета, то в некоторых беднейших странах EMDE региона ЕЦА этот показатель

ниже среднемирового значения, и поэтому им будет трудно повысить СФП до уровня лучших мировых образцов (UN 2020; Burunciuc 2021). Для предприятий также характерно цифровое неравенство: МСП отстают от крупных компаний по доступу к цифровой связи и внедрению цифровых технологий, особенно в части высокоскоростного широкополосного доступа к интернету и использования инструментов электронной торговли, что еще больше затрудняет для МСП задачу сокращения отставания от крупных компаний по уровню производительности (Hallward-Driemeir et al. 2020; OECD 2021a).

Для совершенствования цифровой инфраструктуры и расширения доступа к высококачественной цифровой связи многим странам ЕЦА потребуется увеличение объема инвестиций в инфраструктуру связи (Hallward-Driemeir et al. 2020). Либерализация сектора телекоммуникаций наряду с обеспечением независимого нормативно-правового регулирования и эффективного налогообложения цифровых услуг могут стать катализатором частных инвестиций, которые снизят затраты на получение доступа к интернету, увеличат его проникновение и повысят доступность цифровых услуг, вызвав значительные эффекты распространения влияния в масштабах всей экономики (Arezki et al. 2021; Rodriguez-Castelan et al. 2021). Кроме того, государственные инвестиции могут внести вклад в цифровую трансформацию предприятий за счет снижения ценовых барьеров и ускорения процесса цифровизации, особенно для МСП, имеющих ограниченные финансовые возможности.

Содействие развитию конкуренции в благоприятной для роста макроэкономической и институциональной среде. Реформы, направленные на укрепление институтов и способствующие формированию благоприятного делового климата, имеют огромное значение для развития конкуренции и обеспечения устойчивого роста в регионе ЕЦА, особенно с учетом большой и растущей роли государства в экономике (EBRD 2020; World Bank 2021b). Потеря динамики реформ, а в некоторых случаях и отступление от курса реформ, которые отмечались в регионе еще до пандемии, означали, что слабость институтов и государственного управления по-прежнему препятствует притоку частных инвестиций и повышению производительности предприятий (World Bank 2018, 2020). Распространенность коррупции и преступности, низкий уровень административного потенциала, проблемы нормативно-правового регулирования и неформальные экономические отношения по-прежнему в огромной степени ограничивают способность частных предприятий осуществлять деятельность и инвестиции, внедрять инновации и преодолеть отрыв от стран с высоким уровнем доходов по уровню производительности (Cusolito and Maloney 2018). Более чем в 40% стран ЕМДЕ региона ЕЦА, как минимум, четверть опрошенных предприятий назвали коррупцию одним из главных препятствий для бизнеса (опросы предприятий; Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Косово, Кыргызская Республика, Молдова, Польша, Румыния, Турция и Украина). Проведенные в прошлом крупные реформы, направленные на улучшение делового климата или повышение качества государственного управления, приводили к значительному ускорению роста СФП в краткосрочной перспективе и увеличению объема инвестиций в среднесрочной перспективе, в том числе

в странах EMDE региона ЕЦА (World Bank 2021a, 2021b). В дополнение к этим реформам можно принять меры, обеспечивающие повышение подотчетности, включая повышение прозрачности данных и усиление информационной безопасности, что может обеспечить укрепление институтов и эффективное распределение ресурсов (Islam and Lederman 2020; World Bank 2021b).

Низкое качество регулирования рынков тоже сдерживает рост производительности предприятий, создавая порочные стимулы и препятствуя созидательному разрушению (Goldberg et al. 2010). Кроме того, препятствиями для роста СФП в регионе ЕЦА являются недостатки частного сектора, включая низкий уровень конкуренции и повышенный уровень рыночной концентрации (EBRD 2018). Именно поэтому конкуренция является специальной темой настоящего доклада. Во второй части доклада представлена картина конкуренции в регионе ЕЦА до пандемии COVID-19, анализируется влияние пандемии на предприятия, осуществляющих деятельность в разных конкурентных средах, рассматриваются меры государственной поддержки и то, какие предприятия, ее получили. К числу экономических реформ, которые могут способствовать росту производительности и поддержать перспективные предприятия региона ЕЦА, относятся устранение факторов, искажающих деловой климат и ограничивающих конкуренцию, включая непрозрачное регулирование инвестиций, обременительные требования налогового законодательства и особый режим для государственных предприятий, а также повышение адресности мер государственной поддержки.

Залечивание ран, нанесенных пандемией, и стимулирование инклюзивного восстановления экономики

Пандемия COVID-19 унесла миллионы человеческих жизней и привела к потере миллионов рабочих мест во всем мире; она повернула вспять процесс сокращения бедности и, вероятно, повлечет за собой такие последствия, как ущерб здоровью людей и экономике. Многочисленные раны, нанесенные человеческому капиталу, будут заживать медленно, а темпы накопления физического капитала, по-видимому, будут оставаться низкими в течение продолжительного периода времени (World Bank 2021a). Еще до пандемии прогнозы указывали на то, что в регионе ЕЦА все фундаментальные факторы экономического роста – инвестиции, повышение производительности, улучшение показателей образования и состояния здоровья населения, а также рост численности населения работоспособного возраста – утратят динамику в течение ближайшего десятилетия. Похоже, что пандемия привела к еще большей потере динамики, а ее негативные воздействия будут остро ощущаться наиболее уязвимыми категориями населения, включая бедных, женщин, детей, молодежь, трудовых мигрантов и работников неформального сектора (Diepre 2020; World Bank 2021b).

Кроме того, пандемия, которая оказала влияние на показатели здоровья населения, привела к закрытию школ и длительной безработице, поставила под угрозу предшествующие достижения в области прироста человеческого капитала. Помимо прямого воздействия на уровни заболеваемости и смертности, пандемия вызвала задержки в оказании важнейшей первичной меди-

ко-санитарной помощи и повышение продовольственной нестабильности, что может привести к росту материнской смертности, а также смертности среди детей раннего возраста (Robertson et al. 2020). Эти последствия пандемии также могут затормозить рост производительности в долгосрочной перспективе, поскольку неполноценное питание в первые годы жизни может навсегда снизить способность к обучению. Для того, чтобы решить эти проблемы и предотвратить укороение экономической нестабильности, необходим всеобъемлющий комплекс мер макроэкономической политики, способствующих поддержанию инклюзивного восстановления, включая меры, направленные на заживление нанесенных ран и защиту социально уязвимых граждан (World Bank 2020).

Содействие восстановлению рынка труда и защита работников. Рецессия, вызванная COVID-19, спровоцировала резкое, хотя и неравномерное, падение занятости во всех секторах экономики. В отсутствие масштабной бюджетной поддержки, включая программы защиты рабочих мест и адресные денежные выплаты социально уязвимым домохозяйствам, этот спад был бы еще больше. Несмотря на такую поддержку, работники в странах ЕЦА – особенно те, кто работали неполный рабочий день, а также временные, молодые или низкоквалифицированные работники – столкнулись с потерей значительной части доходов и сокращением рабочего времени. Более того, в регионе ЕЦА эти потери, вероятно, будут носить длительный характер, поскольку, как ожидается, уровень занятости здесь будет восстанавливаться медленнее, чем в других регионах EMDE (ILO 2021). В целом, согласно прогнозам, к началу 2022 года общая продолжительность рабочего времени в странах ЕЦА останется на 2% ниже уровня 2019 года, причем в 2022 году численность безработных будет на 2 миллиона больше, чем в 2019 году, и еще 1 млн человек прекратят трудовую деятельность из-за морально-психологического состояния (ILO 2021). В результате широкомасштабной потери рабочих мест подавляющее большинство респондентов, опрошенных ОЭСР, отметили свою обеспокоенность по поводу возможного отсутствия социальной и экономической стабильности в течение нескольких ближайших лет (OECD 2021b). Как ожидается, эти последствия будут ощущаться гораздо дольше, чем несколько ближайших лет: домохозяйства, сообщившие о потере работы, выразили озабоченность тем, что у них нет необходимых навыков и знаний для того, чтобы получить хорошо оплачиваемую работу в ближайшие десять лет.

Необходимы меры государственной политики, которые должны заложить основу инклюзивного восстановления занятости и ограничить ущерб, нанесенный человеческому капиталу длительными периодами безработицы или разобщения. При необходимости, эта государственная политика может быть направлена на то, чтобы ускорить перераспределение рабочей силы между секторами экономики. Ключевую роль играют меры содействия занятости вытесненных работников – прежде всего, женщин и молодежи – поскольку многие профессии в наиболее пострадавших секторах уже были на грани исчезновения в результате автоматизации (Albanesi and Kim 2021; Hallward-Driemeier and Nauyaq 2018; OECD 2021c). В целях стимулирования занятости в секторах, где отмечается самый быстрый рост, можно проводить активную политику

занятости, включая, в частности, предоставление услуг по трудоустройству, поддержку предпринимательства и осуществление программ переподготовки работников (Card, Kluge, and Weber 2018; OECD 2021b; Schmillen 2020; Trebilcock 2014). В сочетании с программами поддержки доходов, адресованных социально уязвимым категориям населения – такими, как программы адресных денежных выплат – меры активной политики занятости могут облегчить движение рабочей силы между секторами и улучшить перспективы трудоустройства более уязвимых граждан, обеспечив сбалансированное и инклюзивное восстановление (Escudero and Liepermann 2020; OECD 2021c).

Решение проблемы образовательных потерь и инвестиции в будущее. Процесс обучения школьников в странах ЕЦА – особенно детей из социально уязвимых домохозяйств – нарушен, поскольку частичное или полное закрытие школ по-прежнему нарушает непрерывность образовательного процесса, что может ухудшить результаты обучения (World Bank 2021a, 2020). В сочетании с потерей квалификации из-за длительного пребывания людей без работы это может привести к существенным потерям трудовых доходов в будущем⁵. При том, что до пандемии отмечалось улучшение результатов обучения, эти достижения не были справедливыми, что указывало на необходимость проведения структурных реформ не только для решения проблемы образовательных потерь из-за COVID-19, но и для обеспечения инклюзивного восстановления (OECD and UNICEF 2021).

Инвестиции в образование нужны для смягчения негативного воздействия пандемии на человеческий капитал, включая потери в обучении и разобщение молодежи. С начала кризиса около 60% стран с низкими доходами, а также доходами ниже среднего уровня, включая те, что относятся к региону ЕЦА, сократили бюджетные ассигнования на государственную систему образования, развернув десятилетнюю тенденцию роста финансирования (UNESCO 2021). Бюджетные расходы на образование можно увеличить за счет привлечения дополнительного финансирования, чтобы создать стимулы для посещения школы и приобретения знаний, модернизировать школьные здания и изменить систему мотивации учителей, что может также способствовать повышению эффективности использования средств, выделяемых на образование в настоящее время (Hui, La-Bhus, and Baoping 2019; World Bank 2021cd). Инвестиции в инфраструктуру образования улучшают результаты обучения и, в конечном итоге, обеспечивают рост доходов (Akresh, Halim, and Klemans 2021).

Кроме того, трансформация системы образования в странах ЕЦА может способствовать повышению устойчивости региона к воздействию кризисов. Меры, направленные на адаптацию преподавания к новым условиям гибридного обучения, выявление неуспевающих учеников и оптимизацию учебной программы с целью ее ориентации на освоение базовых навыков, могут способствовать обеспечению непрерывности образовательного процесса для всех учащихся

⁵ Материалы, посвященные влиянию COVID-19 на образование, приведены в работах Azevedo et al. (2021); Bundervoet, Davalos, and Garcia (2021); UNESCO (2021); UNICEF (2021). Материалы, посвященные влиянию COVID-19 на будущие трудовые доходы через образование и занятость, приведены в работах Azevedo et al. (2020), а также Fasih, Patrinos, and Shafiq (2020).

(Saadah 2021). Наряду с этим, правительства могут расширить доступ к существующим бесплатным образовательным технологиям с открытым исходным кодом так, чтобы обеспечить охват социально уязвимых категорий населения (Burns et al. 2019; UNESCO 2020). Меры по обеспечению справедливого доступа к интернету для организации дистанционного обучения могут предотвратить рост цифрового неравенства, связанного с уровнем доходов.

Обеспечение устойчивого восстановления и защита будущего за счет поддержки «зеленых» инвестиций

Изменение климата связано с серьезными рисками ухудшения состояния здоровья населения и экономики в долгосрочной перспективе. Пандемия обострила эти проблемы, уменьшив пространство для маневра в макроэкономической политике и увеличив давление на бюджет (Rogoff 2021b). Однако бездействие обойдется дороже: при сохранении нынешней траектории к 2050 году один только экономический ущерб от изменения климата может привести к сокращению объема мирового производства приблизительно на 10% по сравнению со сценарием, не предусматривающим изменение климата (Swiss Re 2021). Однако реальная стоимость выходит далеко за рамки экономики: в 2012 году (самый последний год, для которого имеются аналитические данные) причиной каждой восьмой смерти в Европе было загрязнение окружающей среды (EEA 2020).

Ожидается, что в Европе, в том числе в странах EMDE региона ЕЦА, воздействие изменения климата будет особенно сильным: согласно прогнозам, независимо от сценария глобального потепления, температура на европейском континенте будет повышаться быстрее, чем в среднем, во всем мире (IPCC 2021). Ожидается увеличение частоты засух, что приведет к сокращению объемов сельскохозяйственного производства и урожаев во многих странах ЕЦА, являющихся крупными экспортерами сельскохозяйственной продукции. Ожидаемый подъем уровня моря создаст угрозу наводнений и эрозии почв для жителей прибрежных районов региона ЕЦА. Таким образом, структурные преобразования являются настоятельной необходимостью, особенно с учетом того, что половина из 20 самых углеродоемких экономик мира находятся в регионе ЕЦА (Bjerde 2021).

Несмотря на медленный прогресс в течение нескольких последних десятилетий, недавние примеры материализации рисков, связанных с изменением климата, включая стихийные бедствия метеорологического характера, подчеркнули актуальность задачи ускорения процесса декарбонизации экономики. Страны, на долю которых приходится более двух третей глобальных выбросов и ВВП, обязались принять меры для достижения нулевого уровня выбросов к 2050 или 2060 году (IEA 2021; Pisani-Ferry 2021). Предлагается весьма широкий спектр мер, включая введение углеродных налогов и нормативов допустимых выбросов, осуществление инвестиций в «зеленую» энергетику и сокращение субсидий на добычу ископаемых видов топлива (на долю последних в ряде стран ЕЦА приходилось в 2019 году от 1,5 до почти 7,5% ВВП) (IEA 2021; Wheeler et al. 2020). Недавно Европейская комиссия объявила о планах

дополнительного сокращения выбросов на 15 процентных пунктов по сравнению с тем, что было законодательно установлено в 2018 году: это необходимо для достижения цели по сокращению выбросов на 55% к 2030 году по сравнению с уровнем 1990 года (European Commission 2021). На национальном уровне предполагается введение минимальных цен на углерод. В то же время эта обновленная рамочная стратегия также включает расширение схемы торговли квотами на выбросы углекислого газа и введение дополнительных экологических стандартов. Все это, как ожидается, должно обеспечить преобразование энергетики, транспорта, ЖКХ, обрабатывающих отраслей, сельского хозяйства и сферы услуг (European Commission 2021; Pisani-Ferry 2021).

Одним из главных вызовов политики декарбонизации является управление немалыми расходами переходного периода с целью обеспечения устойчивого и инклюзивного восстановления. Переход к безуглеродной экономике, вероятно, приведет к изменению состава ВВП, поскольку ресурсы будут переориентированы с потребления на удовлетворение значительных потребностей в инвестициях. В этой связи необходимо учитывать вопросы справедливости. И хотя дефицит инвестиций можно частично профинансировать за счет углеродных налогов, эти налоги, как правило, носят регрессивный характер. К тому же, более строгие природоохранные нормативы, скорее всего, станут более тяжелым бременем для бедных домохозяйств (по сравнению с остальными). В результате, социально уязвимым домохозяйствам могут потребоваться дополнительные государственные выплаты, которые создадут еще большее давление на государственные балансы (Pisani-Ferry 2021). С учетом этих расходов и соображений справедливости для достижения амбициозных целей «зеленых» инвестиций необходимо привлечь частных инвесторов. Для этого нужны благоприятный национальный климат с низким уровнем рисков, сильная конкуренция и меры, стимулирующие приток капитала. Первостепенное значение для этого амбициозного начинания имеет формирование эффективной регуляторной среды наряду с контролем за соблюдением экологических стандартов (Ambec et al. 2011).

К числу расходов переходного периода относятся также расходы, связанные с адаптацией рынка труда по мере того, как страны будут постепенно сокращать сектора, интенсивно использующие ископаемое топливо, что, вероятно, потребует масштабной переподготовки и повышения квалификации работников, особенно в странах Центральной Европы с высоким уровнем занятости в отраслях, связанных с использованием угля (Pisani-Ferry 2021; World Bank 2021d). В общей сложности, влияние такого перехода на ВВП Европейского союза по состоянию на 2030 год оценивается в различных сценариях в диапазоне от -0,7% до 0,55%, что подчеркивает необходимость разработки соответствующих механизмов для оценки воздействия на экономику, чтобы обеспечить более высокие показатели роста (European Commission 2020).

Несмотря на эти вызовы, страны Европы используют меры поддержки экономики, принятые в связи с пандемией, для обеспечения более экологичного и более устойчивого восстановления. В дополнение к действующей в ЕС Мно-

голетней программы финансового развития и плану «Следующее поколение ЕС», который предусматривает крупные трансферты центральноевропейским экономикам региона ЕЦА, этот регион принял или ускорил реализацию мер, направленных на повышение энергоэффективности жилья и устойчивое развитие транспортной отрасли (оба сектора являются крупными источниками выбросов углерода в регионе ЕЦА) (Bjerde 2021). Для того, чтобы извлечь максимальные выгоды из положительных эффектов распространения влияния этих финансовых механизмов и добиться результатов в рамках европейской «Зеленой сделки», страны ЕЦА могут разработать меры, способствующие более быстрому освоению этих средств, включая меры, направленные на укрепление технического и административного потенциала (World Bank 2021d).

Приложение 1.1 Источники данных и традиционный процесс подготовки прогнозов

Представленные в настоящем докладе макроэкономические прогнозы – результат итеративного процесса работы с участием сотрудников группы по перспективам развития аппарата вице-президента Всемирного банка по вопросам справедливого роста, финансов и институтов, специалистов страновых департаментов, региональных и страновых представительств, а также офиса главного экономиста по региону Европы и Центральной Азии. Процесс прогнозирования включает в себя формирование данных, построение макроэконометрических моделей и вынесение суждений.

Данные

Данные, использованные для подготовки прогнозов по отдельным странам, взяты из целого ряда источников. Счета национальных доходов, платежные балансы и бюджетные данные взяты из баз данных Haver Analytics, базы данных Всемирного банка «Показатели мирового развития», а также доклада «Перспективы развития мировой экономики», статистики платежных балансов и международной финансовой статистики Международного валютного фонда (МВФ). Демографические данные и прогнозы взяты из доклада ООН «Перспективы мирового населения». Классификация стран и их разбивка на группы с учетом критериев кредитования взяты у Всемирного банка. Из собственных баз данных взяты цены на сырье, данные о предыдущих сериях винтажного анализа, а также классификации стран. Кроме того, использовались другие собственные базы данных, содержащие высокочастотные индикаторы, в том числе данные о промышленном производстве, индексах потребительских цен, стоимости жилья, валютных курсах, экспорте, импорте и индексах фондовых рынков, основанные на данных Bloomberg, Haver Analytics, аналитических индикаторах цен на жилье Организации экономического сотрудничества и развития, статистике платежных балансов МВФ, а также на международной финансовой статистике МВФ. Совокупные темпы роста мировой экономики, а также всех подгрупп стран (с разбивкой по регионам и уровню доходов) рассчитываются как средневзвешенные показатели (в ценах 2010-2019 годов) роста

валового внутреннего продукта отдельных стран. Группы стран по уровню доходов определяются в соответствии с классификацией групп стран, принятой во Всемирном банке.

Процесс подготовки прогнозов

Процесс начинается с формулирования первоначальных предположений о темпах роста развитых экономик и прогнозах цен на сырьевые товары. Эти предположения используются в качестве условий для первого набора прогнозов роста в странах с формирующимся рынком и развивающихся экономиках, которые разрабатываются с помощью: макроэконометрических моделей; рамочных основ финансовой отчетности для обеспечения идентичности национальных счетов и согласованности данных в мировом масштабе; оценки эффектов распространения влияния из ведущих экономик; расчета высокочастотных показателей. Затем полученные прогнозы оцениваются для обеспечения согласованности обработки данных по сопоставимым экономикам. После процесса оценки проводятся обширные консультации с участием команд специалистов страновых офисов Всемирного банка, которые ведут постоянный макроэкономический мониторинг и диалог с властями соответствующих стран. В течение всего процесса прогнозирования сотрудники Банка используют макроэконометрические модели, позволяющие сочетать в прогнозах суждения и последовательность выводов с аналитическими оценками, полученными с помощью моделей.

Список использованной литературы

- Akresh, R., D. Halim, and M. Kleemans. 2021. "Long Term and Intergenerational Effects of Education: Evidence from School Construction in Indonesia." Policy Research Working Paper 9559, World Bank, Washington, DC.
- Albanesi, S., and J. Kim. 2021. "The Gendered Impact of the COVID-19 Recession on the US Labor Market." NBER Working Paper 28505, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA.
- Ambec, S., M. A. Cohen, S. Elgie, and P. Lanoie. 2011. "The Porter Hypothesis at 20: Can Environmental Regulation Enhance Innovation and Competitiveness?" Resources for the Future Discussion Paper 11-01, SSRN Electronic Journal. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1754674.
- Andrle, M., P. Blagrove, P. Espallat, M. K. Honjo, M. B. Hunt, M. Kortelainen, R. Lalonde, M. D. Laxton, E. Mavroedi, M. D. Muir, and S. Mursula. 2015. "The Flexible System of Global Trade Models—FSGM." International Monetary Fund, Washington, DC.
- Apedo-Amah, M. C., B. Avdiu, X. Cirera, M. Cruz, E. Davies, A. Grover, L. Iacovone, U. Kilinc, D. Medvedev, F. O. Maduko, and S. Poupakis. 2020. "Unmasking the Impact of COVID-19 on Businesses: Firm-Level Evidence from across the World." Policy Research Working Paper 9434, World Bank, Washington, DC.

- Arezki, R., V. Dequiedt, R. Y. Fan, and C. M. Rossotto. 2021. "Liberalization, Technology Adoption, and Stock Returns: Evidence from Telecom." Policy Research Working Paper 9561, World Bank, Washington, DC.
- Arteta, C., M. A. Kose, F. Ohnsorge, and M. Stocker. 2015. "The Coming U.S. Interest Rate Tightening Cycle: Smooth Sailing or Stormy Waters?" Policy Research Note 15/02, World Bank, Washington, DC.
- Bjerde, A. 2021. "COVID-19 Shock Offers a Historic Opportunity for a Green and Just Transition." *Eurasian Perspectives Blog*, World Bank, April 21. <https://blogs.worldbank.org/europeandcentralasia/covid-19-shock-offers-historic-opportunity-green-and-just-transition>.
- Bolt, J., R. Inklaar, H. de Jong, and J. L. van Zanden. 2018. "Rebasing 'Maddison': New Income Comparisons and the Shape of Long-Run Economic Development." GGDC Research Memorandum 174, University of Groningen, Groningen.
- Botha, B., S. de Jager, F. Ruch, and R. Steinbach. 2017. "The Quarterly Projection Model of the SARB." SARB Working Paper WP/17/01, South Africa Reserve Bank, Pretoria, South Africa.
- Burns, M., M. Santally, Y. Rajabalee, R. Halkhoree, and R. Sungkur. 2019. "Information and Communications Technologies in Secondary Education in Sub-Saharan Africa: Policies, Practices, Trends and Recommendations." Mastercard Foundation, Toronto.
- Burunciuc, L. 2021. "How Central Asia Can Ensure It Doesn't Miss Out on a Digital Future." *Eurasian Perspectives Blog*, World Bank, June 21. <https://blogs.worldbank.org/education/impact-covid-19-labor-market-outcomes-lessons-past-economiccrises>.
- Card, D., J. Kluge, and A. Weber. 2018. "What Works? A Meta Analysis of Recent Active Labor Market Program Evaluations." *Journal of the European Economic Association* 16 (3): 894–93.
- CBR (Central Bank of Russia). 2021. "Monetary Policy Guidelines for 2022-2024." CBR, Moscow.
- Cusolito, A. P., and F. W. Maloney. 2018. *Productivity Revisited: Shifting Paradigms in Analysis and Policy*. Washington, DC: World Bank.
- di Mauro, F., and C. Syverson. 2020. "The COVID Crisis and Productivity Growth." VoxEU.org, CEPR Policy Portal, April 16. <https://voxeu.org/article/covidcrisis-and-productivity-growth>.
- Dieppe, A., ed. 2020. *Global Productivity: Trends, Drivers, and Policies*. Washington, DC: World Bank.
- Duke Global Health Innovation Center. 2021. "Launch and Scale Speedometer." Duke University, Durham, NC. <https://launchandscalefaster.org/covid19>.
- EBRD (European Bank for Reconstruction and Development). 2020. *Transition Report 2020-21: The State Strikes Back*. London: EBRD.
- EEA. 2020. *Healthy Environment, Healthy Lives: How the Environment Influences Health and Well-Being in Europe*. Luxembourg: EEA.
- Elkedag, S., D. Muir, and Y. Wu. 2015. "Trade Linkages, Balance Sheets, and Spillovers: The Germany-Central European Supply Chain." *Journal of Policy Modeling* 37 (2).

- Escudero, V., and H. Liepmann. 2020. "The Joint Provision of Active Labour Market Policies and Income Support Can Be a Powerful Solution for Improving Workers' Perspectives." VoxEU.org, CEPR Policy Portal, September 19. <https://voxeu.org/article/combined-active-labour-market-policies-and-incomesupport-can-improve-workers-perspectives>.
- Fan, J., Y. Li, K. Stewart, A. R. Kommareddy, A. Garcia, J. Ma, A. Bradford, et al. 2021. "COVID-19 World Symptom Survey Data API." University of Maryland, College Park, MD. <https://covidmap.umd.edu/api.html>.
- Gavi, The Vaccine Alliance. 2021. *COVAX Global Supply Forecast*. Geneva, Switzerland: Gavi.
- Goldberg, P., A. K. Khandelwal, N. Pavcnik, and P. Topalova. 2010. "Multiproduct Firms and Product Turnover in the Developing World: Evidence from India." *Review of Economics and Statistics* 92 (4): 1042–49.
- Guenette, J. D., and T. Yamazaki. 2021. "Projecting the Economic Consequences of the COVID-19 Pandemic." Policy Research Working Paper 9589, World Bank, Washington, DC.
- Ha, J., A. M. Kose, and F. Ohnsorge. 2021. "One-Stop Source: A Global Database of Inflation." Policy Research Working Paper 9737, World Bank, Washington, DC.
- Hallward-Driemeier, M., and G. Nayyar. 2017. *Trouble in the Making? The Future of Manufacturing-Led Development*. Washington, DC: World Bank.
- Hallward-Driemeier, M., G. Nayyar, W. Fengler, A. Aridi, and G. Indermit. 2020. *Europe 4.0: Addressing the Digital Dilemma*. Washington, DC: World Bank.
- Harper Petersen & Co. (database). "Harper Petersen Charter Rates Index (HARPEX)." Accessed September 20, 2021. <https://www.harperpetersen.com>.
- Hui, J., F. J. La-Bhus, and S. Baoping. 2019. "Improving the Efficiency and Equity of Public Education Spending: The Case of Moldova." IMF Working Paper 19/42, International Monetary Fund, Washington, DC.
- IEA (International Energy Agency). 2020. "Sustainable Recovery." World Energy Outlook Special Report in collaboration with the International Monetary Fund. International Energy Agency, Paris. <https://www.iea.org/reports/sustainable-recovery>.
- — —. 2021. *Oil 2021*. Paris: IEA.
- ILO (International Labour Organization). 2021. *ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work*, seventh edition. Geneva: ILO.
- IPCC (Intergovernmental Panel on Climate Change). 2021. "Sixth Assessment Report." Geneva: IPCC.
- Islam, A. M., and D. Lederman. 2020. "Data Transparency and Long-Run Growth." Policy Research Working Paper 9493, World Bank, Washington, DC.
- ITU (International Telecommunication Union). 2020. "Economic Impact of COVID-19 on Digital Infrastructure." GSR-20 Discussion Paper, ITU, Geneva.
- Johns Hopkins University (database). 2021. "Coronavirus Resource Center" (accessed September 24), <https://coronavirus.jhu.edu/>.
- Kose, M. A., C. Lakatos, F. L. Ohnsorge, and M. Stocker. 2017. "The Global Role of the U.S. Economy: Linkages, Policies and Spillovers." Policy Research Working Paper 7962, World Bank, Washington, DC.

- Kose, M. A., P. Nagle, F. Ohnsorge, and N. Sugawara. 2020. *Global Waves of Debt: Causes and Consequences*. Washington, DC: World Bank.
- Kose, M. A., N. Sugawara, and M. E. Terrones. 2020. "Global Recessions." CEPR Discussion Paper 14397, Center for Economic Policy Research, London
- Levada-Center. 2021. "Coronavirus and Vaccination." Levada Center, Moscow. <https://www.levada.ru/en/2021/09/06/coronavirus-and-vaccination-2/>.
- Muzi, S., F. Jolevski, K. Ueda, and D. Viganola. 2021. "Productivity and Firm Exit during the COVID-19 Crisis: Cross-Country Evidence." Policy Research Working Paper 9671, World Bank, Washington, DC.
- OECD. 2021a. *SME and Entrepreneurship Outlook 2021*. Paris: OECD.
- — —. 2021b. "Risks That Matter 2020: The Long Reach of COVID-19." Tackling Coronavirus (COVID-19): Contributing to a Global Effort. OECD, Paris.
- — —. 2021c. *OECD Employment Outlook 2021: Navigating the COVID-19 Crisis and Recovery*. Paris: OECD.
- OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development) and UNICEF (United Nations Children's Fund). 2021. *Education in Eastern Europe and Central Asia: Findings from PISA*. Paris: OECD.
- Our World in Data (database). 2021. "Coronavirus Pandemic (COVID-19)" (accessed September 24), <https://ourworldindata.org/coronavirus>.
- Oxford Economics. 2020. "The Oxford Global Economic Model." Oxford Economics, Oxford, U.K.
- Pisani-Ferry, J. 2021. "Climate Policy Is Macroeconomic Policy, and the Implications Will Be Significant." Policy Brief 21-20, Peterson Institute for International Economics, Washington, DC.
- Roberton, T., E. D. Carter, V. B. Chou, A. R. Stegmuller, B. D. Jackson, Y. Tam, T. Sawadogo Lewis, and N. Walker. 2020. "Early Estimates of the Indirect Effects of the COVID-19 Pandemic on Maternal and Child Mortality in Low-Income and Middle-Income Countries: A Modelling Study." *The Lancet Global Health* 8 (7): e901–e908.
- Rodriguez-Castelan, C., R. Granguillhome Ochoa, S. Lach, and T. Masaki. 2021. "Mobile Internet Adoption in West Africa." Policy Research Working Paper 9560, World Bank, Washington, DC.
- Rogoff, K. 2021a. "Fiscal Sustainability in the Aftermath of the Great Pause." *Journal of Policy Modeling*.
- Rogoff, K. 2021b. "Back to the Seventies." Project Syndicate, August 31. <https://www.project-syndicate.org/commentary/america-facing-1970s-style-stagflation-threat-by-kenneth-rogoff-2021-08>.
- Rovo, N. 2020. "Structural Reforms to Set the Growth Ambition." Policy Research Working Paper 9175, World Bank, Washington, DC.
- Ruch, F. U. 2021. "Neutral Real Interest Rates in Inflation Targeting Emerging and Developing Economies." Policy Research Working Paper 9711, World Bank, Washington, DC.

- Saadah, F. 2021. "From Crisis to Opportunity: Transforming Education in Europe and Central Asia after COVID-19." *Eurasian Perspectives Blog*, World Bank, June 8. <https://blogs.worldbank.org/europeandcentralasia/crisis-opportunity-transforming-education-europe-and-central-asia-after-covid>.
- Saurav, A., P. Kusek, R. Kuo, and B. Viney. 2020. *The Impact of COVID-19 on Foreign Investors: Evidence from the Second Round of a Global Pulse Survey*. Washington, DC: World Bank.
- Schmillen, A. D. 2020. "Causes and Impacts of Job Displacements and Public Policy Responses." Research and Policy Brief 33, Malaysia Hub, World Bank, Washington, DC.
- Swiss Re. 2021. "The Economics of Climate Change." Swiss Re, Zurich, Switzerland. <https://www.swissre.com/institute/research/topics-and-risk-dialogues/climate-and-natural-catastrophe-risk/expertise-publication-economics-of-climate-change.html>.
- Topalova, P., and A. Khandelwal. 2011. "Trade Liberalization and Firm Productivity: The Case of India." *Review of Economics and Statistics* 93 (3): 995–1009.
- Trebilcock, M. J. 2014. *Dealing with Losers: The Political Economy of Policy Transition*. New York: Oxford University Press.
- UN (United Nations). 2020. *E-Government Survey 2020*. New York: UN.
- UNCTAD. 2021. *Investment Trends Monitor*. Issue 38. Geneva: UNCTAD.
- UNESCO (United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization). 2020. *Education in a PostCOVID World: Nine Ideas for Public Action*. International Commission on the Futures of Education. Paris: UNESCO.
- — —. 2021. "COVID-19 Educational Disruption and Response." UNESCO, Paris. <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse>.
- UNWTO (United Nations World Tourism Organization). 2021. "2020: Worst Year in Tourism History With 1 Billion Fewer International Arrivals." *UNWTO News*, January 28.
- Van Eyden, R., M. Difeto, R. Gupta, and M. E. Wohar. 2019. "Oil Price Volatility and Economic Growth: Evidence from Advanced Economies Using More Than a Century's Data." *Applied Energy* 233-234: 612–21.
- Wheeler, C. M., J. Baffes, A. Kabundi, G. Kindberg Hanlon, P. S. Nagle, and F. Ohnsorge. 2020. "Adding Fuel to the Fire: Cheap Oil during the COVID-19 Pandemic." Policy Research Working Paper 9320, World Bank, Washington, DC.
- World Bank. 2016. *World Development Report 2016: Digital Dividends*. Washington, DC: World Bank.
- — —. 2018. *Global Economic Prospects: Broad Based Upturn, but for How Long?* January. Washington, DC: World Bank.
- — —. 2019a. *Global Economic Prospects: Darkening Skies*. January. Washington, DC: World Bank.
- — —. 2019b. *Global Economic Prospects: Heightened Tensions, Subdued Investment*. June. Washington, DC: World Bank.
- — —. 2019c. *World Development Report 2018: Learning to Realize Education's Promise*. Washington, DC: World Bank.

-
- — —. 2020. *Global Economic Prospects*. June. Washington, DC: World Bank.
 - — —. 2021a. *Global Economic Prospects*. June. Washington, DC: World Bank.
 - — —. 2021b. *Europe and Central Asia Economic Update: Data, Digitalization and Governance*. Washington, DC: World Bank.
 - — —. 2021c. “Investing in Human Capital for a Resilient Recovery: The Role of Public Finance Human Capital Project, Ministerial Conclave Conference Draft, World Bank, Washington, DC.
 - — —. 2021d. “Inclusive Growth at a Crossroads: Part One of Strengthening Inclusion and Facilitating the Green Transition.” EU Regular Economic Report. World Bank, Washington, DC.
-

Конкуренция и восстановление предприятий после пандемии COVID-19

Пандемия COVID-19 сильно ударила по экономикам всего мира. В 2020 году экономическая активность в мире упала из-за пандемии, и в результате мировая экономика вошла в самую глубокую рецессию со времен Второй мировой войны (World Bank 2020a). Хотя глобальная экономическая активность восстанавливается, и в регионе Европы и Центральной Азии (ЕЦА) в 2021 году ожидается рост выпуска товаров и услуг, сдерживание распространения COVID-19 остается в регионе сложной задачей. В действительности, ЕЦА относится к числу регионов с формирующимися рынками и развивающимися экономиками, где зафиксированы самые высокие показатели числа случаев COVID-19 и смертности от коронавирусной инфекции на душу населения (World Bank 2021b). В начале пандемии быстрое распространение болезни, а также локдауны и ограничения на передвижение, введенные для сдерживания распространения коронавируса, привели к внезапным шокам спроса и предложения, которые проявились в сокращении выпуска и падении производительности (Demirgüç-Kunt, Lokshin, and Torre 2021). Эти шоки предложения и спроса усугубились на фоне широко распространенной неопределенности среди бизнеса и беспокойства по поводу того, что из-за риска ухудшения положения финансового сектора доступ предприятий к кредитным ресурсам будет ограничен.

Как справлялись с кризисной ситуацией предприятия? Авторы настоящего выпуска Доклада об экономике региона ЕЦА, опираясь на результаты текущей работы Всемирного банка по проведению дополнительных обследований предприятий (ОП) в условиях пандемии COVID-19 и исследований «Пульс бизнеса» (BPS), оценивают воздействие пандемии COVID-19 на положение предприятий в регионе – с акцентом на роли конкуренции во время кризиса и в период восстановления. В предыдущих работах была получена аналитическая картина краткосрочных воздействий коронавирусного кризиса на предприятия во всем мире (Apedo-Amah and others 2020; Karalashvili and Viganola 2021), а также изучены вопросы охвата, адресности и результативности

мер государственной политики по оказанию поддержки предприятиям во время кризиса, вызванного COVID-19 (Cirera and others 2021; World Bank 2021c). В настоящей главе основное внимание уделяется конкуренции, поскольку она имеет ключевое значение для устойчивого долгосрочного экономического роста. Более конкурентная деловая среда ассоциируется с большим динамизмом и, по всей видимости, способствует росту через три основных канала: (а) за счет стимулирования предприятий к внедрению инноваций и повышению эффективности (*производственная эффективность (продуктивность)*); (б) за счет перераспределения ресурсов в пользу более продуктивных предприятий (*распределительная эффективность*); а также (с) за счет вытеснения менее продуктивных компаний с рынка с одновременным ростом более продуктивных предприятий и выходом на рынок новых игроков (*состязательность рынка/созидательное разрушение*).⁶

Имеющиеся данные указывают на то, что при наличии регуляторной среды, характеризующейся правилами регулирования товарных рынков, способствующими развитию конкуренции, в экономиках, как правило, наблюдаются более высокие темпы роста производительности и лучше перераспределяются ресурсы в пользу более продуктивных компаний (Arnold, Nicoletti, and Scarpetta 2011). Кроме того, в странах с более низкой регуляторной нагрузкой на предприятия, выходящие на рынок, создается больше новых компаний, а уровни производительности и инвестиций в экономике более высокие благодаря усилению конкуренции со стороны новых участников рынка (Motta, Oviedo, and Santini 2010). Данные по Европейскому союзу свидетельствуют о том, что страны со стабильной предпринимательской и регуляторной средой более устойчивы к негативным шокам выпуска и испытывают меньшие потери выпуска, чем страны с относительно слабой деловой и регуляторной средой (Sondermann 2018).

Теперь, когда экономики начинают восстанавливаться после коронавирусного кризиса, важно обеспечить наличие конкурентной предпринимательской среды, поддерживающей перераспределение ресурсов от менее производительных к более производительным компаниям – процесс, который Шумпетер (Schumpeter, 1942) назвал «созидательным разрушением». Конкуренция была определена как значимый источник созидательного разрушения (Caballero 2008).

Пандемия COVID-19 усугубила озабоченность по поводу ограниченной конкуренции и потенциальных последствий этого для экономического роста. Усиление роли доминирующих предприятий – так называемых компаний-«звезд» или «суперзвезд» – и увеличение их рыночной власти было предметом полемики среди лиц, отвечающих за определение политики, еще задолго до пандемии (врезка 2.1). Имеющиеся данные указывают на то, что более высокий уровень конкуренции способствует развитию предпринимательства и росту числа компаний-суперзвезд, и что в передовых экономиках рыночная власть таких компаний увеличивалась с 1980-х годов. Однако исследователи продолжают спорить о том, становятся ли предприятия крупнее и усиливают свою доминирующие позиции из-за того, что изменения в экономической среде – в т.ч.

⁶ См. обзор литературы в работе Dauda (2020).

глобализация и масштабные технологические трансформации, обусловленные достижениями в сфере информационно-коммуникационных технологий, – приводят к тому, что более крупные и более эффективные предприятия занимают все большую долю рынка, или же это происходит из-за неконкурентного поведения компаний и снижения уровня конкуренции в результате ослабления системы антимонопольного правоприменения и регулирования (Autor and others 2020; Gutierrez and Philippon 2018; Akcigit and others 2021; Diez, Leigh, and Tambunlertchai 2018; IMF 2019). Важнейшая задача директивных органов стран состоит в том, чтобы обеспечить сохранение состязательности рынков, и чтобы даже на концентрированных рынках новые игроки с новыми идеями и технологиями могли конкурировать с компаниями, утвердившимися на рынке. Низкий уровень конкуренции и менее благоприятная среда для бизнеса часто упоминаются в числе основных факторов, поясняющих, почему в Европе появляется мало глобальных фирм-суперзвезд, а в последние десятилетия европейские корпорации сильно отстали от своих аналогов в других регионах (The Economist 2021). Другие утверждают, что более существенное увеличение рыночной власти корпораций в США объясняется более слабой, по сравнению с ЕС, системой антимонопольного правоприменения (Gutiérrez and Philippon 2018). В странах с формирующейся рыночной экономикой, в т.ч. в ЕЦА, наблюдаемое увеличение рыночной власти корпораций гораздо более ограничено, возможно, из-за более низкого стартового уровня конкурентной среды и динамизма, что сделало менее вероятным появление компаний-суперзвезд (IMF 2019).⁷

ВРЕЗКА 2.1 Компании-суперзвезды и конкуренция

В обширном массиве литературы установлено, что для экономического развития и роста большое значение имеют как государственные институты, так и шumpетерианский процесс «созидательного разрушения» (Acemoglu and Robinson 2012; Aghion and Howitt 1992). Авторы этих исследований единодушны в том, что меры политики, способствующие развитию конкуренции, важны для экономического роста.

В последней научной литературе по финансам и экономике отмечается растущая значимость фирм-суперзвезд в США (Autor and others 2020; Hall 2018; Van Reenen 2018; De Loecker, Eeckhout, and Unger 2020) и во всем мире (Andrews and others 2015). В работах Freund and Pierola (2015) и Gaubert and Itskhoki (2020) показано, что структуру торговли стран объясняют силы на «гранулированном» уровне (объемы экспорта зависят от экспортной активности отдельных крупных предприятий). Ландшафт национальных экономик может определяться несколькими доминирующими

компаниями; соответственно, меры политики, затрагивающие отдельные компании, могут иметь общие последствия.

В работе Ayyagari, Demirgüç-Kunt, and Maksimovic (2020) документально зафиксирована распространенность компаний-суперзвезд (авторы определяют их как предприятия, входящие в 10 процентов ведущих компаний мира по показателю рентабельности инвестированного капитала) по отраслям и странам. Обнаружено, что компании-суперзвезды с большей вероятностью появляются в странах с высоким уровнем доходов и отраслях, опирающихся на высокий уровень нематериального капитала. Темп эволюции состава популяции фирм-суперзвезд выше в странах с высоким уровнем доходов, что подчеркивает важность качественных институтов и процесса созидательного разрушения для компаний-суперзвезд. Благоприятная конкурентная среда (которая характе-

(см. продолжение)

⁷ В работе Iooty, Pop, and Pena (2020) исследуются факторы, определяющие тенденции изменения рыночной власти в Румынии и их значение для конкуренции и экономического роста в этой стране.

ВРЕЗКА 2.1 Продолжение

ризуется регулированием товарных рынков, способствующим развитию конкуренции, небольшой долей государственной собственности в банковском секторе, а также простыми правилами входа на рынок) ассоциируется с ростом влияния фирм-суперзвезд.

В одной из предыдущих работ Айягари, Демиргюч-Кунт и Максимович (Ayayagari, Demirgüç-Kunt, and Maksimovic, 2019) отмечают, что фирмы-суперзвезды ассоциируются с большими объемами инвестиций в нематериальные активы, и, следовательно, для этих фирм велика вероятность ошибок в измерении прибыли, поскольку традиционные стандарты бухгалтерского учета не предусматривают капитализацию затрат на исследования и разработки, формирование капитала бренда или другие формы капитала организации. Даже после внесения поправок на ошибки в измерении нематериального капитала, совместное существование высоких прибылей и высоких наценок на товары не является достаточным доказательством того, что фирмы-суперзвезды оказывают пагубное влияние на благосостояние потребителей. У таких фирм больше выпуск инновационной продукции и больше экономически значимых патентов, чем у компаний, не относящихся к «суперзвездам». На каждом уровне торговых наценок у «суперзвезд» больше объемы выпуска и инвестиций, чем у компаний других категорий. В ряде других исследований подчеркивается роль нематериального капитала в способствовании увеличению концентрации и рыночной власти в отдельных отраслях и экономике в целом (см. Crouzet and Eberly 2019; Autor and others 2020; Bessen 2017).

В работе Keller and Yeaple (2020) обнаружено, что наиболее продуктивные компании, которые начисляют самые высокие наценки на свои товары, как правило, стремятся выйти на самые конкурентные рынки. Компании с более низкой конкурентоспособностью, у которых наценки на товары ниже, обычно предпочитают рынки менее конкурентоспособных стран.

В целом, этот массив исследований дает основания полагать, что (а) рост влияния фирм-суперзвезд отражает благоприятную деловую среду и высокое качество институтов, что стимулирует созидательное разрушение и инвестиции в инновации; а также то, что (б) фирмы-суперзвезды более склонны к инновациям и более эффективны, чем компании, не относящиеся к «звездам».

Существует закономерное беспокойство, что несколько доминирующих компаний способны вытеснять конкурентов, участвуя в слияниях и поглощениях, с долговременными последствиями для мотивации к внедрению инноваций, как отмечается в работах Cunningham, Ederer, and Ma (2021); Akcigit and others (2021); Kamepalli, Rajan, and Zingales (2021). Следовательно, важнейшая задача директивных органов должна состоять не только в том, чтобы контролировать использование рыночной власти этими единичными компаниями, но и в том, чтобы обеспечивать сохранение состязательности рынков и возможность для новых игроков с новыми технологиями конкурировать с действующими лидерами рынка.

Пандемия, вероятно, усугубила озабоченность по поводу конкуренции (Akcigit and others 2021). Если более мелким предприятиям становится труднее адаптироваться к новым технологиям или бизнес-моделям, если у них уменьшается вероятность получения государственной поддержки, и если в результате этого они с большей вероятностью могут уйти с рынка, то может усилиться концентрация и доминирующее положение крупных предприятий, что потенциально может еще больше ограничить конкуренцию – как раз в то время, когда она больше всего нужна для стимулирования восстановления.

В настоящей главе авторы задаются следующими вопросами. Как пандемия COVID-19 повлияла на рост предприятий, численность их работников и технологическую адаптацию? Варьировала ли степень воздействия пандемии в зависимости от таких характеристик предприятий, как их размер, возраст, отраслевая принадлежность или пол руководителя? Имеются ли данные, подтверждающие эпизоды созидательного разрушения на настоящий момент с

перераспределением ресурсов в пользу более производительных предприятий? Испытали ли предприятия в странах, характеризовавшихся до пандемии COVID-19 более сильной конкурентной средой, соизидательное разрушение в большем или меньшем объеме? В каких формах предприятия получали государственную поддержку, призванную помочь им выстоять в период пандемии? Какие именно предприятия получили поддержку от государства, и какие последствия она имела для конкуренции и восстановления?

Четыре основных результата анализа таковы:

1. В среднем, до пандемии COVID-19 конкурентная среда в регионе ЕЦА, оцениваемая по различным показателям, была сильнее в странах с формирующимся рынком и развивающихся экономиках с более высоким уровнем доходов. В странах с более совершенной конкурентной средой предприятия в докризисный период имели более высокую производительность труда, измеряемую в виде объема продаж на одного работника в 2019 году.
2. Воздействие пандемии COVID-19 на предприятия в регионе было глубоким и неравномерным. Среднее падение объемов месячных продаж у предприятий, опрошенных в первом раунде обследования, который проходил с мая по ноябрь 2020 года, составило 24%, а среднее сокращение численности работников, занятых полный рабочий день, - 10% по сравнению с годом ранее. Ко второму раунду, который проводился в период с ноября 2020 года по май 2021 года, каждое четвертое предприятие допускало возможность просрочки платежей по существующим финансовым обязательствам в течение предстоящих шести месяцев. Относительно небольшие и более молодые предприятия сильнее пострадали от кризиса, вызванного COVID-19. Ко второму раунду обследования у более мелких, более молодых предприятий и компаний с женщинами во главе объемы продаж еще не улучшились после первоначального падения.
3. Во время пандемии COVID-19 экономическая активность в регионе ЕЦА, по-видимому, перераспределилась в сторону компаний с более высокой производительностью, особенно в странах с более конкурентными рынками. У предприятий, на которых до кризиса производительность труда была высокой, объемы продаж и численность работников упали меньше, чем у предприятий с низкой докризисной производительностью труда. Кроме того, более производительные компании с большей вероятностью сумели адаптироваться к кризисной ситуации, расширив масштабы удаленной работы и деловой активности в режиме онлайн. Будет ли перераспределение экономической активности в пользу более производительных предприятий долговременным, зависит от того, будут ли они расти, а менее продуктивные компании со временем уходить с рынка.
4. Правительства многих стран региона ЕЦА ввели обширные пакеты мер государственной поддержки, чтобы быстро смягчить первые экономические последствия коронавирусного кризиса и предоставить экстренную помощь для защиты предприятий и работников от наихудших последствий кризиса. Охват мер государственной поддержки сильно различался

по странам, но в среднем половина предприятий сообщили, что они получили ту или иную поддержку от государства в рамках борьбы с экономическими последствиями пандемии. В целом, государственную поддержку чаще получали менее производительные предприятия; относительно крупные компании с большей вероятностью, чем мелкие, получали поддержку в форме отсрочки платежей и фискальных льгот; поддержка предоставлялась предприятиям независимо от уровня их докризисной инновационной активности.

Материал главы организован следующим образом. В первом разделе дается описание картины конкуренции в регионе ЕЦА до пандемии COVID-19. В следующем разделе демонстрируется, как пандемия затронула предприятия в регионе. В разделе «Перераспределение активности от менее производительных к более производительным предприятиям» рассматривается, успешнее ли выдержали удар пандемии те предприятия, которые демонстрировали более высокую производительность в «доковидный» период, и анализируется, как конкурентная среда затронула процесс перераспределения ресурсов от менее производительных к более производительным компаниям во время кризиса. В разделе «Меры государственной поддержки» дается описание мер государственной политики, введенных, чтобы помочь предприятиям выстоять в кризис. Определяются предприятия, получившие поддержку, и ее значение для конкуренции и посткризисного восстановления. В следующем разделе рассматриваются стратегические выводы из проведенного анализа с точки зрения обеспечения уверенного восстановления и повышения устойчивости к будущим кризисам. В последнем разделе обобщаются основные результаты исследования.

Ландшафт частного сектора до пандемии COVID-19

Характеристики предприятий

Проводимые Всемирным банком Обследования предприятий дают репрезентативную в национальном масштабе аналитическую информацию для определения ландшафта частного сектора в регионе ЕЦА (подробная информация о данных и методологии исследования приводится в Приложении 2.1). Данные последнего раунда обследований в регионе, собранные преимущественно в 2019 году, показывают, что в среднем две трети предприятий относятся к категории малых (5–19 работников), четверть составляют предприятия средних размеров (20–99 работников), а менее десятой части приходится на крупные предприятия (100 и более работников) (рис. 2.1). На долю предприятий розничной торговли и других услуг приходится 72% предприятий, а остальную часть составляют предприятия обрабатывающей промышленности. Около 27% предприятий моложе 10 лет; остальные примерно поровну разделены предприятиями, созданными 10–20 лет назад, и теми, что созданы 20 лет назад или ранее. Согласно полученным данным, 20% предприятий возглавляют женщины.

Рисунок 2.1. Характеристики предприятий в регионе Европы и Центральной Азии

Источник: расчеты авторов на основе данных последних Обследований предприятий (по большинству стран - за 2019 год) по 29 странам региона ЕЦА.
Примечание. Ответы на уровне предприятий агрегируются на уровне стран с помощью весовых коэффициентов, а затем рассчитываются (простые) среднеарифметические значения по странам.

Характеристики предприятий разнятся по странам (таблица 2.1). В большинстве стран более 60% предприятий относятся к категории малых. Армения, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина – единственные страны региона, где доля крупных предприятий превышает 10%. В Центральной Европе и странах Балтии, в Восточной Европе и на Западных Балканах почти 40% предприятий или более имеют возраст, как минимум, 20 лет. Российская Федерация и страны Центральной Азии и Южного Кавказа демонстрируют большую степень динамизма. Например, в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане и Грузии возраст примерно половины или больше половины предприятий составляет меньше 10 лет, что вдвое превышает среднее значение по региону ЕЦА.

В среднем в распределении секторов мало различий, но некоторые страны выделяются. В Косово, Кыргызской Республике и Таджикистане доля предприятий в обрабатывающем секторе превышает среднее значение (около 40%); в Азербайджане, Казахстане и Российской Федерации этот показатель ниже среднего и составляет примерно 16%.

Доля предприятий, возглавляемых женщинами, составляет примерно 20–25% в большей части региона. Она меньше в Косово и Турции (менее 5%) и больше в Кыргызской Республике, Литве и Латвии (больше 30%).

Конкурентная среда

Конкурентная среда характеризуется четырьмя показателями. Первые два взяты из Индекса трансформации Бертельсманна (ВТИ) за 2020 год, с помощью которого на основе мнений экспертов исследуются политические и экономические преобразования в странах мира. Два подкомпонента индекса ВТИ, а

Таблица 2.1. Характеристики предприятий в регионе Европы и Центральной Азии (% от общего количества)

Субрегион/страна	Размер предприятий (численность работников)			Сектор			Возраст предприятий (лет)			Во главе с женщиной
	Малые (5–19)	Средние (20–99)	Крупные (100+)	Обрабатывающая промышленность	Розничная торговля	Другие услуги	Менее 10	10–20	Более 20	
Европа и Центральная Азия (в среднем по стране)	68	26	6	28	18	55	27	37	36	20
Центральная Азия	66	28	6	33	18	50	43	39	18	20
Казахстан	76	20	4	17	20	62	52	38	11	26
Кыргызская Республика	56	35	9	37	22	41	22	43	36	33
Таджикистан	63	31	6	41	14	45	48	39	13	7
Узбекистан	70	26	4	35	13	51	50	35	15	12
Центральная Европа и страны Балтии	72	23	5	26	20	54	20	33	47	24
Болгария	68	28	4	27	22	51	26	44	29	29
Хорватия	66	27	7	25	41	35	21	16	63	27
Чешская Республика	73	23	5	28	12	60	16	30	53	16
Эстония	72	25	4	26	10	64	24	33	43	22
Венгрия	67	28	5	24	22	54	15	37	48	22
Латвия	69	27	3	24	21	55	15	31	54	33
Литва	76	20	4	21	24	55	26	34	40	31
Польша	87	11	2	22	18	60	23	35	42	28
Румыния	71	24	5	27	23	51	19	34	47	17
Словацкая Республика	71	20	9	30	20	49	17	45	38	23
Словения	72	23	5	32	10	58	19	23	57	19

Таблица 2.1. (продолжение)

Субрегион/страна	Размер предприятий (численность работников)				Сектор			Возраст предприятий (лет)			Во главе с женщинами
	Малые (5–19)	Средние (20–99)	Крупные (100+)	Обрабатывающая промышленность	Розничная торговля	Другие услуги	Менее 10	10–20	Более 20		
Восточная Европа	63	28	9	30	17	53	21	43	36	19	
Беларусь	62	28	10	28	18	54	31	38	31	21	
Молдова	69	24	7	27	22	51	19	43	38	19	
Украина	58	33	8	35	10	55	14	48	38	18	
Российская Федерация	74	22	5	16	12	72	42	48	10	24	
Южный Кавказ	57	30	12	19	25	56	38	40	23	17	
Армения	60	26	13	21	28	51	34	36	30	19	
Азербайджан	55	31	15	16	25	59	25	51	24	17	
Грузия	57	34	8	21	22	57	54	32	13	17	
Турция	72	25	4	31	16	53	24	40	35	4	
Западные Балканы	66	28	6	31	12	57	22	38	39	15	
Албания	68	26	6	26	17	58	40	37	23	18	
Босния и Герцеговина	54	36	11	36	17	47	14	33	53	17	
Косово	73	23	4	40	0	60	28	47	25	3	
Черногория	69	26	5	23	0	77	18	41	41	15	
Северная Македония	70	25	5	30	28	42	16	36	47	21	
Сербия	62	31	6	33	11	56	17	36	47	18	

Источник: расчеты авторов на основе данных последних Обследований предприятий (по большинству стран - за 2019 год).
Примечания. Ответы на уровне предприятий агрегируются на уровне стран с помощью весовых коэффициентов. Средние значения по ЕЦА и субрегионам рассчитываются как простые среднеарифметические значения по странам.

именно «организация рынка» и «конкурентная политика», обеспечивают информацию о конкурентной среде в 2019 году. Первая метрика отражает степень развитости фундаментальных основ рыночной конкуренции; при этом максимальный балл (10) указывает на то, что «рыночная конкуренция единообразно определена и осуществляется как на макроэкономическом, так и на микроэкономическом уровне. Существуют гарантированные государством правила рыночной конкуренции с обеспечением равных возможностей для всех участников рынка. Неформальный сектор очень мал». Минимальный балл (1) указывает, что «рыночная конкуренция присутствует лишь в небольших сегментах экономики, а институциональная база конкуренции находится в зачаточном состоянии. Правила для участников рынка ненадежны и зачастую устанавливаются произвольно. Неформальный сектор велик». Второй показатель отражает, в какой степени в стране введены положения о защите конкуренции и обеспечивается их соблюдение. Максимальный балл (10) указывает на то, что в стране «приняты всеобъемлющие законы для предотвращения монополистических структур и монополистического поведения и обеспечивается строгое соблюдение их норм». Балл 1 указывает на «отсутствие правовых или политических мер по предотвращению монополистических структур и монополистического поведения».

Хотя баллы ВТИ выставляются на основе субъективного восприятия, оценки ВТИ показывают высокую степень корреляции со значениями показателей из базы данных ОЭСР по регулированию товарных рынков, которые основываются на кодифицированных нормативно-правовых актах и оценивают конкурентную среду де-юре (степень и способ обеспечения исполнения законов и нормативных актов не отражаются) (врезка 2.2).

ВРЕЗКА 2.2 Измерение состояния конкурентной среды

Состояние конкурентной среды в экономике можно определить и измерить различными способами. Показатели, характеризующие конкурентную среду по странам, содержатся в трех базах данных:

- Показатели регулирования товарных рынков ОЭСР (Product Market Regulation - PMR) рассчитываются на основе анкеты, содержащей более 1 400 вопросов о регулятивных нормах, применимых к экономике в целом и к отдельным отраслям. Значения показателей доступны по 35 странам ОЭСР и 11 странам, не входящим в ОЭСР. Показатель PMR-2018, относящийся ко всей экономике, строится путем агрегирования численных значений, присвоенных каждому вопросу. Он представляет собой простое

среднее значение двух совокупных показателей высокого уровня: «искажения, вызванные участием государства в экономике» и «барьеры для входа на рынок отечественных и иностранных компаний». Диапазон баллов – от 0 до 6, при этом более низкие значения указывают на регуляторную среду, более благоприятную для конкуренции. Самые последние оценки отражают ситуацию в каждой стране на 1 января 2018 года по большинству стран (для некоторых имеются оценки на 1 января 2019 года).

- Индекс трансформации Бертельсманна (The Bertelsmann Stiftung Transformation Index - BTI) – основанный на субъективном восприятии

(см. продолжение)

ВРЕЗКА 2.2 Продолжение

показатель качества демократии, рыночной экономики и государственного управления. Рассчитывается по 137 развивающимся странам и странам с переходной экономикой на основе детальных страновых оценок, проведенных совместно с экспертами из ведущих университетов и аналитических центров в более чем 120 странах. Два подкомпонента индекса – «организация рынка» и «конкурентная политика» - обеспечивают информацию о конкурентной среде в стране. Диапазон баллов – от 1 до 10; чем больше значение, тем выше уровень конкуренции в рыночной экономике. Оценки за 2020 год отражают ситуацию в каждой стране по состоянию на начало 2019 года.

- Индекс глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (Global Competitiveness Index (GCI)) измеряет уровень национальной конкурентоспособности, которая в широком смысле определяется как комплекс институтов, мер политики и факторов, определяющих уровень производительности в стране, - от макроэкономической среды до здравоохранения и начального образования. Значения индекса доступны по 137 странам. Набор данных за 2019 год включает в себя три подкомпонента, относящихся к конкурентной среде: искажающее влияние налогов и субсидий на конкуренцию; степень рыночного доминирования; конкуренция в сфере услуг. Оценка проводится на основе Опроса руководителей крупнейших компаний мира в рам-

ках Всемирного экономического форума с использованием информации, полученной в ходе почти 13 000 интервью с руководителями компаний. Значения по трем указанным подкомпонентам также агрегируются для выведения оценок конкуренции на внутреннем рынке. Диапазон баллов по подкомпонентам – от 1 до 7; диапазон совокупных балльных оценок – от 0 до 100. Чем выше значение, тем совершеннее конкурентная среда. Показатели за 2019 год основываются на интервью, проведенных в 2018 и 2019 годах.

Показатели PMR оценивают конкурентную среду де-юре; они не отражают степень и способ обеспечения исполнения соответствующих законов и нормативных актов. Подкомпоненты индекса ВТИ, напротив, дают оценку конкурентной среды де-факто на основе детальных экспертных оценок, отражающих как применимые законы и нормативные акты, так и (субъективно воспринимаемую) степень и способ обеспечения их исполнения. Показатели GCI аналогичным образом позволяют получить оценку де-факто на основе опроса мнений руководителей компаний. Значения показателей из всех трех баз данных во многих случаях показывают высокую степень корреляции.

В настоящей главе для получения картины конкурентной среды используются два подкомпонента индекса ВТИ, характеризующие организацию рынка и конкурентную политику, поскольку в наборе данных ВТИ наиболее полно охвачены страны ЕЦА, включенные в анализ. Показатели ВТИ также позволяют более точно уловить нюансы между странами за счет использования более широкого диапазона балльных оценок по сравнению с двумя другими наборами данных.

Средний балл по ЕЦА равен 7 по обоим показателям конкурентной среды, но значения существенно варьируют по странам (таблица 2.2). Балл 7 соответствует следующим описательным оценкам: «Рыночная конкуренция имеет прочную институциональную базу, но правила рыночной конкуренции применяются непоследовательно или не всегда едины для всех участников рынка. Размер неформального сектора невелик» и «Законы о конкуренции, призванные предотвращать образование монополистических структур, существуют, но правоприменение осуществляется непоследовательно». Средние баллы

по региону выше средних значений, зафиксированных для стран с доходами выше среднего уровня (5 по компоненту «организация рынка» и 6 по компоненту «конкурентная политика»).

Таблица 2.2. Организация рынка, конкурентная политика, доля государственного сектора в общей занятости, доля государственных банков в банковском секторе в регионе Европы и Центральной Азии

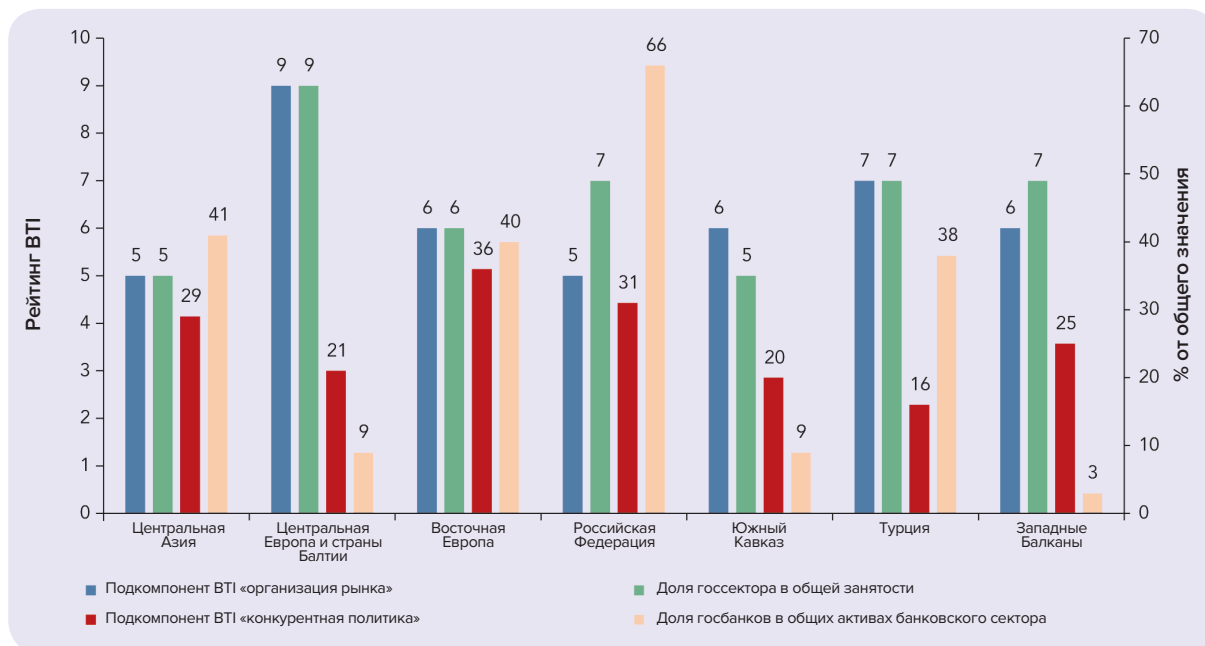
Страна	Индекс ВТИ – организация рынка	Индекс ВТИ – конкурентная политика	Доля госсектора в общей занятости	Доля госбанков в банковском секторе
<i>ЕЦА</i>	7	7	24	18
<i>Центральная Азия</i>	5	5	29	41
Казахстан	6	5	37	0
Кыргызская Республика	5	6	21	38
Таджикистан	4	3	28	.
Узбекистан	3	4	28	84
<i>Центральная Европа и страны Балтии</i>	9	9	21	9
Болгария	8	8	17	3
Хорватия	8	10	21	6
Чешская Республика	10	10	20	2
Эстония	10	10	22	0
Венгрия	7	7	26	7
Латвия	8	10	23	0
Литва	9	10	22	0
Польша	9	10	20	41
Румыния	8	8	14	8
Словацкая Республика	9	9	21	1
Словения	10	10	23	31
<i>Восточная Европа</i>	6	6	36	40
Беларусь	4	6	39	64
Молдова	6	6	30	0
Украина	7	7	39	55
<i>Российская Федерация</i>	5	7	31	66
<i>Южный Кавказ</i>	6	5	20	9
Армения	6	5	22	0
Азербайджан	4	4	23	28
Грузия	7	6	14	0
<i>Турция</i>	7	7	16	38
<i>Западные Балканы</i>	6	7	25	3
Албания	7	8	20	0
Босния и Герцеговина	5	7	30	3

Страна	Индекс ВТИ – организация рынка	Индекс ВТИ – конкурентная политика	Доля госсектора в общей занятости	Доля госбанков в банковском секторе
Косово	5	6	31	0
Черногория	7	8	26	0
Северная Македония	7	8	23	0
Сербия	7	7	19	16

Источники: Индекс трансформации Бертельсманна (2020); показатели бюрократизации в странах мира (World Bank 2020b); местные источники в тех случаях, когда данные по показателям бюрократизации отсутствовали или были устаревшими (Армения, Азербайджан, Беларусь, Кыргызская Республика, Черногория, Северная Македония, Российская Федерация, Таджикистан и Турция); Anginer, Demirgüç-Kunt, and Mare (2020).

Самые высокие средние баллы у субрегиона Центральной Европы и стран Балтии. Чешская Республика, Эстония и Словения лидируют с максимальными баллами (10) по обоим показателям индекса ВТИ (рис. 2.2). У Хорватии, Латвии, Литвы и Польши 10 баллов по показателю «конкурентная политика». Наименее развита конкурентная среда в Средней Азии, где по обоим метрикам средний балл равен 5; при этом особенно слабая конкурентная среда зафиксирована в Таджикистане и Узбекистане. На Южном Кавказе состояние конкурентной среды неудовлетворительное в Азербайджане. У Республики

Рисунок 2.2. Организация рынка, конкурентная политика, доля государственного сектора в общей занятости, доля государственных банков в банковском секторе в регионе Европы и Центральной Азии, по субрегионам

Источники: Индекс трансформации Бертельсманна (2020); показатели бюрократизации в странах мира (World Bank 2020b); местные источники в тех случаях, когда данные по показателям бюрократизации отсутствовали или были устаревшими (Армения, Азербайджан, Беларусь, Кыргызская Республика, Черногория, Северная Македония, Российская Федерация, Таджикистан и Турция); Anginer, Demirgüç-Kunt, and Mare (2020).
Примечание. Средние значения по субрегионам рассчитаны по 29 странам ЕЦА.

Беларусь низкий балл по субиндексу организации рынка. Оценки по Турции соответствуют средним значениям по региону. Российская Федерация отстает от среднего регионального показателя по компоненту «организация рынка».

Следующие две метрики, которые могут быть связаны с уровнем конкуренции, – косвенные показатели, характеризующие размер участия и влияние государства на экономику. В странах, где государство играет относительно большую и влиятельную роль в экономике, конкурентная среда может быть более слабой. Первый косвенный показатель – доля государственного сектора в общей занятости. В регионе ЕЦА доля госсектора в занятости составляет в среднем 24% и колеблется от 16% в Турции до 36% в Восточной Европе. Внутри некоторых субрегионов тоже наблюдаются большие различия значений между странами. Например, в Центральной Европе и странах Балтии показатель колеблется от 14% в Румынии до 26% в Венгрии.

Второй косвенный показатель – доля государственных банков в общих активах банковского сектора (государственный банк определяется как коммерческий банк, в котором участие государства в капитале составляет более 50%). Во многих литературных источниках содержатся данные, указывающие на то, что государственные банки могут находиться под влиянием государства, и их существование может исказить процесс распределения кредитных ресурсов и тем самым приводить к потерям экономической эффективности (World Bank 2012). Средний показатель по региону составляет 18%, но он скрывает большие различия между странами. В Узбекистане доля госбанков составляет 84%, далее идут Россия с 66% и Беларусь с 64%, а в 11 из 29 стран выборки показатель равен нулю.

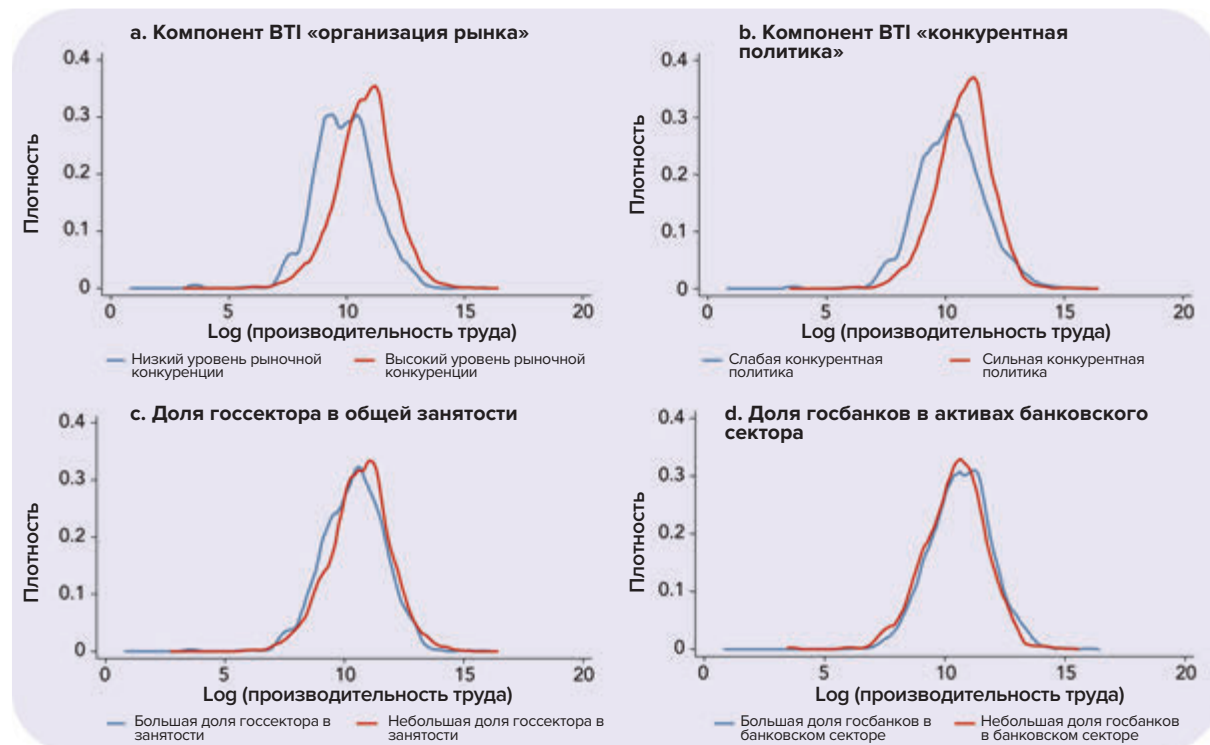
Производительность труда и конкурентная среда

Производительность имеет ключевое значение для экономического роста. На уровне предприятий производительность отражает, насколько эффективно предприятия преобразуют факторы производства в готовый продукт.

Производительность предприятия можно измерить разными способами. Учитывая ограничения данных в Обследованиях предприятий, измерение производительности с помощью прямых соотношений факторов производства, например, производительности труда, дает простую, но более надежную оценку производительности, чем показатели совокупной факторной производительности (World Bank 2021a).

Предприятия в странах с более совершенной конкурентной средой, как правило, отличаются более высокой производительностью (рис. 2.3). Эта взаимосвязь особенно очевидна при оценке конкурентной среды по компонентам ВП «организация рынка» или «конкурентная политика». При измерении состояния конкурентной среды с точки зрения доли госсектора в общей занятости и доли госбанков в активах банковского сектора различие не столь существенно. (В настоящем анализе не контролируются такие искажающие факторы, как различия в секторном распределении предприятий внутри стран. Они дополнительно исследуются в разделе «Перераспределение активности от менее производительных к более производительным предприятиям».)

Рисунок 2.3. Графики распределения производительности труда в регионе Европы и Центральной Азии

Источники: расчеты авторов на основе данных последних Обследований предприятий (по большинству стран - за 2019 год) по 29 странам ЕЦА; Индекс трансформации Бертельсманна (2020); показатели бюрократизации в странах мира (World Bank 2020b); местные источники в тех случаях, когда данные по показателям бюрократизации отсутствовали или были устаревшими (Армения, Азербайджан, Беларусь, Кыргызская Республика, Черногория, Северная Македония, Российская Федерация, Таджикистан и Турция); Anginer, Demirgüç-Kunt, and Mare (2020).

Примечания. На графиках показаны распределения логарифмов индекса производительности труда по предприятиям; при этом рассчитанные для обследования весовые коэффициенты масштабируются так, чтобы все страны имели равный вес. Низкие и высокие значения показателей определяются относительно медианных значений, которые составляют: 6 по подкомпоненту ВТИ «организация рынка», 7 по подкомпоненту ВТИ «конкурентная политика», 22,3 для доли госсектора в общей занятости, 2,6 для доли госбанков в активах банковского сектора. Оценки организации рынка по индексу ВТИ основываются на ответах на вопрос «До какого уровня развиты фундаментальные основы рыночной конкуренции?», а оценки по подкомпоненту ВТИ «конкурентная политика» - на ответах на вопрос «В какой степени в стране введены положения о защите конкуренции и обеспечивается их соблюдение?»

Как предприятия справились с кризисом, вызванным пандемией COVID-19?

Во время коронавирусного кризиса Всемирный банк провел дополнительные обследования предприятий стран мира в условиях пандемии с охватом 23 стран региона ЕЦА (подробная информация приводится в Приложении 2). Данные по первому раунду обследования собирались с мая по ноябрь 2020 года. Данные по второму раунду собирались с ноября 2020 года по май 2021 года. В обоих раундах обследования участвовали лишь 13 из 23 стран.

В ходе опросов предприятия спрашивали об изменениях в показателях их деятельности по сравнению с 12 месяцами ранее или с момента начала кризиса из-за COVID-19. Выборочная совокупность для дополнительных обследований

предприятий в условиях COVID-19 включает все предприятия, участвовавшие в последних обследованиях предприятий до пандемии, что позволяет увязать данные о результатах деятельности в период кризиса с данными о характеристиках предприятий, собранными в ходе докризисного обследования.⁸

Согласно данным первого раунда дополнительного обследования, объемы месячных продаж предприятий упали в среднем на 24% по сравнению с годом ранее; цифры колебались от 7% в Латвии до 57% в Молдове (таблица 2.3).⁹ Средний показатель падения продаж был значительно меньше, чем в других регионах. В работе *Aredo-Amah and others (2020)* анализируются данные по 51 стране, включая страны ЕЦА. В этом исследовании зафиксировано среднее падение продаж по проанализированным странам в размере 49%. В регионе ЕЦА среднее падение продаж, зафиксированное во втором раунде обследования (23%), было аналогично падению, выявленному в первом раунде, что указывает на то, что предприятия испытывали потери доходов в течение длительного времени (таблица 2.3).

Сокращение численности постоянных работников, занятых полный рабочий день (10% в первом раунде и 13% во втором раунде), было не столь сильным, как падение продаж (см. таблицу 2.3) – эта закономерность также прослеживается в мировых данных. Коррекция предприятиями численности своей рабочей силы в пропорциональном отношении была меньше падения продаж отчасти потому, что предприятия использовали другие механизмы для снижения производственных издержек и затрат на оплату труда, включая такие как, например, отправка работников в отпуск, сокращение продолжительности рабочего дня, а также сокращение заработной платы (*Aredo-Amah and others 2020*). Широко распространенная в регионе ЕЦА практика предоставления субсидий на выплату заработной платы, тоже, по-видимому, сыграла свою роль в ограничении практики высвобождения работников, как рассматривается далее в настоящей главе.

В таблице 2.3 не приводятся данные об интенсивности выходов с рынка, поскольку в регионе ЕЦА процент предприятий, полностью прекративших свою деятельность во время пандемии COVID-19, был относительно небольшим. Согласно данным в работе *Muzi and others (2021)*, в странах ЕЦА средняя интенсивность выходов с рынка в годовом выражении составила 1,9%, что гораздо меньше среднего показателя (6,2%) по другим странам. Относительно низкий темп ухода компаний с рынка в регионе ЕЦА может отчасти отражать эффект помощи, полученной ими от государства (см. далее в главе). Хотя большинство предприятий в регионе остались на рынке, имеются признаки того, что они ис-

⁸ В таблицах и рисунках настоящего раздела представлены значения показателей деятельности по раундам обследования по всем предприятиям, участвовавшим в каждом раунде. Результаты анализа схожи при ограничении выборки предприятиями, участвовавшими в обоих раундах обследования.

⁹ Цифры, представленные в таблице 2.3, получены с помощью весовых коэффициентов исследования, которые определяются относительно стратифицированного распределения предприятий в конкретных странах (по секторам и группам предприятий по размеру). Следовательно, они не обязательно соответствуют изменениям на макроуровне. Например, падение продаж в таблице 2.3 может быть более существенным, чем сокращение ВВП, поскольку крупным предприятиям присваиваются веса, исходя из их зачастую небольшой доли в распределении предприятий по размеру в таблице 2.3, но при этом они, как правило, вносят более существенную роль в рост ВВП.

Таблица 2.3. Воздействие кризиса, вызванного пандемией COVID-19, на положение предприятий в регионе Европы и Центральной Азии (% предприятий, если не указано иное)

<i>Субрегион/страна</i>	Изменение (%) объемов продаж по сравнению с годом ранее		Изменение (%) численности постоянных работников, занятых полный рабочий день, с дек. 2019 г.		Сократили численность постоянных работников, занятых полный рабочий день, с дек. 2019 г.		Допускают просрочку платежей по существующим обязательствам в течение следующих шести месяцев		Начали или увеличили объем деятельности в режиме онлайн		Ввели или расширили механизмы удаленной работы для персонала	
	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2
<i>ЕЦА</i>	-24	-23	-10	-13	28	36	30	26	21	29	29	36
<i>Центральная Азия</i>												
Казахстан	-10	-21	-11	-12	24	25	18	11	50	34	18	44
Узбекистан ^a	-10	-21	-11	-12	24	25	18	11	50	34	18	44
<i>Центральная Европа и страны Балтии</i>												
Болгария	-24	-23	-7	-5	21	36	22	22	9	17	10	16
Хорватия	-17	-19	-3	-2	12	20	29	21	13	15	24	23
Чешская Республика	-15	-24	-7	-8	19	32	15	14	23	25	36	50
Эстония	-13	-14	-7	-12	33	42	16	20	21	33	25	39
Венгрия	-15	-14	-4	-6	20	21	26	16	11	15	27	27
Латвия	-7	-27	-13	-64	66	66	10	40	14	39	30	28
Литва	-17	-32	-7	-13	37	45	84	69	25	31	30	48
Польша	-19	-17	-5	-5	22	28	17	27	17	34	20	35
Румыния	-18	-14	-9	-11	31	46	57	36	13	21	20	29
Словацкая Республика	-14	-26	-7	-10	29	37	32	32	12	26	29	39
Словения	-18	-15	-8	-4	33	41	25	22	16	25	32	40
<i>Восточная Европа</i>												
Беларусь	-19	-4	-4	-4	26	18	32	40	32	25	32	40

Таблица 2.3. (продолжение)

Субрегион/страна	Изменение (%) объема продаж по сравнению с годом ранее		Изменение (%) численности постоянных работников, занятых полный рабочий день, с Дек. 2019 г.		Сократили численность постоянных работников, занятых полный рабочий день, с Дек. 2019 г.		Допускают просрочку платежей по существующим обязательствам в течение следующих шести месяцев		Начали или увеличили объем деятельности в режиме онлайн		Ввели или расширили механизмы удаленной работы для персонала	
	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2
Молдова	-57	-29	-20	-17	14	38	56	38	32	40	36	45
Российская Федерация	-28				18		15		53		55	
Южный Кавказ												
Армения	-24		-18		37		17		40		41	
Азербайджан	-41		-20		28		23		63		70	
Грузия	-47	-29	-37	-18	26	31	28	35	27	36	45	52
Турция ^а	-31	-23	-1	3	11	21	27	21	47	41	34	22
Западные Балканы												
Албания	-52		-15		28		39		18		14	
Босния и Герцеговина	-16		-8		44		16		8		24	
Косово ^а	-49		-3		12		44		27		8	
Черногория		-30		-11		32		26		19		6
Северная Македония	-31		-12		36		26		24		14	
Сербия		-17		-2		23		14		24		21

Источник: расчеты авторов на основе данных дополнительных обследований предприятий в условиях пандемии COVID-19 и исследования «Пульс бизнеса» (BPS).

Примечания. Средние значения по ЕЦА рассчитываются на основе данных дополнительных обследований предприятий в условиях пандемии COVID-19. Ответы на уровне предприятий, полученные в ходе дополнительных обследований, агрегировались на уровне стран с помощью весовых коэффициентов, а затем рассчитывались (простые) среднестатистические значения по странам. Данные исследования BPS по Косово и Турции, касающиеся процентных изменений численности работников, включают как работников, занятых полный рабочий день, так и работников, работающих в режиме неполного рабочего дня; процентные изменения по Косово, Турции и Узбекистану отражены по сравнению с исходными значениями за 2020 год, а не декабрь 2019 года. Данные BPS, касающиеся начала введения или расширения механизмов удаленной работы для персонала, основываются на ответах на вопрос анкеты о доле работников, в настоящее время работающих в удаленном режиме, или о доле людей, работающих из дома.

а. Результаты по данным исследования BPS, которые не сопоставимы напрямую с данными дополнительных обследований в условиях пандемии, поскольку в BPS была сформирована иная, нерепрезентативная выборка предприятий.

пытывают серьезные финансовые трудности. Во втором раунде обследования 26% компаний сообщили, что допускают возможность просрочки платежей по существующим финансовым обязательствам в ближайшие шесть месяцев, при этом цифры колебались от 11% в Казахстане до 69% в Литве.

На фоне кризиса 29% предприятий начали осуществлять или увеличили масштабы деятельности онлайн, а 36% предприятий ввели или расширили механизмы удаленной работы (таблица 2.3). Эти изменения демонстрируют стремление адаптироваться к экономической среде, но они не слишком помогли выстоять в кризис, поскольку среди предприятий с такими нововведениями средний процент онлайн-продаж составил лишь 8%, а средняя доля работников, переведенных на удаленный режим, - всего 7%.

Большинство предприятий используют цифровые технологии для целей маркетинга и продаж; при этом число предприятий, внедривших инструменты планирования производства и управления производственно-сбытовыми цепочками, меньше. Во врезке 2.3 представлены данные о внедрении цифровых технологий по бизнес-функциям.

ВРЕЗКА 2.3 Внедрение предприятиями цифровых технологий во время пандемического кризиса

Ограничения на передвижение, введенные на фоне коронавирусного кризиса, обусловили расширение масштабов использования цифровых технологий предприятиями. Например, цифровые платформы облегчили осуществление заказов онлайн и доставку на дом в тех секторах, которые обычно предполагают интенсивное очное взаимодействие с потребителями, в т.ч. в сфере общественного питания и розничной торговли (Hallward-Driemeier and others 2020). Увеличение масштабов цифровизации может привести к долговременному повышению производительности (Apedo-Atah and others 2020), однако внедрение цифровых технологий идет неравномерно по видам технологий и размерам предприятий.

Среди предприятий в восьми странах ЕЦА, где расширилось использование цифровых технологий, большинство компаний используют их для целей маркетинга и продаж; далее следуют такие цели, как осуществление платежей различными способами и оказание услуг, управление деятельностью предприятия, планирование производства и управление цепочками поставок (рис. В2.3.1).

Более крупные предприятия чаще, чем небольшие компании, внедряли цифровые технологии для поддержки всех бизнес-функций, за исключением спосо-

бов платежей и оказания услуг. Цифровые технологии, поддерживающие различные способы платежей и оказание услуг, мелким предприятиям, вероятно, внедрять легче, поскольку они не требуют крупных инвестиций и постоянных расходов и поэтому меньше зависят от возможности экономии на масштабе и доступа к финансированию. В отличие от этого, расширение использования цифровых технологий для управления производством и цепочками поставок требует существенных финансовых вложений, управленческого потенциала и дополнительных навыков, и поэтому не удивительно, что такие технологии чаще внедряют крупные предприятия.

В целом, эти закономерности указывают на то, что предприятия использовали цифровые технологии для стимулирования продаж и облегчения платежей на фоне логистических трудностей, возникших из-за пандемического кризиса. При этом не так много предприятий, особенно мелких, использовали кризис как возможность для внедрения цифровых технологий с целью планирования производства и управления цепочками поставок.

(см. продолжение)

ВРЕЗКА 2.3 (продолжение)

Рисунок В1.1.1. Расширение использования цифровых технологий предприятиями в регионе Европы и Центральной Азии (по функциям и размеру предприятий).

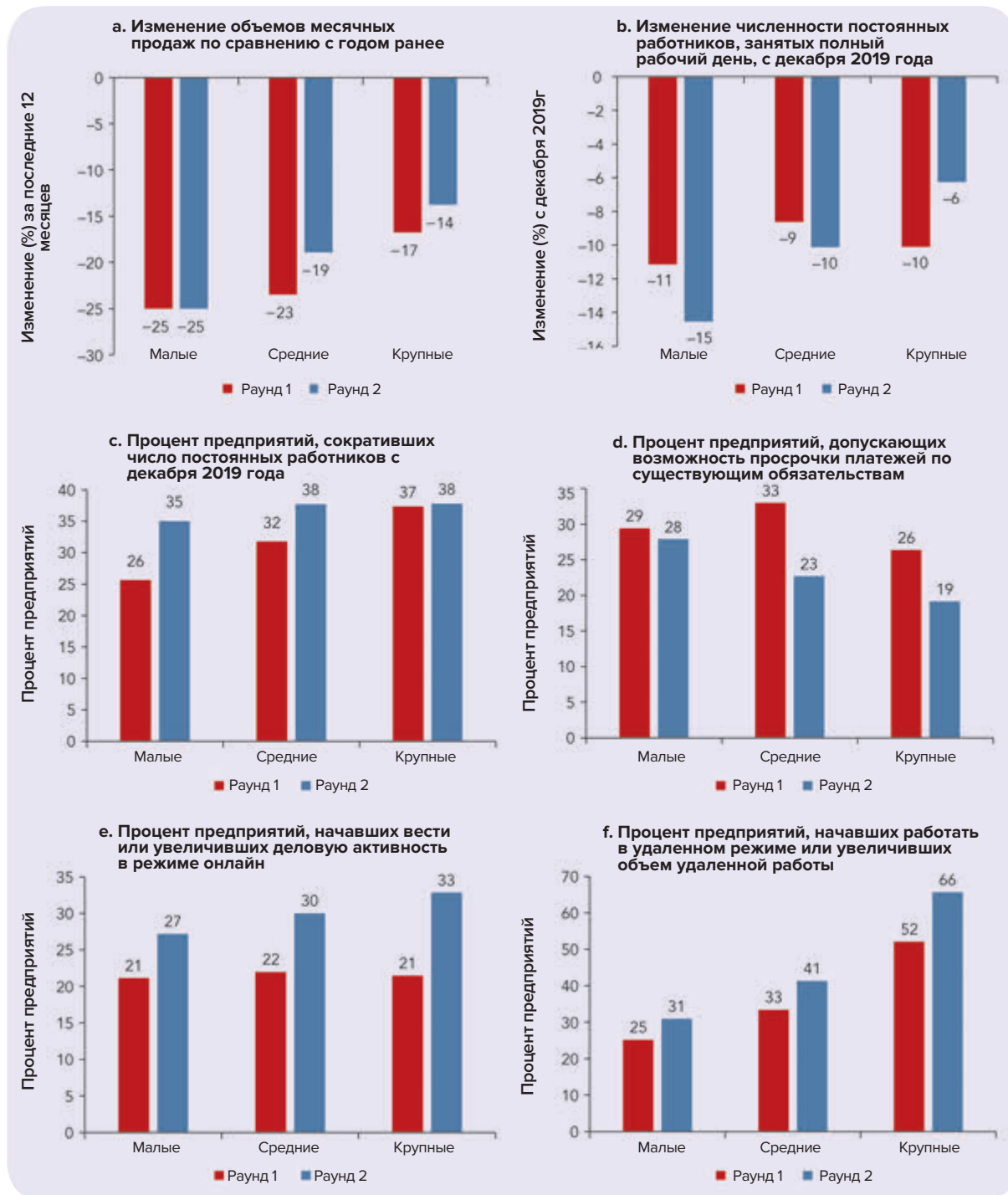
Источник: исследование «Путь бизнеса» по восьми странам ЕЦА (Болгария, Косово, Кыргызская Республика, Польша, Румыния, Таджикистан, Турция и Узбекистан).

Примечание. На рисунке отображены только те предприятия, которые сообщили об увеличении использования цифровых технологий в период кризиса, вызванного COVID-19.

Какие предприятия сильнее пострадали от пандемического кризиса?

В других регионах кризис, вызванный пандемией COVID-19, сильнее ударил по относительно небольшим предприятиям, чем по крупным компаниям (см. обзор по Восточной Азии и Тихоокеанскому региону в работе De Nicola and others, 2021, а по Южной Азии в работе Brucal, Grover, and Reyes Ortega, 2021). Эта закономерность также очевидна в регионе ЕЦА (рис. 2.4). Мелкие предприятия испытали более сильное падение продаж, чем крупные компании. Малые предприятия также сообщили о более существенном процентном сокращении численности работников, хотя эти цифры могут быть искаженными, поскольку размер предприятий определяется по числу работающих. Для предприятий с меньшим числом работников любая потеря рабочего места превращается в более существенное изменение в процентах. Небольшие предприятия были несколько менее склонны сокращать постоянных работников, чем крупные предприятия. При этом, как представляется, первые сталкива-

Рисунок 2.4. Изменение положения предприятий в регионе Европы и Центральной Азии во время пандемического кризиса (по размеру предприятий)

Источник: расчеты авторов на основе данных дополнительных обследований в условиях пандемии COVID-19 и Обследований предприятий по 23 странам ЕЦА. Примечания. Размер предприятия определяется по численности работников. Малые предприятия - 5-19 работников; средние предприятия - 20-99 работников; крупные предприятия - 100 или более работников. Ответы на уровне предприятий агрегировались с помощью весовых коэффициентов на уровне стран по группам предприятий различного размера, а затем рассчитывались (простые) среднеарифметические значения по странам. Первый раунд относится к обследованиям, проведенным в 17 странах ЕЦА с мая по ноябрь 2020 года. Второй раунд относится к обследованиям, проведенным в 19 странах ЕЦА в период с ноября 2020 года по май 2021 года. Страны, включенные в первый и второй раунды, различаются.

ются с более серьезными трудностями в процессе посткризисного восстановления. В ходе второго раунда дополнительного обследования в условиях пандемии 28% небольших предприятий сообщили, что допускают возможность просрочки платежей по существующим финансовым обязательствам (по сравнению с 29% в первом раунде). Для сравнения: среди крупных предприятий эта цифра упала до 19% (с 26% в первом раунде). Мелкие предприятия были вдвое менее склонны увеличивать масштабы удаленной работы, чем крупные компании – возможно, потому, что у крупных компаний с большей вероятностью имеется специализированный административный персонал, который может выполнять задачи, работая из дома.

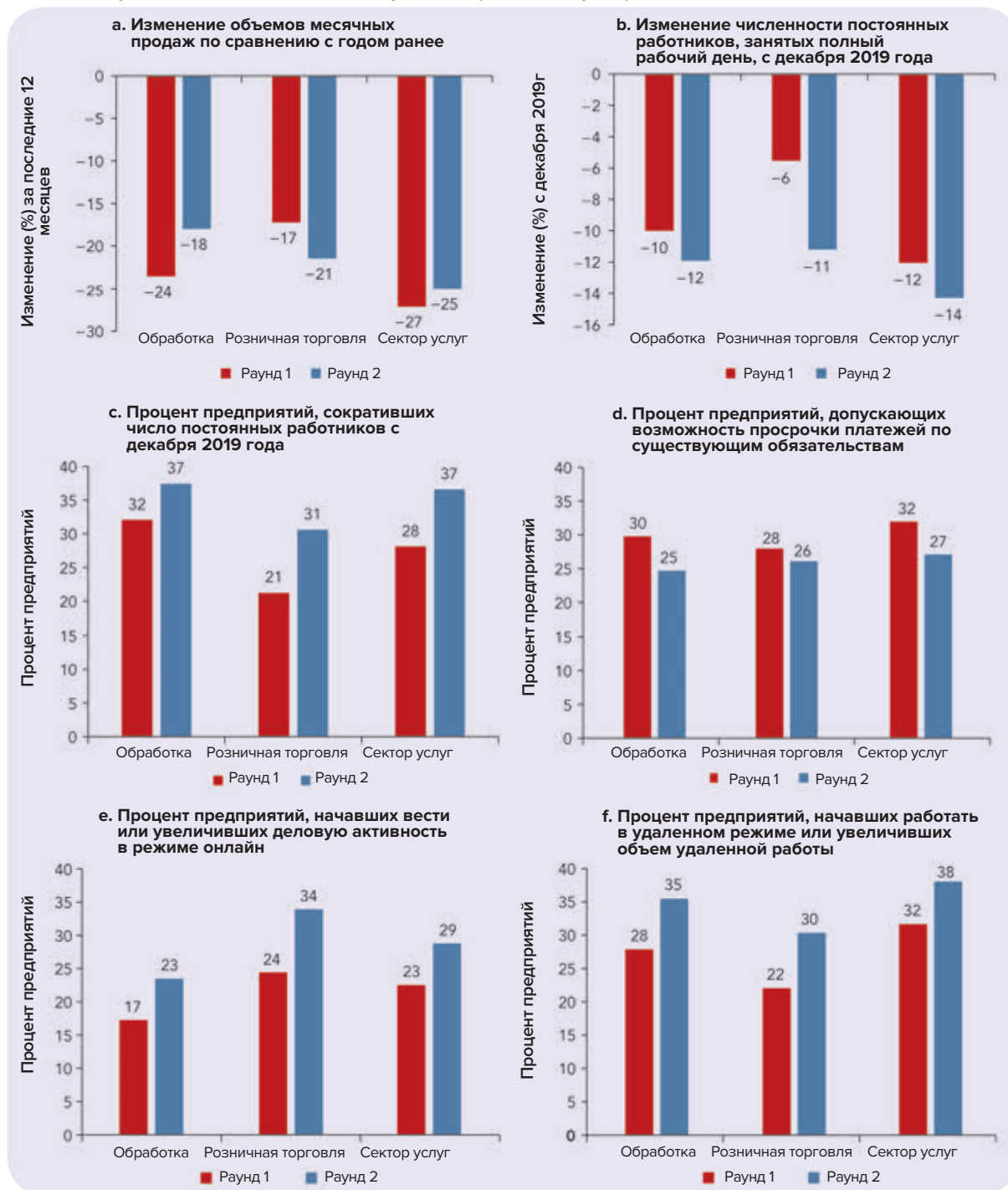
В первом раунде обследования предприятия розничной торговли сообщили о менее существенном падении продаж и сокращении численности работников, чем предприятия обрабатывающего сектора и сферы услуг (рис. 2.5). Однако, притом, что в период между первым и вторым раундами в обработке продажи немного восстановились, а в секторе услуг остались примерно на том же уровне, в секторе розничной торговли продажи упали. Во втором раунде предприятия всех секторов сообщили об аналогичных ожиданиях относительно просрочки платежей по своим обязательствам.

Наиболее сильное сокращение продаж и численности работников произошло у самых молодых предприятий (рис. 2.6). Они также были наиболее склонны ожидать просрочки платежей по существующим финансовым обязательствам. Молодые предприятия с большей вероятностью, чем относительно старые, адаптировались к кризисной ситуации путем увеличения деловой активности онлайн.

Первоначальное падение продаж у предприятий, возглавляемых мужчинами, и предприятий во главе с женщинами было аналогичным (24%) (рис. 2.7). Однако предприятия с женщинами во главе столкнулись с большими трудностями в процессе посткризисного восстановления. Во втором раунде у предприятий, которыми руководят женщины, падение продаж увеличилось до 30%. В отличие от этого, у предприятий, возглавляемых мужчинами, падение продаж во втором раунде сократилось до 21%. Предприятия с женщинами во главе также были несколько более склонны ожидать просрочки платежей по своим обязательствам, чем предприятия, которыми руководят мужчины (28% против 25%).

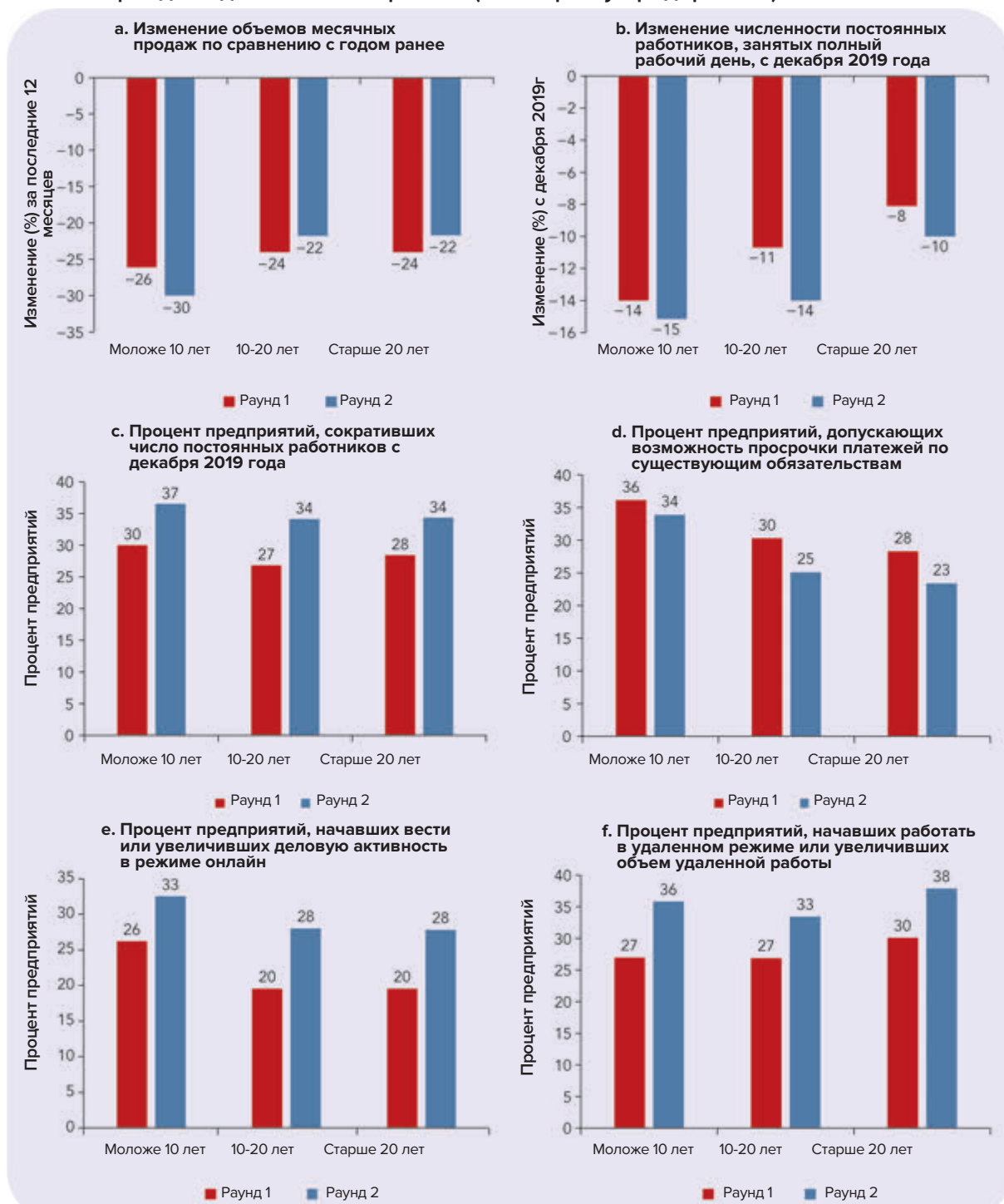
В целом, более мелкие и более молодые предприятия сильнее пострадали от кризиса, вызванного пандемией COVID-19, чем более крупные и старые предприятия. У относительно мелких, более молодых предприятий и предприятий с женщинами во главе объемы продаж после первоначального падения не увеличились. Эти предприятия чаще всего демонстрируют ожидания просрочки платежей; у предприятий этих категорий более вероятно возникновение неплатежеспособности.

Рисунок 2.5. Изменение положения предприятий в регионе Европы и Центральной Азии в период пандемического кризиса (по секторам)

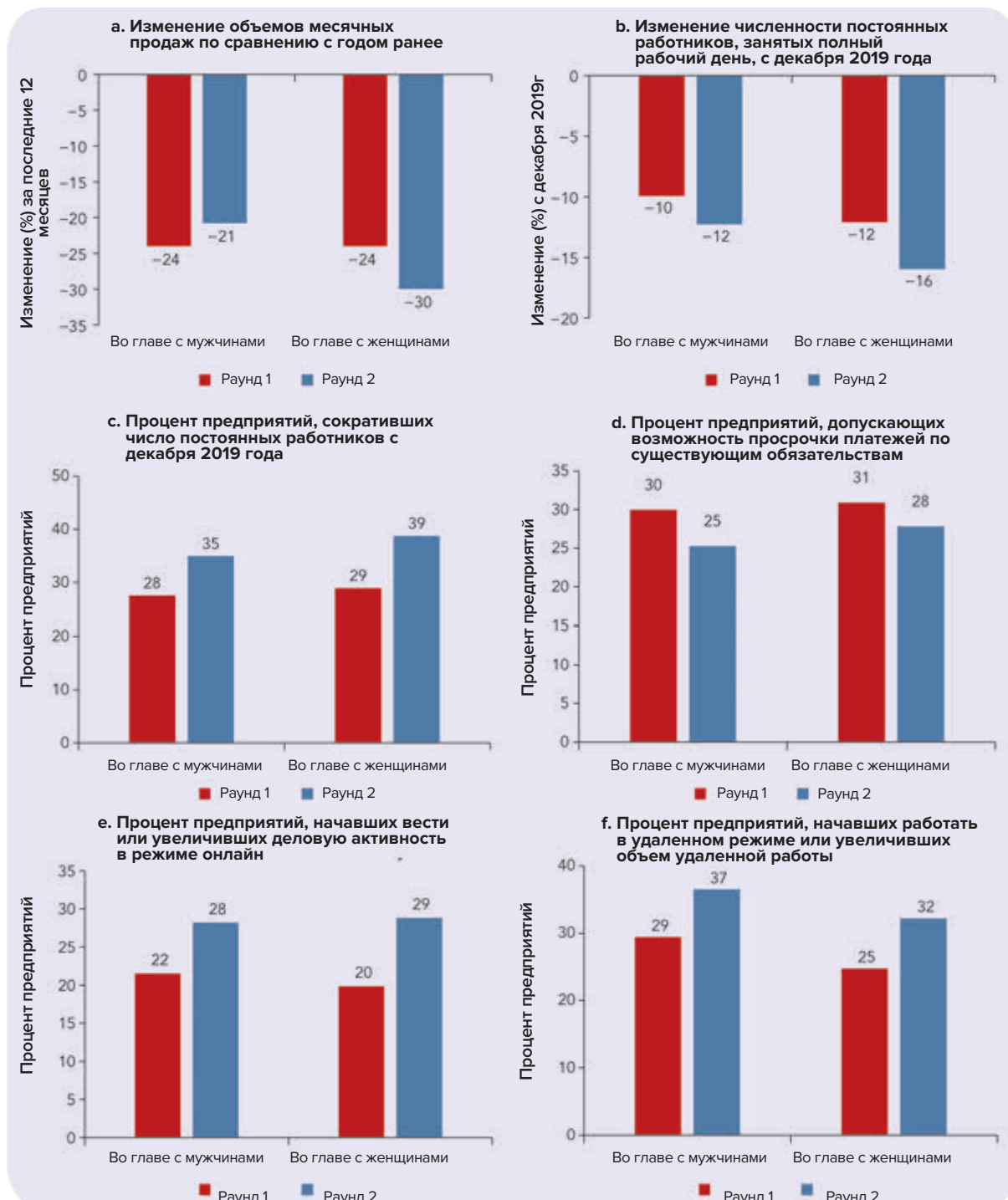
Источник: расчеты авторов на основе данных дополнительных обследований в условиях пандемии COVID-19 и Обследований предприятий по 23 странам ЕЦА. Примечания. Ответы на уровне предприятий агрегировались с помощью весовых коэффициентов на уровне стран по группам предприятий различного размера, а затем рассчитывались (простые) среднеарифметические значения по странам. Первый раунд относится к обследованиям, проведенным в 17 странах ЕЦА с мая по ноябрь 2020 года. Второй раунд относится к обследованиям, проведенным в 19 странах ЕЦА в период с ноября 2020 года по май 2021 года. Страны, включенные в первый и второй раунды, различаются.

Рисунок 2.6. Изменение положения предприятий в регионе Европы и Центральной Азии в период пандемического кризиса (по возрасту предприятий)

Источник: расчеты авторов на основе данных дополнительных обследований в условиях пандемии COVID-19 и Обследований предприятий по 23 странам ЕЦА. Примечания. Ответы на уровне предприятий агрегировались с помощью весовых коэффициентов на уровне стран по группам предприятий различного размера, а затем рассчитывались (простые) среднеарифметические значения по странам. Первый раунд относится к обследованиям, проведенным в 17 странах ЕЦА с мая по ноябрь 2020 года. Второй раунд относится к обследованиям, проведенным в 19 странах ЕЦА в период с ноября 2020 года по май 2021 года. Страны, включенные в первый и второй раунды, различаются.

Рисунок 2.7. Изменение положения предприятий в регионе Европы и Центральной Азии в период пандемического кризиса (по полу руководителя предприятия)

Источник: расчеты авторов на основе данных дополнительных обследований в условиях пандемии COVID-19 и Обследований предприятий по 23 странам ЕЦА. Примечания. Ответы на уровне предприятий агрегировались с помощью весовых коэффициентов на уровне стран по группам предприятий различного размера, а затем рассчитывались (простые) среднерифметические значения по странам. Первый раунд относится к обследованиям, проведенным в 17 странах ЕЦА с мая по ноябрь 2020 года. Второй раунд относится к обследованиям, проведенным в 19 странах ЕЦА в период с ноября 2020 года по май 2021 года. Страны, включенные в первый и второй раунды, различаются.

Перераспределение экономической активности от менее производительных к более производительным предприятиям

Экономические кризисы могут быть разрушительными для многих предприятий, но у кризисов есть и положительная сторона. Они могут играть очищающую роль, ускоряя процесс перераспределения экономической активности от малопродуктивных к более продуктивным предприятиям, что в долгосрочной перспективе приводит к повышению производительности и ускорению экономического роста. Шумпетер назвал этот процесс «созидательным разрушением» (Schumpeter 1942), утверждая, что «депрессии – не просто зло, которое мы можем пытаться подавить, а формы (возможно, нежелательные) чего-либо, что необходимо сделать, а именно, приспособление к предшествовавшему изменению экономики» (Schumpeter 1934, 16).

Созидательное разрушение отчасти происходит потому, что в период экономического спада менее производительные предприятия, которые используют устаревшие технологии, легче становятся нерентабельными и вытесняются с рынка, чем компании, внедрившие инновации (Caballero and Hammour 1994). Не вполне очевидно, проявится ли эта закономерность созидательного разрушения на фоне кризиса, вызванного COVID-19, или же кризис приведет к масштабному разрушению (Bosio and others 2020; De Nicola and others 2021). Нынешний кризис необычен в том смысле, что он привел к множественным сильным потрясениям для большинства предприятий, включая шоки предложения, спроса, неопределенности и финансовые шоки (World Bank 2021c). Одним из способов реагирования предприятий на кризис стало то, что они стали все больше опираться на информационные технологии, что может усилить ранее возникшие тенденции к внедрению новых технологий и инноваций.

Фактические данные, представленные в настоящем разделе, указывают на то, экономическая активность в регионе ЕЦА во время кризиса перераспределась в сторону более производительных предприятий, что согласуется с теорией созидательного разрушения. В таблицах 2.4–2.7 показаны результаты исследования взаимосвязи между докризисным уровнем производительности труда предприятий (измеряется как объем продаж в расчете на одного работника в 2019 году) и результатами деятельности во время кризиса – с контролем следующих характеристик: размера, возраста предприятий, пола руководителя, местоположения основного рынка и отраслевой принадлежности. Анализ также включает члены взаимодействия между производительностью труда и показателями конкуренции на уровне стран, что позволяет исследовать, менялась ли связь между производительностью труда и результатами деятельности предприятий в период кризиса в зависимости от рыночной конкуренции. Показатели конкуренции на страновом уровне центрируются так, чтобы нулевое значение соответствовало среднему значению конкуренции по странам. Таким образом, коэффициенты по производительности труда в таблицах 2.4–2.7 отражают взаимосвязь между производительностью и результатами деятельности предприятий для страны со средним значением уровня конкуренции. Эти коэффициенты показывают, что предприятия с высоким докризисным уров-

нем производительности труда испытали менее существенное сокращение продаж и численности работников, чем предприятия с низким докризисным уровнем производительности. Более производительные предприятия также с большей вероятностью смогли приспособиться к кризису за счет увеличения масштабов деловой активности онлайн и удаленной работы.

Величины коэффициентов по производительности труда в таблицах 2.4–2.7 показывают, что у предприятий, относящихся к 10-му перцентилю распределения докризисных уровней производительности труда, продажи упали на 12 процентных пунктов больше, а численность работников сократилась на 9 процентных пунктов больше, чем у предприятий, относящихся к 90-му перцентилю. Также у этих предприятий вероятность увеличения масштабов удаленной работы была на 14 п.п. меньше, чем у предприятий из 90-го перцентиля. Ожидания вероятности просрочки платежей у предприятий из 10-го перцентиля распределения докризисных уровней производительности труда были на 11 п.п. выше, чем у предприятий из 90-го перцентиля.

В регионе ЕЦА подтвержденная интенсивность ухода предприятий с рынка во время пандемического кризиса была низкой (в среднем 1,9% в годовом выражении). Однако показатель предполагаемых выходов с рынка, который включает как подтвержденные случаи закрытия предприятий, так и предприятия, с которыми не удалось связаться во время дополнительных опросов, примерно в три раза выше (врезка 2.4). Результаты анализа, проведенного Музи и др. (Muzi

ВРЕЗКА 2.4 Производительность и уход предприятий с рынка во время пандемического кризиса

Дает ли экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, очищающий эффект, вытесняя малопродуктивные компании в соответствии с процессом созидательного разрушения, постулированным Шумпетером (Schumpeter, 1939)? Или же кризис вытесняет с рынка продуктивные компании, подрывая долгосрочный процесс роста производительности?

В работе Muzi and others (2021) для оценки влияния пандемии на закрытие предприятий используются результаты Обследований предприятий Всемирного банка за 2019 и 2020 годы, а также данные дополнительных опросов, проведенных после вспышки пандемии.

Авторы построили два показателя выходов с рынка: (а) консервативный показатель, включающий только подтвержденные случаи окончательно закрытых предприятий; и (б) показатель предполагаемых выходов с рынка, который также включает предприятия, с которыми не удалось связаться во время полевых исследований. В регионе ЕЦА средняя интенсивность ухода предприятий с рынка в годовом выражении составила 1,9% по первому показателю и 6,8% по второму показателю. Темпы выходов с рынка существенно

различаются по странам. Показатель подтвержденных выходов колебался от 0,07% в Словении до 5,3% в Болгарии. Предполагаемая интенсивность выходов колебалась от 0,4% в Черногории до 14,3% в Румынии.

Вычислялись коэффициенты регрессии для определения корреляционной зависимости предполагаемой интенсивности ухода предприятий с рынка от допандемического уровня производительности труда (измеряемой в виде объема продаж на одного работника) с контролем нескольких характеристик предприятий. Результаты этого глобального анализа указывают на осуществление шумпетерианского процесса очищения рынка, в ходе которого менее продуктивные предприятия закрывались окончательно с большей вероятностью, чем другие предприятия.

Повторение регрессий по 20 странам ЕЦА дает результаты, согласующиеся с результатами глобального анализа (таблица В2.4.1). Значение коэффициента по объему продаж на одного работника подразумевает, что перемещение из 10-го перцентиля распределения производительности труда в 90-й перцентиль

(см. продолжение)

ВРЕЗКА 2.4 (продолжение)

ассоциируется с уменьшением вероятности выхода с рынка на 4,2 процентных пункта. При этом предприятия, выжившие в пандемический кризис, как правило, старше тех, что не удержались на рынке. До пандемии COVID-19 предприятия, выжившие в кризис, с меньшей вероятностью тратили время на обеспечение соблюдения регуляторных требований, с большей вероятностью имели собственный сайт и с большей вероятностью внедряли инновации.

В этом анализе получены данные, подтверждающие более высокую вероятность ухода с рынка менее производительных предприятий по истечении более года с момента начала пандемии. Много еще предстоит узнать о процессе восстановления. По мере появления дополнительных данных следует изучить такие вопросы, как темпы роста и создания новых рабочих мест на предприятиях, удержавшихся на рынке, а также характеристики новых участников рынка.

Таблица В2.4.1. Корреляция между уходом с рынка и производительностью труда

	Окончательный уход с рынка (предполагаемый показатель)				
Объем продаж на одного работника (log)	-0.019*** (0.005)	-0.017*** (0.005)	-0.018*** (0.005)	-0.016*** (0.005)	-0.016*** (0.005)
Возраст компании (log)		-0.032*** (0.009)	-0.031*** (0.010)	-0.030*** (0.010)	-0.031*** (0.010)
Затраты времени высшего руководства на обеспечение соблюдения регуляторных требований (да = 1, нет = 1)			0.029* (0.014)	0.034** (0.014)	0.034** (0.014)
Наличие собственного сайта (да = 1, нет = 1)				-0.033*** (0.015)	-0.030*** (0.014)
Внедрение продуктовой инновации (да = 1, нет = 1)				-0.029** (0.015)	-0.033*** (0.013)
Количество наблюдений	9,570	9,477	8,017	7,967	7,844

Источник: на основе работы Muzi and others (2021).

Примечания. В таблице показаны логистические регрессии. Коэффициенты регрессии представляют собой предельные эффекты. Регрессии включают фиксированные эффекты по секторам и странам, а также характеристики предприятий (в таблице не показаны для краткости). Робастные стандартные ошибки Хьюбера-Уайта показаны в скобках и сгруппированы на уровне регионов и секторов выборки. Размер выборки варьирует из-за неполучения ответов. *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

and others, 2021) с помощью этой верхнеграничной оценки предполагаемых выходов, указывают на то, что менее производительные предприятия с большей вероятностью уходили с рынка во время кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

Полученные результаты указывают на то, что в регионе ЕЦА в период пандемического кризиса произошло перераспределение активности в сторону более производительных предприятий. Это перераспределение может усилиться, если еще больше наименее производительных компаний станут неплатежеспособными и уйдут с рынка. Однако ликвидация рабочих мест является положительным моментом только в том случае, если за этим последует увеличение темпов создания новых рабочих мест на более производительных предприятиях после восстановления (Caballero and Hammour 2005). Уходу компаний с рынка и созданию рабочих мест могут способствовать благоприятная конкурентная среда и надлежащее регулирование.

Роль конкуренции

Конкуренция – важнейший источник созидательного разрушения (Caballero 2008). На конкурентных рынках ресурсы скорее перетекают к более эффективным и более инновационным предприятиям, способным адаптироваться к изменениям, нежели к глубоко укоренившимся компаниям, связанным с другими игроками. Конкурентная среда также влияет на скорость перераспределения во время кризиса. Данные по США указывают на то, что в настоящее время предприятия медленнее реагируют на шоки перераспределения, чем несколько десятилетий назад, и что замедление темпов реагирования в значительной степени объясняется регуляторными барьерами для входа на рынок и расширения бизнеса (Barrero, Bloom, and Davis 2020).

Важность конкуренции со всей очевидностью проявилась во время кризиса, вызванного пандемией. Коэффициенты по членам взаимодействия в таблицах 2.4 и 2.5 показывают, что взаимосвязь между производительностью труда и результатами деятельности предприятий зависит от рыночной конкуренции. Например, положительное значение коэффициента по « $\text{Log}(\text{производительность труда}) \cdot \text{оценка организации рынка по индексу ВТИ}$ » в первой колонке таблицы 2.4 указывает на то, что связь между производительностью труда и падением продаж была сильнее в странах с более развитой конкуренцией. В целом, коэффициенты по членам взаимодействия в таблицах 2.4 и 2.5 дают основания полагать, что в странах ЕЦА с более конкурентными рынками и более сильной политикой в отношении защиты конкуренции перераспределение активности от малопродуктивных к более производительным предприятиям происходило интенсивнее. Проверка на предмет робастности по 14 странам, по которым имеются данные индекса регулирования товарных рынков (PMR) дает аналогичные результаты. Результаты также оказываются робастными при контроле фиксированных эффектов «страна-сектор» вместо отдельных фиксированных эффектов по странам и секторам.

Таблица В2.4. Корреляция между результатами деятельности предприятий, производительностью труда и оценками по подкомпоненту ВТИ «организация рынка» в регионе Европы и Центральной Азии

	Изменение (%) объема продаж	Изменение (%) численности работников	Сократили численность работников	Допускают воз- можность прос- рочки платежей	Увеличили актив- ность онлайн	Расширили мас- штабы удаленной работы
Log (производитель- ность труда)	3.998*** (0.527)	2.908*** (0.909)	-3.016*** (0.891)	-3.474*** (0.797)	1.487* (0.824)	4.413*** (1.354)
Log (производитель- ность труда) * оценка организации рынка по индексу ВТИ	0.831** (0.376)	0.087 (0.505)	-1.699*** (0.446)	-1.217*** (0.385)	0.094 (0.393)	1.274* (0.677)
Log (кол-во работников)	3.001*** (0.646)	2.151*** (0.784)	2.877** (1.135)	-1.638*** (0.557)	1.373 (0.938)	6.799*** (1.057)
Log (возраст предприятия)	0.688 (1.626)	1.533 (1.513)	-1.940 (1.765)	-3.648 (2.226)	-2.032** (1.036)	0.290 (1.710)
Фиктивная переменная по признаку «возглавляется женщиной»	-7.314*** (1.966)	-3.951* (2.071)	3.781* (2.286)	1.635 (2.532)	1.180 (3.528)	0.352 (2.111)
Фиктивная переменная по фактору «национальный рынок»	5.005*** (1.295)	3.812*** (1.412)	-2.424 (1.988)	0.817 (2.295)	7.971*** (2.188)	12.082*** (1.976)
Фиктивная переменная по фактору «международный рынок»	3.469 (2.511)	2.331 (1.878)	1.630 (3.040)	-5.241* (2.770)	1.912 (2.631)	9.850*** (3.361)
Константа	-75.213*** (5.933)	-56.888*** (9.439)	70.656*** (9.894)	82.568*** (10.600)	3.244 (8.797)	-42.545*** (13.804)
R2	0.136	0.116	0.069	0.111	0.085	0.167
Количество наблюдений	7,982	6,962	7,976	7,620	8,303	8,210

Источник: расчеты авторов на основе данных последних дополнительных обследований в условиях пандемии COVID-19 и Обследований предприятий по 23 странам ЕЦА; Индекс трансформации Бертельсмана (2020).

Примечания. Регрессии включают фиксированные эффекты по секторам и странам. Организация рынка по индексу ВТИ оценивается на основе ответов на вопрос «До какого уровня развиты фундаментальные основы рыночной конкуренции?». Данные об изменении численности работников отсутствуют по Российской Федерации. Переменная организации рынка по индексу ВТИ центрируется по медианному значению для облегчения интерпретации коэффициентов. Стандартные ошибки сгруппированы на уровне стран.

*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

На рисунке 2.8 иллюстрируются результаты из таблицы 2.4. В странах с высоким уровнем конкуренции связь между производительностью труда и результатами деятельности предприятий во время кризиса имеет форму более крутой кривой, чем в странах со слабой конкуренцией. В странах с сильной конкуренцией у предприятий, относящихся к 10-му перцентилю распределения докризисных показателей производительности труда, падение продаж было на 17 процентных пунктов больше, чем у предприятий, относящихся к 90-му перцентилю; в странах со слабой конкуренцией эта разница составляет лишь 10 процентных пунктов. Аналогичным образом, в странах с сильной конкуренцией у предприятий, относящихся к 10-му перцентилю распределения

Таблица В2.5. Корреляция между результатами деятельности предприятий, производительностью труда и оценками по подкомпоненту ВТИ «конкурентная политика» в регионе Европы и Центральной Азии

	Изменение (%) объема продаж	Изменение (%) численности работников	Сократили численность работников	Допускают возможность просрочки платежей	Увеличили активность онлайн	Расширили масштабы удаленной работы
Log (производительность труда)	3.973*** (0.618)	2.890*** (1.041)	-3.052*** (1.011)	-3.621*** (0.794)	1.436* (0.783)	4.577*** (1.146)
Log (производительность труда) * оценка конкурентной политики по индексу ВТИ	0.522 (0.396)	-0.031 (0.614)	-1.266** (0.642)	-1.174*** (0.426)	-0.076 (0.423)	1.319 (0.912)
Log (численность работников)	3.001*** (0.645)	2.159*** (0.797)	2.893** (1.126)	-1.611*** (0.570)	1.381 (0.935)	6.765*** (1.042)
Log (возраст предприятия)	0.632 (1.641)	1.546 (1.544)	-1.794 (1.765)	-3.513 (2.224)	-2.011** (1.021)	0.093 (1.708)
Фиктивная переменная по признаку «возглавляется женщиной»	-7.390*** (1.979)	-3.962* (2.068)	3.915* (2.312)	1.723 (2.529)	1.169 (3.522)	0.247 (2.109)
Фиктивная переменная по признаку «национальный рынок»	4.984*** (1.291)	3.831*** (1.381)	-2.354 (1.958)	0.973 (2.270)	8.002*** (2.209)	11.925*** (1.926)
Фиктивная переменная по признаку «международный рынок»	3.552 (2.515)	2.352 (1.889)	1.476 (3.040)	-5.260* (2.731)	1.949 (2.629)	9.881*** (3.390)
Константа	-74.696*** (6.469)	-56.451*** (10.442)	70.459*** (12.151)	84.025*** (10.696)	3.942 (8.395)	-44.245*** (12.124)
R2	0.135	0.116	0.068	0.112	0.085	0.168
Количество наблюдений	7,982	6,962	7,976	7,620	8,303	8,210

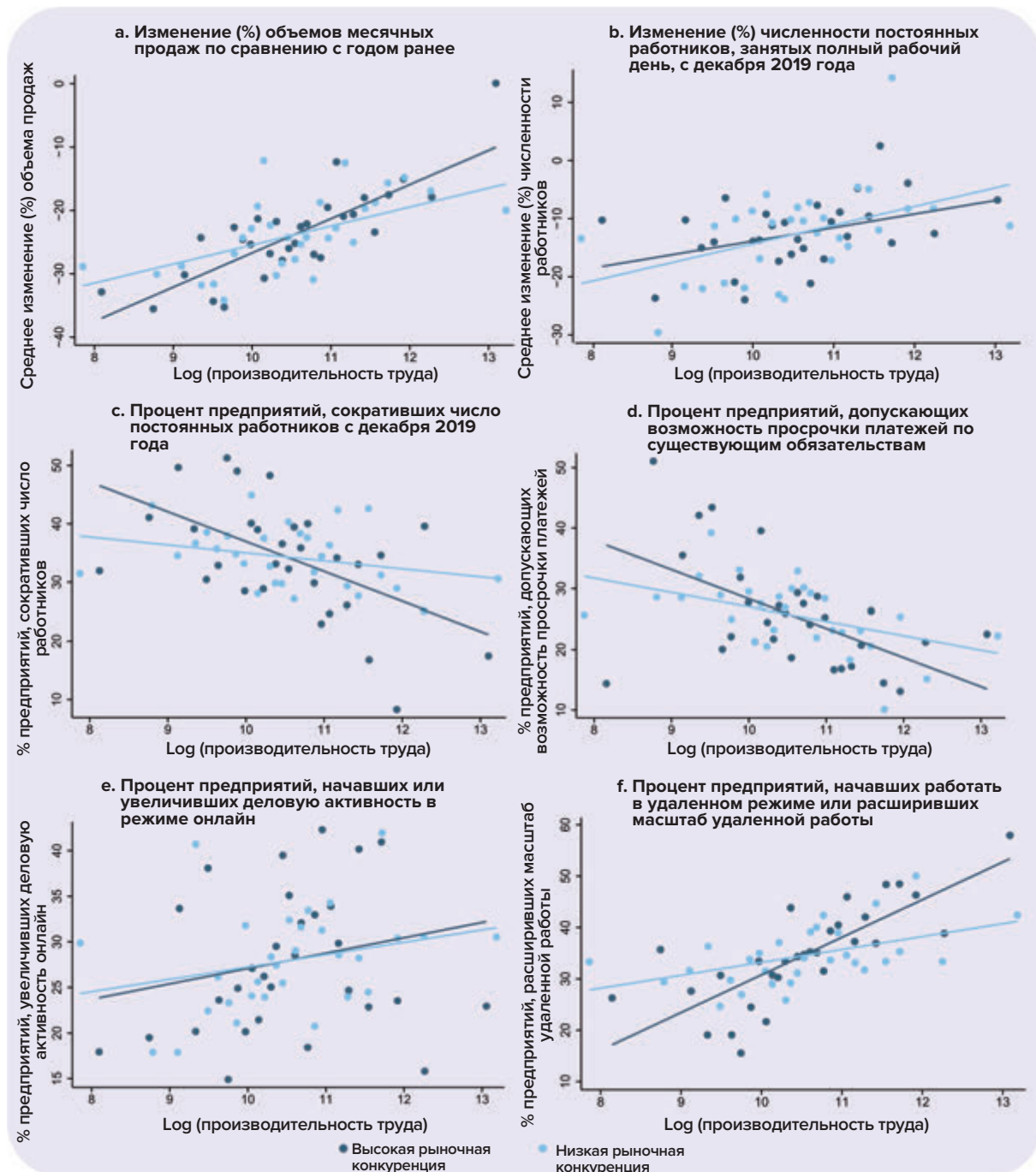
Источник: расчеты авторов на основе данных последних дополнительных обследований в условиях пандемии COVID-19 и Обследований предприятий по 23 странам ЕЦА; Индекс трансформации Бертельсманна (2020).

Примечания. Регрессии включают фиксированные эффекты по секторам и странам. Конкурентная политика по индексу ВТИ оценивается на основе ответов на вопрос «В какой степени в стране введены положения о защите конкуренции и обеспечивается их соблюдение?». Данные об изменении численности работников отсутствуют по Российской Федерации. Переменная конкурентной политики по индексу ВТИ центрируется по медианному значению для облегчения интерпретации коэффициентов. Стандартные ошибки сгруппированы на уровне стран.

*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

производительности труда, вероятность сокращения численности работников и вероятность ожиданий просрочки платежей были соответственно на 15 п.п. и 16 п.п. выше, чем у предприятий, относящихся к 90-му перцентилю. Соответствующие различия в странах со слабой конкуренцией составили 5 и 7 процентных пунктов. В странах с высокой конкуренцией у предприятий с самой низкой производительностью вероятность увеличения масштабов удаленной работы была на 22 процентных пункта меньше, чем у предприятий с самой высокой производительностью; в странах со слабой конкуренцией эта разница составила лишь 9 процентных пунктов.

Рисунок 2.8. Результаты деятельности предприятий, производительность труда и субиндекс организации рынка ВТИ в регионе Европы и Центральной Азии

Источник: расчеты авторов на основе данных последних дополнительных обследований в условиях пандемии COVID-19 и Обследований предприятий по 23 странам ЕЦА; Индекс трансформации Бертельсманна (2020).

Примечания. Низкая или высокая рыночная конкуренция определяется как место ниже или выше медианы в рейтинге стран по подкомпоненту «организация рынка» индекса ВТИ. Организация рынка по индексу ВТИ оценивается на основе ответов на вопрос «До какого уровня развиты фундаментальные основы рыночной конкуренции?» На рисунке показаны средние значения в 30-х перцентилях Log(производительность труда), т.е. графики зависимости среднего значения у от средней производительности в диапазоне групп / перцентилей распределения производительности. На графиках контролируются следующие переменные: количество работников; возраст предприятия; пол руководителя; местоположение основного рынка (местный, национальный или международный); сектор; фиксированные страновые эффекты, т.е. и у-переменная, и x-переменная представляют собой остатки (с вновь добавленным средним значением). Линии оцениваются с помощью исходных данных, а не сгруппированных данных. Эти оценивания эквивалентны оцениванию регрессий в таблицах 2.4–2.6, но с использованием фиктивных переменных для высокой/низкой конкуренции (два члена взаимодействия с производительностью) вместо члена взаимодействия с непрерывной переменной.

Доля госсектора в общей занятости и доля государственной собственности тоже могут влиять на конкуренцию. Когда доля госсектора в общей занятости велика, на рынках труда может снижаться конкуренция и динамизм. При использовании доли госсектора в занятости в качестве косвенного показателя конкуренции обнаруживается, что более существенная доля госсектора в занятости ассоциировалась со сниженной интенсивностью перераспределения активности от менее производительных к более производительным компаниям в период пандемического кризиса (таблица 2.6). Участие государства в капитале банков может снижать динамизм в экономике, приводя к менее эффектив-

Таблица В2.6. Корреляция между результатами деятельности предприятий, производительностью труда и долей госсектора в общей занятости в регионе Европы и Центральной Азии

	Изменение (%) объема продаж	Изменение (%) численности работников	Сократили численность работников	Допускают возможность просрочки платежей	Увеличили активность онлайн	Расширили масштабы удаленной работы
Log (производительность труда)	3.860*** (0.572)	2.895*** (0.855)	-2.700*** (0.974)	-3.280*** (0.810)	1.492* (0.823)	4.338*** (1.086)
Log (производительность труда) * доля госсектора в общей занятости	-0.130** (0.060)	0.071 (0.047)	0.174** (0.080)	0.154 (0.097)	-0.049 (0.093)	-0.428** (0.205)
Log(численность работников)	3.014*** (0.652)	2.170*** (0.786)	2.815** (1.141)	-1.668*** (0.560)	1.368 (0.936)	6.776*** (1.063)
Log (возраст предприятия)	0.749 (1.632)	1.541 (1.480)	-2.031 (1.775)	-3.752* (2.243)	-2.024* (1.038)	0.393 (1.697)
Фиктивная переменная по признаку «возглавляется женщиной»	-7.386*** (1.997)	-3.982* (2.064)	3.916* (2.304)	1.713 (2.543)	1.187 (3.523)	0.367 (2.109)
Фиктивная переменная по признаку «национальный рынок»	5.093*** (1.317)	3.854*** (1.408)	-2.592 (2.033)	0.752 (2.305)	7.959*** (2.186)	12.045*** (2.037)
Фиктивная переменная по признаку «международный рынок»	3.586 (2.525)	2.377 (1.856)	1.356 (3.050)	-5.395** (2.745)	1.905 (2.629)	9.887*** (3.406)
Константа	-72.825*** (6.450)	-56.330*** (8.099)	65.276*** (9.983)	78.971*** (10.867)	3.326 (8.613)	-40.201*** (11.825)
R2	0.135	0.116	0.066	0.110	0.085	0.170
Количество наблюдений	7,982	6,962	7,976	7,620	8,303	8,210

Источник: расчеты авторов на основе данных последних дополнительных обследований в условиях пандемии COVID-19 и Обследований предприятий по 23 странам ЕЦА; показатели бюрократизации в странах мира (World Bank 2020b); местные источники в тех случаях, когда данные по показателям бюрократизации отсутствовали или были устаревшими (Армения, Азербайджан, Беларусь, Кыргызская Республика, Черногория, Северная Македония, Российская Федерация, Таджикистан и Турция).

Примечания. Регрессии включают фиксированные эффекты по секторам и странам. Данные об изменении численности работников отсутствуют по Российской Федерации. Переменная доли госсектора в занятости центрируется по медианному значению для облегчения интерпретации коэффициентов. Стандартные ошибки сгруппированы на уровне стран.

*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

ному распределению кредитов. Коэффициенты по членам взаимодействия в таблице 2.7 указывают на то, что перераспределение от менее производительных компаний к более производительным во время коронавирусного кризиса было менее интенсивным в странах с большой долей госбанков в банковском секторе.

В анализе, имеющем отношение к рассматриваемой теме, Торрес и Тран (Torres and Tran, 2021) изучают вопрос перераспределения занятости между предприятиями с высокой и низкой производительностью во время кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Авторы обнаружили, что это перераспределение происходило интенсивнее в странах с менее ограничительными правилами защиты занятости и нормами регулирования, в большей степени способствующими конкуренции (врезка 2.5).

Таблица 2.7. Корреляция между результатами деятельности предприятий, производительностью труда и долей госбанков в банковском секторе в регионе Европы и Центральной Азии

	Изменение (%) объема продаж	Изменение (%) численности работников	Сократили численность работников	Допускают возможность просрочки платежей	Увеличили активность онлайн	Расширили масштабы удаленной работы
Log (производительность труда)	3.776*** (0.560)	2.761*** (0.768)	-2.580*** (0.967)	-3.143*** (0.863)	1.462* (0.836)	4.067*** (1.556)
Log (производительность труда) * доля госбанков в банковском секторе	-0.047*** (0.016)	-0.030 (0.027)	0.054** (0.027)	0.056** (0.025)	-0.002 (0.025)	-0.024 (0.046)
Log (численность работников)	3.035*** (0.650)	2.153*** (0.780)	2.789** (1.152)	-1.689*** (0.547)	1.376 (0.943)	6.850*** (1.081)
Log (возраст предприятия)	0.734 (1.631)	1.520 (1.511)	-2.027 (1.755)	-3.729* (2.247)	-2.026* (1.041)	0.373 (1.724)
Фиктивная переменная по признаку «возглавляется женщиной»	-7.396*** (1.993)	-3.947* (2.069)	3.939* (2.303)	1.747 (2.543)	1.172 (3.516)	0.242 (2.110)
Фиктивная переменная по признаку «национальный рынок»	5.132*** (1.337)	3.840*** (1.435)	-2.657 (2.039)	0.697 (2.312)	7.983*** (2.182)	12.258*** (2.036)
Фиктивная переменная по признаку «международный рынок»	3.628 (2.541)	2.363 (1.867)	1.297 (3.026)	-5.434** (2.751)	1.932 (2.614)	10.118*** (3.367)
Константа	-72.164*** (5.977)	-56.025*** (7.749)	64.223*** (9.089)	78.085*** (11.623)	3.583 (8.832)	-37.961** (16.078)
R2	0.135	0.116	0.066	0.110	0.085	0.165
Количество наблюдений	7,982	6,962	7,976	7,620	8,303	8,210

Источник: расчеты авторов на основе данных последних дополнительных обследований в условиях пандемии COVID-19 и Обследований предприятий по 23 странам ЕЦА; Anginer, Demirgüç-Kunt, and Mare (2020).

Примечания. Регрессии включают фиксированные эффекты по секторам и странам. Данные об изменении численности работников отсутствуют по Российской Федерации. Переменная доли госбанков в банковском секторе центрируется по медианному значению для облегчения интерпретации коэффициентов. Стандартные ошибки сгруппированы на уровне стран.

*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

ВРЕЗКА 2.5 Перераспределение занятости и регулирование рынка

В недавно опубликованной работе Торрес и Тран (Torres and Tran, 2021) используют глобальные данные из исследования «Пульс бизнеса» (BPS) и дополнительных обследований предприятий в условиях пандемии COVID-19 для изучения перераспределения ресурсов в период пандемического кризиса. Результаты по 17 странам ЕЦА указывают на то, что в среднем рабочие места перераспределяются к более производительным предприятиям, но по странам региона наблюдаются существенная неоднородность этого процесса.

Торрес и Тран (2021) исследуют, зависит ли степень повышающего производительность перераспределения, происходящего в результате пандемии COVID-19, от правил регулирования рынка труда и конкурентной политики стран. Изменения численности занятых зачастую сопряжены с существенными издержками, связанными с адаптацией рабочей силы (Davis and Haltiwanger 1999). Существующая в стране регуляторная среда может непосредственно менять уровень этих издержек, облегчая процессы найма и увольнения работников. Низкие барьеры для входа на рынок и ухода с рынка, а также другие меры, способствующие усилению конкуренции, могут повышать для предприятий стимулы к тому, чтобы приспосабливаться к новым условиям.

Для измерения уровня регулирования труда в анализе используется Индекс оценки законодательства о защите занятости Международной организации труда (EPLex). С помощью этого индекса кодифицируется содержание законодательства, регламентирующего прекращение трудовых отношений в частном секторе, включая требования норм материального и процессуального права, касающиеся увольнения работников, и правила, относящиеся к выплате выходных пособий и компенсаций (Aleksynska and Eberlein 2016). Более высокое значение индекса отражает более высокий уровень защиты занятости де-юре.

Конкурентная политика оценивается с помощью показателя ОЭСР, характеризующего регулирование товарных рынков во всей экономике (PMR). С помощью индекса PMR измеряются регуляторные барьеры для входа предприятий на рынок и конкуренции по двум аспектам: искажения, вызванные участием государства в экономике, и барьеры для входа и расширения деятельности, с которыми сталкиваются отечественные и иностранные предприятия (Vitale and others 2020). Более высокий балл отражает наличие системы регулирования, которая де-юре в большей степени ориентирована на развитие конкуренции.

Результаты анализа показывают, что в странах с менее ограничительным законодательством о защите занятости и системой регулирования, в большей степени

способствующей развитию конкуренции, перераспределение занятости от малопродуктивных предприятий к высокопродуктивным происходило интенсивнее (рис. В2.5.1). В период пандемического кризиса у предприятий с более высокой производительностью труда (верхние 50 процентов распределения) численность работников сократилась меньше, чем у менее производительных предприятий (нижние 50 процентов).а В странах с более строгим регулированием труда низкопродуктивные предприятия ликвидировали меньше рабочих мест, а высокопродуктивные компании создали немногим меньше новых рабочих мест (часть а рисунка); при этом регуляторная среда, в большей степени способствующая конкуренции, ассоциировалась с более значительным увеличением числа работников на высокопродуктивных предприятиях и более сильным сокращением работников на предприятиях с низкой производительностью (часть b рисунка).

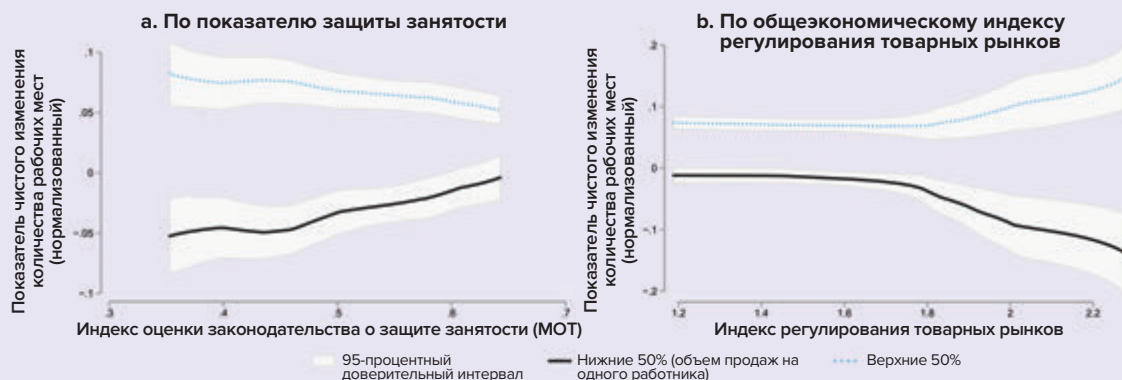
Эти результаты дают основания полагать, что меры политики, способствующие снижению издержек, связанных с адаптацией рабочей силы, и стимулирующие рыночную конкуренцию, могут поддерживать рост производительности в период после пандемии. Снижение издержек, связанных с корректировкой численности работников, не обязательно подразумевает снижение уровня защиты занятости, поскольку дополнительно могут вводиться активные меры по содействию занятости, направленные на повышение профессиональных навыков работников, стимулирование найма новых работников и повышение трудовой мобильности. Реформы, ориентированные на развитие конкуренции, могут включать в себя как введение новых мер, так и совершенствование реализации действующих мер, нацеленных на сокращение затрат, связанных с входом на рынок, расширением деятельности и уходом предприятий с рынка (например, за счет сокращения административных расходов на лицензирование и выдачу разрешений, а также реформирования системы разрешения неплатежеспособности).

а. Изменение числа занятых на рис. В2.5.1 показано по отношению к среднему значению, которое было отрицательным по большинству стран, что указывает на то, что основным двигателем перераспределения занятости было увеличение темпов ликвидации рабочих мест на малопродуктивных предприятиях, а не ускорение темпов создания новых рабочих мест высокопродуктивными предприятиями. Хотя это перераспределение может повышать среднюю производительность, оно может приводить к сокращению общего экономического выпуска и снижению общего уровня благосостояния населения, как отмечают Блум и др. (Bloom and others, 2020).

(см. продолжение)

ВРЕЗКА 2.5 (продолжение)

Рисунок В2.5.1. Нормализованные показатели изменения занятости в зависимости от производительности труда и показателей нормативно-правового регулирования

Источник: Анализ основывается на работе Torres and Tran (2021) с использованием данных BPS и дополнительных обследований предприятий в условиях пандемии COVID-19, а также индекса MOT по оценке законодательства о защите занятости и общеэкономического индекса ОЭСР, характеризующего регулирование товарных рынков, по 11 странам ЕЦА (часть а) и 15 странам ЕЦА (часть б).

Примечания. На графиках показаны локальные полиномы нормализованных показателей чистых изменений количества рабочих мест на уровне предприятий в зависимости от значений индексов EPLex и PMR для двух групп: высокопроизводительных и низкопроизводительных предприятий (с производительностью ниже и выше медианного значения объема продаж на одного работника на уровне страна-сектор на момент начала исследования). Ширина интервала, выбранная для локальных полиномов, составляет 20% диапазона значений независимой переменной. В анализе используются только панельные (групповые) данные. Чистое изменение количества рабочих мест определяется как чистое изменение числа работающих в период между исходным допандемическим уровнем (декабрь 2019 года) и последним обследованием предприятий (которое проводилось в период с октября 2020 года по март 2021 года) в виде доли среднего числа работающих за указанные два периода. Значения изменения числа работающих нормализуются путем получения остатков при проведении регрессионного анализа зависимости нетто-изменения количества рабочих мест на уровне предприятий от фиксированных эффектов, относящихся к стране, сектору, размеру, а также от уровня трудовой мобильности по данным первого и второго обследований. Значения производительности труда предприятий определяются с помощью замещающего (косвенного) показателя объема продаж в расчете на одного работника (оба показателя измеряются на исходном уровне – на декабрь 2019 года) и нормализуются как отклонения от медианных значений по странам.

Меры государственной поддержки

Стремясь смягчить воздействие пандемии на экономику, правительства стран по всему миру оказывали поддержку как населению, так и предприятиям. Поддержка предприятиям предоставлялась с целью предотвращения массовых случаев неплатежеспособности и банкротств жизнеспособных предприятий, столкнувшихся с финансовыми трудностями, и сопутствующего эффекта «домино» в финансовом секторе, предотвращения потерь рабочих мест и нематериального капитала конкретных компаний, а также снижения фрикционных издержек предприятий, временно уходящих с рынка (World Bank 2021c). В условиях пандемии правительства 132 стран мира ввели почти 1 500 мер по оказанию поддержки малым и средним предприятиям (МСП), согласно данным панели индикаторов Всемирного банка «Меры по поддержке МСП».¹⁰

¹⁰ Правительства также вводили меры по оказанию целевой поддержки крупным предприятиям (например, в секторе воздушного транспорта и туристической отрасли). Всемирный банк фиксирует эти меры в своей системе отслеживания случаев предоставления субсидий и государственной помощи для смягчения последствий пандемии COVID-19 (https://dataviz.worldbank.org/views/AID-COVID19/Overview?embed=y&isGuestRedirectFromVizportal=y&display_count=n&showAppBanner=false&origin=viz_share_link&showVizHome=n). Данные из этой системы мониторинга в докладе не приводятся, поскольку используемая в ней классификация видов мер не вполне соответствует классификации мер, фиксируемых в проводимых Банком дополнительных обследованиях предприятий в условиях пандемии COVID-19.

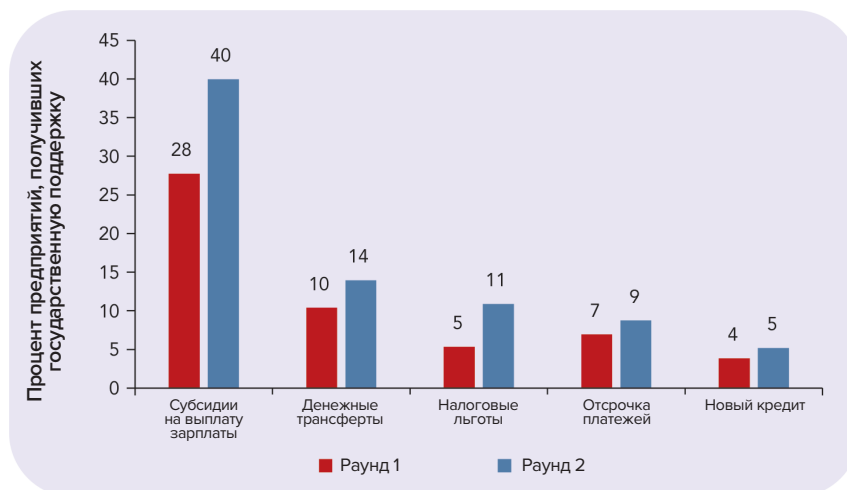
В странах ЕЦА было принято 430 мер по оказанию государственной поддержки МСП.¹¹

По всем 132 странам наиболее распространенными видами поддержки были пять следующих: предоставление новых кредитов (28% от всех мер); налоговые льготы (23%); отсрочка платежей (17%); субсидии на выплату заработной платы (10%); регуляторные послабления (7%). В регионе ЕЦА субсидии на выплату зарплаты предоставлялись чаще; при этом в пять наиболее распространенных мер входили денежные трансферты, а регуляторные послабления не входили. В ЕЦА «пятерка» самых частых видов поддержки выглядела так: предоставление новых кредитов (26%); налоговые льготы (20%); субсидии на выплату зарплаты (17%); отсрочка платежей (12%); денежные гранты (7%).

В ходе проводимых Всемирным банком дополнительных обследований предприятий в условиях пандемии формируется информация о доле предприятий в регионе ЕЦА, получивших тот или иной конкретный вид поддержки (рис. 2.9). Больше всего предприятий получили субсидии на выплату зарплаты: согласно данным второго раунда обследования, доля предприятий, получивших такие субсидии, составила 40%, что с большим отрывом опережает другие виды поддержки. На втором месте по степени охвата расположились денежные трансферты; за ними следуют налоговые льготы и отсрочка платежей. Хотя выдача новых кредитов была наиболее распространенной мерой по данным панели индикаторов Всемирного банка «Меры по поддержке МСП», в регионе ЕЦА новые кредиты получили лишь 5% предприятий.

Рисунок 2.9.

Меры государственной поддержки в регионе Европы и Центральной Азии, по видам поддержки

Источник: расчеты авторов на основе данных дополнительных обследований предприятий в условиях пандемии COVID-19 по 23 странам ЕЦА.

Примечание. Ответы на уровне предприятий агрегировались с помощью весовых коэффициентов на уровне стран, а затем рассчитывались (простые) среднеарифметические значения по странам.

В регионе ЕЦА в первом раунде дополнительного обследования предприятий на фоне пандемии о получении государственной поддержки сообщили 37% предприятий, а во втором раунде – 50% (таблица 2.8). Эти показатели выше, чем в других регионах. Используя данные по 60 странам, Сирера и др.

¹¹ <https://dataviz.worldbank.org/authoring/SME-COVID19/Overview>.

Таблица 2.8. Виды государственной поддержки, полученной предприятиями в регионе Европы и Центральной Азии (процент предприятий, если не указано иное)

Субрегион/страна	Вид полученной государственной поддержки														Среднее кол-во видов полученной государственной поддержки среди предприятий, получивших поддержку	
	Доля предприятий, получивших поддержку государства		Денежные трансферты		Отсрочка платежей		Предоставление нового кредита		Налоговые льготы		Субсидии на выплаты ту зарплаты		Среднее кол-во видов полученной государственной поддержки среди предприятий, получивших поддержку			
	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2		
ЕЦА	37	50	10	14	7	9	4	5	5	11	28	40	1.5	1.6		
<i>Центральная Азия</i>																
Казахстан		10		1		1		2		8		0		1.3		
Узбекистана	38		5		21		3		14		1			1.2		
<i>Центральная Европа и страны Балтии</i>																
Болгария	16	30	14	29	1	3	0	1	0	4	10	22	1.6	1.9		
Хорватия	61	63	9	12	7	8	4	5	18	18	54	59	1.5	1.6		
Чешская Республика	62	58	42	30	7	7	3	2	4	4	20	39	1.2	1.4		
Эстония	43	46	0	0	11	11	1	1	5	4	41	44	1.4	1.4		
Венгрия	22	26	1	2	0	3	1	1	1	1	21	23	1.1	1.3		
Латвия	4	25	0	3	0	1	0	3	1	9	1	18	1.2	1.4		
Литва	64	70	43	41	8	12	8	7	0	3	52	60	2.0	2.0		
Польша	63	67	39	49	18	26	12	18	24	33	32	41	2.2	2.8		
Румыния	44	48	2	7	11	13	7	10	7	11	38	39	1.5	1.7		
Словацкая Республика	51	59	10	21	4	6	5	6	3	4	44	54	1.3	1.5		
Словения	68	70	2	5	7	4	3	5	9	8	66	64	1.3	1.4		
<i>Восточная Европа</i>																
Беларусь	5		0		3		0		1		1		1.1			
Молдова	1	5	0	1	0	1	0	0	1	2	0	2	1.0	1.0		

Таблица 2.8. (продолжение)

Субрегион/страна	Доля предприятий, получивших поддержку государства										Вид полученной государственной поддержки										Среднее кол-во видов полученной государственной поддержки среди предприятий, получивших поддержку						
	Денежные трансферты					Отсрочка платежей					Предоставление нового кредита					Налоговые льготы					Субсидии на выплаты ту зарплаты					Раунд 1	Раунд 2
	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2	Раунд 1	Раунд 2					
Российская Федерация	9		2		5		2		2		7		2		2		2.0										
Южный Кавказ																											
Армения	66		29		5		17		6		49		1.6														
Азербайджан	64		12		6		5		13		47		1.4														
Грузия	33		48		3		5		17		20		2		8		25		12		17	1.5					
Турция а	41		49		5		1		6		6		14		19		11		28		29	1.4					
Западные Балканы																											
Албания	44		5		9		8		3		40		1.5														
Косово	70		5		9		1		3		63		1.2														
Босния и Герцеговина	47		10		6		0		1		43		1.3														
Черногория	57		1		8		2		15		55		1.4														
Северная Македония	40		4		9		12		0		39		1.6														
Сербия	86		8		26		11		38		81		1.9														

Источник: расчеты авторов на основе данных дополнительных обследований предприятий в условиях пандемии COVID-19 и исследования «Пульс бизнеса». Примечания. Средние значения по ЕЦА рассчитаны на основе данных дополнительных обследований в условиях пандемии. Ответы на уровне предприятий, полученные в ходе этих обследований, агрегировались с помощью весовых коэффициентов на уровне стран, а затем рассчитывались (просто) среднеарифметические значения по странам.

а. Результаты по данным исследования BPS, которые не сопоставимы напрямую с данными дополнительных обследований в условиях пандемии, поскольку в BPS была сформирована иная, нерепрезентативная выборка предприятий.

(Cirera and others, 2021) установили, что во время первой фазы коронавирусного кризиса (до августа 2020 года включительно) поддержку государства в той или иной форме получили лишь примерно 25% опрошенных предприятий. К январю 2021 года во всем мире доля предприятий, получивших государственную поддержку в какой-либо форме, составила 33% (World Bank 2021c).

Охват предприятий мерами государственной поддержки сильно варьировал по странам региона (таблица 2.8). Самый незначительный процент предприятий, получивших поддержку государства, составил 5% (в Молдове), а самый большой – 86% (в Сербии). В среднем предприятия получили 1,5 различных вида поддержки; показатель колебался от 1,0 в Молдове до 2,8 в Польше.

Предварительные данные указывают на то, что меры государственной поддержки помогли предприятиям выстоять в кризис и снизили уровень банкротств МСП (Albagli, Fernández, and Huneus 2021; Céspedes and others 2021; Cirera and others 2021; Gourinchas and others 2021). Эти подтверждения положительных эффектов обнадеживают, но при этом важно оценить характер и распределение государственной поддержки. В начале пандемического кризиса сильные экономические шоки требовали быстрых действий, что затрудняло обеспечение адресной направленности помощи государства. Поэтому важно проанализировать распределение мер государственной поддержки, чтобы определить, не тормозят ли они конкуренцию и не замедляют ли процесс восстановления.

Какие предприятия получили поддержку от государства?

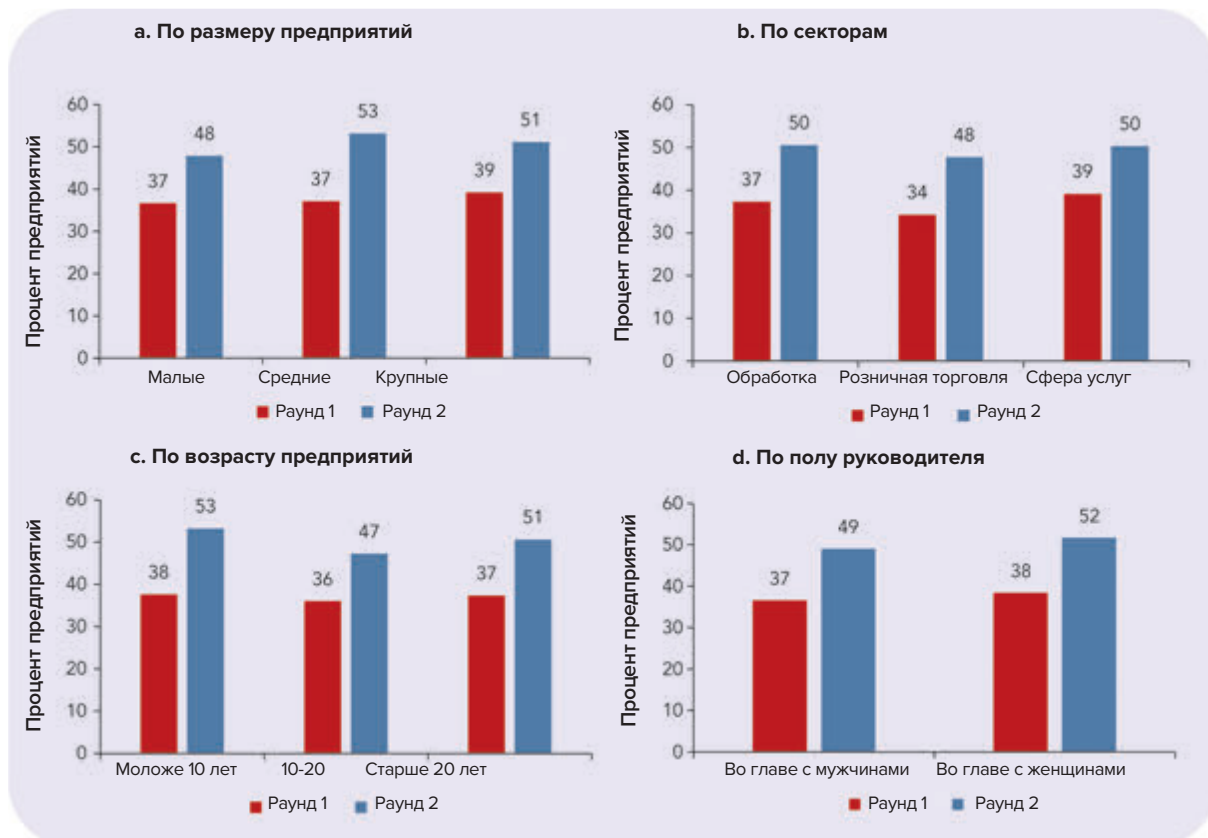
Беглый анализ не выявляет больших различий в распределении государственной поддержки между предприятиями (рис. 2.10). Доли предприятий, получивших ту или иную поддержку, не сильно отличаются по размеру и возрасту предприятий или полу руководителя.

Однако более глубокий анализ с одновременным контролем переменных по различным характеристикам предприятий выявляет интересные закономерности. При проведении регрессий, показанных в таблице 2.9, оценивается вероятность получения различных видов государственной поддержки в зависимости от производительности труда предприятий, их размера, возраста, пола руководителя, инновационной активности в докризисный период и местоположения основного рынка при одновременном контроле переменной сектора функционирования. Положительные значения коэффициентов указывают на более высокую вероятность получения государственной поддержки.

Из этого анализа вытекают четыре основных вывода. Во-первых, у более производительных предприятий вероятность получения любого вида государственной поддержки была меньше. У предприятий, относящихся к 10-му перцентилю распределения докризисных значений производительности труда, вероятность получения поддержки государства была на 6 процентных пунктов выше, чем у предприятий, относящихся к 90-му перцентилю.

Во-вторых, более крупные предприятия с большей вероятностью, чем небольшие предприятия, получали поддержку в виде отсрочки платежей и налоговых льгот. Этот результат согласуется с результатами, полученными Серерой

Рисунок 2.10. Процент предприятий в регионе Европы и Центральной Азии, сообщивших о получении государственной поддержки (по размеру, отраслевой принадлежности, возрасту предприятий и полу руководителя)

Источник: расчеты авторов на основе данных дополнительных обследований в условиях пандемии COVID-19 и Обследований предприятий по 23 странам ЕЦА. Примечание. Ответы на уровне предприятий агрегировались с помощью весовых коэффициентов на уровне стран по группам предприятий, а затем рассчитывались (простые) среднеарифметические значения по странам.

и др. (Cirera and others, 2021), которые, анализируя информацию по 60 странам, обнаружили, что относительно мелкие предприятия получали поддержку в меньшем объеме, чем более крупные. Этот результат может указывать на то, что поддержка с большей вероятностью направлялась предприятиям, имеющим политические связи, которые, как правило, крупнее компаний, не имеющих таких связей. До пандемии COVID-19 предприятия, имеющие политические связи, с большей вероятностью получали субсидии (Francis, Hussain, and Schiffbauer 2018).

В-третьих, у предприятий с женщинами во главе вероятность получения государственной поддержки была на 5 процентных пунктов выше, чем у предприятий, возглавляемых мужчинами. Эта разница в основном определялась большей вероятностью получения субсидий на выплату зарплаты. Вероятность получения нового кредита у предприятий, возглавляемых женщинами, была меньше, чем у предприятий с мужчинами во главе.

Таблица 2.9. Корреляция между вероятностью получения государственной поддержки и характеристиками предприятий в регионе Европы и Центральной Азии

	Любой вид под- держки	Денежные трансферты	Отсрочка пла- тежей	Новый кредит	Налоговые льготы	Субсидии на выплату зар- платы
Log (производительность труда)	-1.944** (0.856)	-1.266** (0.564)	-0.353 (0.400)	0.357 (0.444)	-0.469 (0.401)	-2.263*** (0.806)
Log (число работников)	1.301 (1.400)	-0.530 (0.413)	1.390*** (0.452)	-0.134 (0.368)	1.596** (0.658)	2.024 (1.263)
Log (возраст предприятия)	-0.461 (1.686)	-0.806 (0.968)	-1.225 (0.990)	0.121 (0.588)	-1.288* (0.767)	-1.017 (2.020)
Фиктивная переменная по признаку «возглавляется женщиной»	4.824** (2.442)	2.091 (1.915)	0.127 (1.544)	-1.271* (0.687)	1.583 (2.018)	5.615** (2.514)
Внедрили инновации в 2017–2019 гг.	0.493 (1.889)	0.276 (0.781)	-0.653 (1.276)	1.174 (0.943)	0.338 (1.295)	0.795 (1.629)
Фиктивная переменная по признаку «национальный рынок»	-0.903 (1.866)	-1.360* (0.787)	0.046 (0.844)	2.216*** (0.619)	0.732 (1.601)	-1.304 (2.063)
Фиктивная переменная по признаку «международный рынок»	1.149 (2.614)	0.211 (1.708)	0.167 (2.062)	1.909 (1.418)	1.527 (3.027)	-4.352* (2.346)
Константа	65.032*** (13.402)	27.795*** (6.395)	10.000*** (3.633)	-0.365 (5.605)	9.812* (5.933)	61.088*** (13.012)
R2	0.213	0.170	0.055	0.052	0.132	0.223
Количество наблюдений	8,207	8,176	8,171	8,166	8,164	8,191

Источник: расчеты авторов на основе данных последних дополнительных обследований в условиях пандемии COVID-19 и Обследований предприятий по 23 странам ЕЦА.

Примечания. Регрессии включают фиксированные эффекты по секторам и странам. Стандартные ошибки группированы на уровне стран.

*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

В-четвертых, инновационная активность в докризисный период не показала корреляции с получением государственной поддержки в какой-либо форме.

Все четыре вывода являются аналогичными при проведении двух проверок результатов на робастность: (а) с контролем фиксированных эффектов «страна-сектор» вместо отдельных фиксированных эффектов по странам и секторам, а также (б) с контролем изменений в объемах продаж и численности работников. Вторая проверка на робастность показывает, что предприятия, у которых продажи упали сильнее, с большей вероятностью получали государственную поддержку, но для заданного изменения объема продаж или числа работников у предприятий с более низкой производительностью труда вероятность получения поддержки была по-прежнему выше.

Вместе взятые, эти результаты позволяют предположить, что широкая поддержка со стороны правительств в непропорционально большем объеме предоставлялась менее производительным предприятиям, вне зависимости от их инновационной активности в докризисный период. В ранее опубликованных работах документально подтверждено, что предприятия, не испытывавшие боль-

шого падения продаж во время кризиса, получили поддержку от государства, тогда как предприятия, столкнувшиеся с сильным падением продаж, поддержку не получили (Cirera and others 2021). Неоказание поддержки компаниям, испытавшим самое сильное падение продаж, возможно, согласуется с теорией созидательного разрушения – когда менее производительные предприятия вытесняются с рынка во время кризиса, а более производительные компании восстанавливаются и со временем начинают снова преуспевать. Но результаты в таблице 2.9 не соответствуют принципам созидательного разрушения: правительства чаще поддерживали менее производительные предприятия, и при этом поддержка оказывалась им независимо от уровня инновационной активности в докризисный период. Малопроизводительные компании, удерживающиеся на рынке благодаря поддержке государства, могут подавлять внедрение инноваций и рост производительности на этапе восстановления и в дальнейшем. Оказание поддержки в большем объеме крупным предприятиям может также усиливать концентрацию в соответствующей индустрии и увеличивать рыночную власть. В следующем разделе рассматривается, как государственная политика может противостоять этим тенденциям и поддержать усиление конкуренции в период восстановления.

Выводы для государственной политики

Меры государственной политики, нацеленные на поддержку предприятий в период проявления экономических последствий пандемии, во многих случаях обеспечили экстренную помощь, позволившую защитить предприятия и работников от наихудших последствий кризиса. В чрезвычайных обстоятельствах – таких как пандемия COVID-19 – введение общих мер и даже некоторая гибкость с отступлением от норм законов о конкуренции и правил конкурентной политики могут быть приемлемыми (Акcigit and others 2021; Pop and Amador, 2020). Подобные отступления могут включать ослабление ограничений на предоставление государственной помощи предприятиям, которые иначе просто бы обанкротились. Хотя в нормальных обстоятельствах такие меры ослабляют конкуренцию, в качестве временных мер они могут пригодиться, чтобы избежать более серьезных последствий для экономики. Их следует разрабатывать так, чтобы минимизировать возможное пагубное влияние на конкуренцию.¹² Антимонопольные органы потенциально могут смягчить антиконкурентное влияние любых подобных мер путем предоставления методических рекомендаций и ведения пристального мониторинга рынка. Однако по мере выхода стран из пандемии важно находить баланс между предоставлением защиты и необходимым перераспределением между предприятиями и секторами, которое обычно происходит в период после серьезных потрясений (Blanchard, Philippon, and Pisani-Ferry 2020).

Меры государственной политики, направленные на то, чтобы помочь предприятиям справиться с экономическими последствиями пандемии, вновь вызвали беспокойство по поводу удержания на плаву так называемых «ком-

¹² См. обзор того, что следует и не следует делать при разработке мер государственной помощи (“Dos and Don’ts for State Aid Design,” Pop and Amador, 2020).

паний-зомби» - нерентабельных предприятий, которые продолжают функционировать из-за дешевых кредитов и смягчения условий по долговым обязательствам (ЕСВ 2021). Компании-зомби могут снижать производительность в масштабах всей экономики за счет оттягивания ресурсов, которые могли бы быть привлечены новыми, более производительными предприятиями. После глобального финансового кризиса низкие процентные ставки и слабые системы разрешения неплатежеспособности способствовали существенному увеличению доли компаний-зомби в ряде европейских стран (Acharya and others, 2020). Еще до вспышки COVID-19 доля таких компаний была больше, чем до мирового финансового кризиса; меры государственной поддержки, введенные в условиях пандемии, возможно, привели к еще большему её увеличению.

По мере вхождения экономик в этап восстановления властям всех стран важно постепенно отменять меры поддержки и концентрироваться на стимулировании формирования конкурентной деловой среды, которая имеет ключевое значение для уверенного восстановления, повышения устойчивости к будущим кризисам и обеспечения устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе. Выводы, представленные в настоящей главе, поддерживают стратегические приоритеты, обозначенные в ранее изданном докладе Всемирного банка (World Bank, 2021c), и включают следующее:

- **Совершенствование адресной направленности мер государственной поддержки.** Многие правительства ввели общие схемы оказания поддержки, призванные быстро смягчить непосредственные последствия пандемического кризиса для экономики. Беглый анализ мер государственной поддержки в регионе указывает на отсутствие значимой дифференциации типов предприятий, получивших поддержку, в зависимости от их характеристик. Однако более тщательный анализ выявляет, что поддержку в большем объеме получили менее производительные компании. По мере улучшения условий и вхождения экономик в восстановительный этап следует постепенно отменять общие, неизбирательные меры поддержки, как только появится возможность. Хотя некоторые меры поддержки могут быть по-прежнему необходимы, важно точнее нацеливать сохраняемые виды поддержки на жизнеспособные предприятия с высокой производительностью, чтобы избежать поддержания компаний-зомби и обеспечить эффективное распределение ограниченных бюджетных ресурсов, выделяя их компаниям, которые будут вносить вклад в долгосрочный экономический рост. Всемирный банк ведет работу в странах региона с целью улучшения адресности государственной поддержки. Хорошие примеры такой работы – действующие проекты в Турции, Грузии, Румынии и Кыргызской Республике.
- **Обеспечение того, чтобы меры поддержки на замыкались на рыночных структурах с низким конкурентным давлением.** Все меры поддержки должны выстраиваться таким образом, чтобы минимизировать риск искажения рыночных стимулов или вытеснения участников рынка. Прозрачность схем государственной поддержки и обеспечение подотчетности могут снизить риск преференциального доступа к такой поддержке

для некоторых типов предприятий, в т.ч. находящихся в собственности государства (государственных предприятий – ГП) или крупных компаний, а также риск создания неравных «правил игры». Крупные компании в регионе чаще, чем мелкие предприятия получали помощь от государства в форме отсрочки платежей и налоговых льгот. Хотя для этого могут быть серьезные причины, прозрачность и подотчетность имеют ключевое значение. Правительства должны также воспользоваться существующей возможностью для пересмотра экономической обоснованности функционирования государственных предприятий и проанализировать, является ли предоставление им поддержки от государства наилучшим использованием ограниченных ресурсов, особенно если эти предприятия имели проблемы со структурной жизнеспособностью еще до кризиса. Власти также должны вести активный мониторинг всех форм государственных вмешательств и предлагать корректировки мер политики, призванных защищать состязательность и конкуренцию на рынке. В действительности, страны должны не только избегать того, чтобы замыкаться на рыночных структурах с более слабым конкурентным давлением, но и укреплять свою конкурентную политику в поддержку этапа постэпидемического восстановления экономики. С этой целью Всемирный банк оказывает техническое содействие по оценке влияния государственной помощи на состояние рынка (Румыния), совершенствованию структуры конкурентной политики (Молдова и Узбекистан), а также уменьшению искажений конкуренции, вызванных участием государства в экономике (Казахстан).

- **Реформирование политики для обеспечения возможности плавного ухода предприятий с рынка за счет укрепления рамочных основ разрешения неплатежеспособности и урегулирования несостоятельности.** Укрепление основ разрешения неплатежеспособности и урегулирования несостоятельности, в т.ч. правовой базы, регламентирующей реорганизацию корпораций и реструктуризацию долгов, а также меры по осуществлению внесудебных примирительных процедур крайне важны для обеспечения того, чтобы неконкурентоспособные предприятия подвергались реструктуризации или уходили с рынка. В результате кризиса, вызванного пандемией COVID-19, многим предприятиям потребуется реструктуризация долгов; другие должны быть оперативно подвергнуты процедуре разрешения неплатежеспособности, чтобы предотвратить увеличение количества компаний-зомби, которые могут приводить к снижению производительности в масштабах всей экономики, оттягивая ресурсы от более продуктивных или новых предприятий. Всемирный банк осуществляет взаимодействие с властями по проведению реформ в этой сфере в ряде стран региона, в т.ч. в Болгарии, Эстонии и Польше.
- **Реформирование политики для обеспечения возможности легкого входа на рынок и роста предприятий.** Страны могут повысить конкурентный уровень деловой среды путем снижения регуляторных издержек для предприятий, ускорения цифровизации услуг, предоставляемых в сегменте «правительство бизнесу», а также укрепления институтов для

повышения определенности экономического курса. В более широком смысле странам необходимо скорректировать свою нормативно-правовую среду с целью облегчения перераспределения ресурсов в пользу долгосрочной экономической трансформации, создания новых рабочих мест, а также обеспечения инклюзивного роста. Всем этим аспектам Всемирный банк уделяет большое внимание в своей деятельности в странах региона. Примеры проектов, призванных облегчать процессы входа на рынок и ухода предприятий с рынка, внедрение инноваций и развитие конкуренции, - действующие операции в Северной Македонии, Молдове, Румынии, Сербии и Турции.

- **Обеспечение условий для того, чтобы финансовый сектор обладал потенциалом для предоставления ликвидности при необходимости и сохранял здоровье.** Сильный финансовый сектор – жизненно важная составляющая конкурентной деловой среды. Он может предоставлять финансирование новым предприятиям для входа на рынок, а продуктивным компаниям – для инвестиций в инновации и адаптацию к изменившимся условиям. Там, где это необходимо, следует рассмотреть возможность предоставления стимулов регуляторного и надзорного характера для мотивации к принятию своевременных мер по урегулированию проблемной задолженности и способствования эффективной реструктуризации корпоративных долгов. Всемирный банк ведет обширную работу в странах региона по вопросам здоровья финансового сектора. Один из хороших примеров – работа, проводимая совместно с Международной финансовой корпорацией (IFC) в Казахстане, где в рамках диагностики ситуации с проблемными кредитами и взаимодействия с заинтересованными сторонами ставится задача выявления препятствий и возможностей для развития рынка проблемных активов, включая рыночные варианты решения давней проблемы высокого уровня проблемной задолженности.

Заключение

Воздействие пандемии COVID-19 на предприятия в регионе ЕЦА было глубоким и неравномерным. Среднее падение объемов месячных продаж у предприятий, опрошенных в первом раунде обследования, который проходил с мая по ноябрь 2020 года, составило 24%, а среднее сокращение численности работников, занятых полный рабочий день, - 10% по сравнению с годом ранее. Ко второму раунду, который проводился в период с ноября 2020 года по май 2021 года, каждое четвертое предприятие допускало возможность просрочки платежей по существующим финансовым обязательствам в течение предстоящих шести месяцев. Относительно небольшие и более молодые предприятия сильнее пострадали от пандемического кризиса, чем другие предприятия.

Конкурентная деловая среда, в которой происходит перераспределение ресурсов к наиболее эффективным и наиболее инновационным предприятиям, имеет ключевое значение для устойчивого долгосрочного экономического роста. До пандемии производительность труда предприятий была выше в странах с более совершенной конкурентной средой. Во время пандемического

кризиса, как представляется, произошло перераспределение экономической активности в сторону более производительных предприятий, особенно в странах с более высоким уровнем рыночной конкуренции. Предприятия с более высокой производительностью также с большей вероятностью сумели адаптироваться к кризису, увеличив масштабы деловой активности онлайн и удаленной работы. Будет ли перераспределение активности к более продуктивным компаниям длительным, будет зависеть от того, будут ли они расти, а мало-производительные со временем уходить с рынка.

Многие правительства ввели широкие наборы мер поддержки для быстрого смягчения первоначальных экономических последствий кризиса, вызванного COVID-19, и оказания экстренной помощи для защиты предприятий и работников от наихудших последствий. Вполне вероятно, что наиболее жизнеспособные и инновационные компании поддержку от государства не получили.

По мере вхождения экономик в этап восстановления директивным органам всех стран важно постепенно отменять меры поддержки, как только это станет возможным, и сосредоточиться на стимулировании формирования конкурентной деловой среды. Наличие такой среды – ключ к уверенному восстановлению, повышению устойчивости к будущим кризисам и обеспечению устойчивого долгосрочного экономического роста.

Приложение 2.1 Данные и методология

Проводимые Всемирным банком Обследования предприятий (ОП) позволяют получить репрезентативную в национальном масштабе аналитическую картину ландшафта частного сектора в регионе ЕЦА. Данные последнего раунда обследований по региону собирались преимущественно в 2019 году (таблица А2.1). Дополнительная информация об Обследованиях предприятий доступна на сайте: <https://www.enterprisesurveys.org/en/methodology/>

Таблица А2.1.1. Сроки завершения полевых работ в рамках проведения Всемирным банком обследований предприятий и исследования «Пuls бизнеса»

Страна	Начало исследования ОП	ОП в условиях COVID-19 – раунд 1	ОП в условиях COVID-19 – раунд 2
Албания	Май 2019 г.	Июнь 2020 г.	—
Армения	Декабрь 2020 г.	Апрель 2021 г.	—
Азербайджан	Декабрь 2019 г.	Май 2021 г.	—
Беларусь	Апрель 2019 г.	Август 2020 г.	—
Босния и Герцеговина	Сентябрь 2019 г.	Март 2021 г.	—
Болгария	Март 2020 г.	Сентябрь 2020 г.	Декабрь 2020 г.
Хорватия	Ноябрь 2019 г.	Сентябрь 2020 г.	Январь 2021 г.
Чешская Республика	Март 2020 г.	Октябрь 2020 г.	Февраль 2021 г.
Эстония	Январь 2020 г.	Ноябрь 2020 г.	Февраль 2021 г.
Грузия	Январь 2020 г.	Июнь 2020 г.	Ноябрь 2020 г.
Венгрия	Март 2020 г.	Сентябрь 2020 г.	Февраль 2021 г.
Казахстан	Октябрь 2019 г.	Март 2021 г.	—
Кыргызская Республика	Декабрь 2019 г.	—	—
Латвия	Январь 2020 г.	Ноябрь 2020 г.	Февраль 2021 г.
Литва	Январь 2020 г.	Октябрь 2020 г.	Февраль 2021 г.
Молдова	Ноябрь 2019 г.	Май 2020 г.	Ноябрь 2020 г.
Черногория	Июль 2019 г.	Февраль 2021 г.	—
Северная Македония	Октябрь 2019 г.	Ноябрь 2020 г.	—
Польша	Декабрь 2019 г.	Август 2020 г.	Декабрь 2020 г.
Румыния	Июнь 2020 г.	Сентябрь 2020 г.	Декабрь 2020 г.
Российская Федерация	Июль 2019 г.	Июнь 2020 г.	—
Сербия	Октябрь 2019 г.	Февраль 2021 г.	—
Словацкая Республика	Март 2020 г.	Октябрь 2020 г.	Февраль 2021 г.
Словения	Ноябрь 2019 г.	Август 2020 г.	Декабрь 2020 г.
Таджикистан	Август 2019 г.	—	—
Украина	Декабрь 2019 г.	—	—

	Начало исследования ОП	Исследование «Пульс бизнеса» в условиях COVID-19 – раунд 1	Исследование «Пульс бизнеса» в условиях COVID-19 – раунд 2
Косово	Декабрь 2019 г.	Июль 2020 г.	—
Узбекистан	Август 2019 г.	Сентябрь 2020 г.	—
Турция	Декабрь 2019 г.	Июль 2020 г.	Март 2021 г.

Примечание: — нет данных.

Всемирный банк провел дополнительные обследования предприятий в условиях пандемии COVID-19 по всему миру, в т.ч. в регионе ЕЦА (таблица A2.1.2). Данные по первому раунду исследования в большинстве случаев соби-

Таблица A2.1.2. Наличие данных обследований предприятий в условиях пандемии COVID-19 в регионе Европы и Центральной Азии, по субрегионам

Центральная Азия	Центральная Европа и страны Балтии	Восточная Европа	Северная Европа
Казахстан	Болгария	Беларусь	Дания
Кыргызская Республика	Хорватия	Молдова	Финляндия
Таджикистан	Чешская Республика	Украина	Исландия
Туркменистан	Эстония		Норвегия
Узбекистан	Венгрия		Швеция
	Латвия		
	Литва		
	Польша		
	Румыния		
	Словацкая Республика		
	Словения		
Южный Кавказ	Южная Европа	Западные Балканы	Западная Европа
Армения	Кипр	Албания	Австрия
Азербайджан	Греция	Босния и Герцеговина	Бельгия
Грузия	Италия	Косово	Франция
	Мальта	Республика Северная Македония	Германия
	Португалия	Черногория	Ирландия
	Испания	Сербия	Люксембург
			Нидерланды
			Швейцария
			Великобритания
Российская Федерация	Турция		
Российская Федерация	Турция		

Примечания. По состоянию на 28 июня 2021 года в странах, выделенных жирным шрифтом, проведен, как минимум, один раунд сбора данных в рамках дополнительных обследований предприятий в условиях пандемии. В странах, отмеченных желтым цветом, состоялось два раунда. Данные по Южной Европе доступны, но не используются в анализе, представленном в настоящей главе. По Косово, Турции и Узбекистану (отмечены оранжевым цветом) имеются только данные исследования «Пульс бизнеса».

рались с мая по ноябрь 2020 года; данные по второму раунду собирались в период с ноября 2020 года по май 2021 года (таблица A2.1). В некоторых странах, где на настоящий момент состоялся только один раунд сбора данных, первый раунд не проводился, пока продолжался второй раунд в странах с двумя раундами исследования. Для целей анализа раундам обследования по этим странам присвоены даты завершения полевых работ (см. таблицы 2.3 и 2.8).

Постоянно запускаются новые раунды дополнительных обследований предприятий на фоне пандемии COVID-19. В настоящей главе используются данные первых двух раундов, доступные на дату отсечения 28 июня 2021 года. Поскольку анализ в главе сосредоточен на странах с формирующимся рынком и развивающихся экономиках, в него не включены данные по странам Южной Европы. Основа выборки для дополнительных обследований предприятий в условиях пандемии включает все предприятия, ответившие на вопросы анкеты во время последнего опроса предприятий до пандемии, что позволяет увязать данные о результатах деятельности во время пандемии с данными о характеристиках предприятий, собранными во время докризисных обследований. Более подробная информация о дополнительных обследованиях предприятий в условиях пандемии COVID-19 доступна на сайте: <https://www.enterprisesurveys.org/en/covid-19>.

Кроме дополнительных обследований предприятий в условиях пандемии, Всемирный банк проводит исследование «Пuls бизнес» (BPS), в котором используется анкета, схожая, но не идентичная той, что используется в дополнительных ОП. В исследовании BPS не используется выборка ОП, и в результате его данные нельзя увязать с обследованиями предприятий, проведенными до пандемии. В регионе ЕЦА данные BPS (на дату отсечения 28 июня 2021 года) были доступны по шести странам: Болгария, Польша, Румыния (эти страны также охвачены дополнительными ОП), Косово, Турция и Узбекистан. По последним трем странам, по которым данные дополнительных обследований в условиях пандемии отсутствуют, в таблицах 2.3 и 2.8 приводятся данные BPS. Для обеспечения большей сопоставимости данных с данными дополнительных ОП в любые расчеты включаются только предприятия с численностью работников пять и более человек. Более подробная информация об исследовании «Пuls бизнес» доступна на сайте: <https://www.worldbank.org/en/data/interactive/2021/01/19/covid-19-business-pulse-survey-dashboard>.

Список использованной литературы

- Acemoglu, Daron, and James A Robinson. 2012. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown.
- Acharya, V.V., M. Crosignani, T. Eisert, and C. Eufinger. 2020. "Zombie Credit and (Dis)inflation: Evidence from Europe." NBER Working Paper 27158, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA.
- Aghion, Philippe, and Peter Howitt. 1992. "A Model of Growth through Creative Destruction." *Econometrica* 60(2): 323–51.
- Akcigit, Ufuk, Wenjie Chen, Federico J. Diez, Romain A. Duval, Philipp Engler, Jiayue Fan, Chiara Maggi, Marina Mendes Tavares, Daniel A. Schwarz, Ippei Shibata, and Carolina Villegas-Sánchez. 2021. "Rising Corporate Market Power Emerging Policy Issues." IMF Staff Discussion Note 2021/001, International Monetary Fund, Washington, DC.
- Albagli, E., A. Fernández, and F. Huneeus. 2021. "Firms Margins of Adjustment and Public Policies During COVID-19: A Research Agenda." Presentation at the workshop "COVID-19: Economic Implications and Policy Lessons," Central Bank of Chile, Santiago, January 13.
- Aleksynska, M. and F. Eberlein. 2016. "Coverage of employment protection legislation." *IZA J Labor Policy* 5(17). <https://doi.org/10.1186/s40173-016-0073-x>
- Andrews, Dan, Chiara Criscuolo, and Peter Gal. 2015. *Frontier Firms, Technology Diffusion and Public Policy: Micro Evidence from OECD Countries*. Paris: OECD Publishing.
- Anginer, D., A. Demirgüç-Kunt, and D.S. Mare. 2020. "Bank Capital and Risk in Europe and Central Asia Ten Years after the Crisis." Policy Research Working Paper 9138, World Bank, Washington, DC.
- Apedo-Amah, Marie Christine, Besart Avdiu, Xavier Cirera, Marcio Cruz, Elwyn Davies, Arti Grover, Leonardo Iacovone, Umut Kilin, Denis Medvedev, Franklin Okechukwu Maduko, Stavros Poupakis, Jesica Torres, and Trang Thu Tran. 2020. "Unmasking the Impact of COVID-19 on Businesses: Firm Level Evidence from across the World." Policy Research Working Paper 9434, World Bank, Washington, DC. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34626>.
- Arnold, Jens, Giuseppe Nicoletti, and Stefano Scarpetta. 2011. "Regulation, Resource Reallocation and Productivity Growth." EIB Papers 16(1): 90–115 (European Investment Bank, Luxembourg).
- Autor, David, David Dorn, Lawrence F Katz, Christina Patterson, and John Van Reenen. 2020. "The Fall of the Labor Share and the Rise of Superstar Firms." *Quarterly Journal of Economics* 135(2): 645–709. <https://doi.org/10.1093/qje/qjaa004>.
- Ayyagari, M., A. Demirgüç-Kunt, and V. Maksimovic. 2019. "The Rise of Star Firms: Intangible Capital and Competition." Policy Research Working Paper 8832, World Bank, Washington, DC.
- — —. 2020. "Rise in Corporate Inequality: Role of Competition." Unpublished paper, World Bank, Washington, DC.
- Barrero, J. M., N. Bloom, and S.J. Davis. 2020. "COVID-19 Is Also a Reallocation

- Shock." Working Paper 2020-59, Becker-Friedman Institute for Economics, University of Chicago.
- Bessen, James. 2017. "Information Technology and Industry Concentration." Boston University Law and Economics Paper 17-41.
- Blanchard, O., T. Philippon, and J. Pisani-Ferry. 2020. "A New Policy Toolkit Is Needed as Countries Exit COVID-19 Lockdowns." PIIE Policy Brief 20-8, Peterson Institute for International Economics, Washington, DC.
- Bloom, N., P. Bunn, P. Mizen, P. Smietanka, and G. Thwaites. 2020. "The Impact of Covid-19 on Productivity." National Bureau of Economic Research Working Paper No. 28233.
- Bosio, Erica, Simeon Djankov, Filip Jolevski, and Rita Ramalho. 2020. "Survival of Firms during Economic Crisis." Policy Research Working Paper WPS 9239, World Bank, Washington, DC. <http://documents.worldbank.org/curated/en/140091589221773664/Survival-of-Firms-during-Economic-Crisis>.
- Brucal, Arlan, Arti Grover, and Santiago Reyes Ortega. 2021. "Damaged by the Disaster: The Impact of COVID-19 on Firms in South Asia." Policy Research Working Paper 9604, World Bank, Washington, DC. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/35357>.
- Caballero, Ricardo J. 2008. "Creative Destruction." *The New Palgrave Dictionary of Economics*, 2nd ed., edited by Steven N. Durlauf and Lawrence E. Blume. New York: Palgrave Macmillan.
- Caballero, Ricardo J., and Mohamad L. Hammour. 1994. "The Cleansing Effect of Recessions." *American Economic Review* 84(5): 1350–68.
- — —. 2005. "The Cost of Recessions Revisited: A Reverse-Liquidationist View." *Review of Economic Studies* 72(251): 313–41.
- Céspedes, Luis Felipe, Roberto Chang, and Andrés Velasco. 2021. "Credit, Employment, and the COVID Crisis." *LSE Public Policy Review* 1(4): 3. <https://doi.org/10.31389/lseppr.28>.
- Cirera, Xavier, Marcio Cruz, Elwyn Davies, Arti Grover, Leonardo Iacovone, Jose Ernesto Lopez Cordova, Denis Medvedev, Franklin Okechukwu Maduko, Gaurav Nayyar, Santiago Reyes Ortega, and Jesica Torres. 2021. "Policies to Support Businesses through the COVID-19 Shock: A Firm Level Perspective." *World Bank Research Observer* 36 (1): 41–66. <https://doi.org/10.1093/wbro/lkab001>.
- Crouzet, Nicolas, and Janice Eberly. 2019. "Understanding Weak Capital Investment: The Role of Market Concentration and Intangibles." *Proceedings of the 2018 Jackson Hole Symposium*, 87–148.
- Cunningham, C, F. Ederer, and S. Ma. 2021. "Killer Acquisitions." *Journal of Political Economy* 129(3): 649–702.
- Dauda, Seidu. 2020. *The Effects of Competition on Jobs and Economic Transformation*. EFI Insight-Trade, Investment and Competitiveness. Washington, DC: World Bank
- Davis, S. J., and J. Haltiwanger. 1999. "Gross Job Flows." *Handbook of Labor Economics* 3: 2711–2805.
- De Loecker, Jan, Jan Eeckhout, and Gabriel Unger. 2020. "The Rise of Market Power and the Macroeconomic Implications." *Quarterly Journal of Economics* 135: 561–644.

- Demirgüç-Kunt, Asli, Michael Lokshin, and Ivan Torre. 2021. "The sooner, the better: The economic impact of non-pharmaceutical interventions during the early stage of the COVID-19 pandemic." *Economics of Transition and Institutional Change* 00: 1–23. <https://doi.org/10.1111/ecot.12284>.
- De Nicola, Francesca, Aaditya Mattoo, Jonathan Mattoo, David Tran, and Thu Trang. 2021. "Productivity in the Time of COVID-19: Evidence from East Asia and Pacific." Research & Policy Brief 46, World Bank, Washington, DC. <http://documents.worldbank.org/curated/en/577501619186435038/Productivity-in-the-Time-of-COVID-19-Evidence-from-East-Asia-and-Pacific>.
- Díez, F., D. Leigh, and S. Tambunlertchai. 2018. "Global Market Power and its Macroeconomic Implications." IMF Working Paper 18/137, International Monetary Fund, Washington, DC.
- ECB (European Central Bank). 2021. *Financial Stability Review*. May. Frankfurt am Main.
- Economist. 2021. "The Land that Ambition Forgot," Briefing Corporate Europe, June 5–11.
- Francis, David, Sahar Hussain, and Marc Schiffbauer. 2018. "Do Politically Connected Firms Innovate, Contributing to Long-Term Economic Growth?" Policy Research Working Paper 8502, World Bank, Washington, DC. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29975>.
- Freund, Caroline, and Martha Pierola. 2015. "Export Superstars." *Review of Economics and Statistics* 97(5): 1023–32.
- Gaubert, C., and O. Itskhoki. 2020. "Granular Comparative Advantage." *Journal of Political Economy*, <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/712444>.
- Gourinchas, P.O., S. Kalemli-Ozcan, V. Penciakova, and N. Sander. 2020. "COVID-19 and SME Failures." NBER Working Paper 27877, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA. <https://doi.org/10.3386/w27877>.
- Gutiérrez, Germán, and Thomas Philippon. 2018. "How EU Markets Became More Competitive Than US Markets: A Study of Institutional Drift." NBER Working Paper 24700, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA.
- Hall, Robert. 2018. "New Evidence on the Markup of Prices over Marginal Costs and the Role of Mega-Firms." NBER Working Paper 24574, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA.
- Hallward-Driemeier, Mary, Gaurav Nayyar, Wolfgang Fengler, Anwar Aridi, and Indermit Gill. 2020. *Europe 4.0: Addressing the Digital Dilemma*. Washington, DC: World Bank.
- IMF (International Monetary Fund). 2019. "The Rise of Corporate Market Power and Its Macroeconomic Effects." *World Economic Outlook*, April. Washington, DC.
- Iootty, Mariana, Georgiana Pop, and Jorge Pena. 2020. "Corporate Market Power in Romania: Assessing Recent Trends, Drivers, and Implications for Competition." Policy Research Working Paper 9487, World Bank, Washington, DC.
- Kamepalli, Sai Krishna, Raghuram G. Rajan, and Luigi Zingales. 2021. "Kill Zone." NBER Working Paper w27146, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA. <https://ssrn.com/abstract=3603776>.

- Karalashvili, Nona, and Domenico Viganola. 2021. "The Evolving Effect of COVID-19 on the Private Sector." World Bank, Washington, DC. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/35869>.
- Keller, W., and S.R. Yeaple. 2020. "Multinationals, Markets, and Markups." <https://sites.google.com/site/sryeaple/>.
- Motta, M., A.M. Oviedo, and M. Santini. 2010. "An Open Door for Firms: The Impact of Business Entry Reforms." *Viewpoint: Public Policy of the Private Sector* Note 323, World Bank, Washington, DC.
- Muzi, Silvia, Filip Jolevski, Kohei Ueda, and Domenico Viganola. 2021. "Productivity and Firm Exit during the COVID-19 Crisis: Cross-Country Evidence." Policy Research Working Paper WPS 9671, World Bank, Washington, DC. <http://documents.worldbank.org/curated/en/267581621869749674/Productivity-and-Firm-Exit-during-the-COVID-19-Crisis-Cross-Country-Evidence>.
- Pop, Georgiana, and Ana Amador. 2020. "To Aid and How to Aid: Policy Options to Preserve Markets." *European State Aid Law Quarterly* 19(2): 127–36.
- Schumpeter, J. 1934. "Depressions." In *Economics of the Recovery Program*, ed. Douglass V Brown, Edward Chamberlin, and Seymour Edwin Harris. New York: McGraw-Hill.
- — —. 1942. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York: Harper & Bros.
- Sondermann, D. 2018. "Towards More Resilient Economies: The Role of Well-Functioning Economic Structures." *Journal of Policy Modeling* 40(1): 97–117.
- Torres, J. and T. Tran. 2021. "Global job reallocation during the COVID-19 pandemic." Mimeo. World Bank.
- Van Reenen, John. 2018. "Increasing Differences between Firms: Market Power and the Macro-Economy." CEP Discussion Paper dp1576, Centre for Economic Performance, London School of Economics.
- Vitale, Cristiana, Rosamaria Bitetti, Isabelle Wanner, Eszter Danitz and Carlotta Moiso. 2020. "The 2018 Edition of the OECD PMR indicators and Database: Methodological Improvements and Policy Insights." OECD Economics Department Working Paper 1604, OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/2cfb622f-en>.
- World Bank. 2012. *Global Financial Development Report 2013: Rethinking the Role of the State in Finance*. Washington, DC.
- — —. 2020a. *Global Economic Prospects*. June. Washington, DC.
- — —. 2020b. *Worldwide Bureaucracy Indicators Version 1.1*. Washington, DC. [https://databank.worldbank.org/source/worldwide-bureaucracy-indicators-\(wwbi\)](https://databank.worldbank.org/source/worldwide-bureaucracy-indicators-(wwbi)).
- — —. 2021a. "Firm-Level Productivity Estimates." Methodological Note, Washington, DC.
- — —. 2021b. *Global Economic Prospects*. June. Washington, DC.
- — —. 2021c. "Supporting Firms in Restructuring and Recovery." EFI Insight: Finance, Competitiveness and Innovation, Washington, DC.

Конкуренция и восстановление предприятий после пандемии COVID-19

Несмотря на продолжающееся восстановление глобальной экономической активности и рост выпуска товаров и услуг, который ожидается в регионе Европы и Центральной Азии (ЕЦА) в 2021 году, перед регионом по-прежнему стоит задача сдерживания распространения COVID-19. Как показывают данные опроса предприятий в странах с формирующимся рынком и развивающихся экономиках, воздействие пандемии COVID-19 на предприятия региона было глубоким и неравномерным. Относительно небольшие и более молодые предприятия пострадали сильнее, а более мелким и более молодым компаниям, а также предприятиям, где собственниками являются женщины, восстанавливаться было труднее. Наряду с этим, кризис также выполнил функцию очищения, и во время кризиса в регионе ЕЦА произошло перераспределение экономической активности в пользу более производительных предприятий, особенно в странах с более конкурентными рынками. На предприятиях, где до кризиса был высокий уровень производительности труда, падение объема продаж и сокращение численности работников оказались намного меньше, чем на предприятиях с более низкой докризисной производительностью труда, и, кроме того, у них была выше вероятность адаптации к кризису за счет расширения деятельности на базе сети Интернет и перевода сотрудников на удаленную работу.

Правительства многих стран региона ЕЦА реализовали пакеты мер общей поддержки экономики для смягчения первоначальных экономических последствий кризиса. В целом, государства с большей долей вероятности предоставляли поддержку менее производительным и более крупным предприятиям независимо от уровня их инновационной активности до начала кризиса. По мере вступления государств в стадию восстановления экономики правительствам всех стран нужно будет, как можно скорее, приступить к постепенной отмене мер поддержки экономики и сосредоточиться на создании условий для формирования конкурентной деловой среды, которая является залогом активного восстановления экономики, устойчивости к будущим кризисам, а также устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе.

Всемирный банк
Представительство в России
Ул. Большая Молчановка, 36/1
121069 Москва, Россия
Телефон: +7 495 745 7000
Факс: +7 495 745 7002
Интернет: worldbank.org/eca
worldbank.org/ecace

ISBN (electronic): 978-1-4648-1802-8

© 2021 International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank
Some rights reserved

1818 H Street NW, Washington, DC 20433
Telephone: 202-473-1000
Internet: www.worldbank.org

This work is available under the
Creative Commons Attribution 3.0
IGO license (CC BY 3.0 IGO)
<http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/igo>.

